

Следственный комитет Российской Федерации

**Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева**

Союз ветеранов следствия

Следственный комитет Российской Федерации

**Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева**

Союз ветеранов следствия

СЛЕДСТВИЕ СКВОЗЬ ГОДЫ...

(воспоминания ветеранов следствия)

Выпуск 6

Москва 2026

Под общей редакцией А.И. Бастрыкина, Председателя Следственного комитета Российской Федерации, генерала юстиции Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации.

Составители:

В.А. Рева, ветеран следствия, старший советник юстиции.

А.А. Бессонов, ректор Московской академии Следственного комитета им. А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент, генерал-майор юстиции.

А.В. Хмёлева, руководитель управления научно-исследовательской деятельности (НИИ криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, полковник юстиции.

С 47 **Следствие сквозь годы...** (Воспоминания ветеранов следствия). Выпуск 6 / Авт-сост. В.А. Рева и др., под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М., Издательский Дом «Славянка», 2026. – 368 с.

ISBN 978-5-6041553-9-4

Шестой выпуск серии книг «Следствие сквозь годы...» – сборник рассказов-воспоминаний ветеранов следствия, состоящих в Национальной Ассоциации организаций ветеранов следственных органов «Союз ветеранов следствия», и действующих сотрудников Следственного комитета РФ. Авторы повествуют о накопленном за десятилетия служения Отечеству опыте расследования преступлений различных видов – убийств, в том числе серийных, изнасилований, межнациональных конфликтов, превышения должностных полномочий и др. Рассказы-воспоминания ориентированы на воспроизведение реальных событий, имеющих зачастую общественно-историческое значение, и могут служить документами эпохи. Художественный вымысел здесь сведен к минимуму, сюжет создан самой жизнью, а не фантазией сценариста или писателя. Для молодого поколения следователей эта книга – настоящий учебник не только профессии, но и гражданской позиции, совести и морали.

Для следователей, студентов, преподавателей учебных заведений юридического профиля и широкого круга читателей, достигших 18 лет (содержит описание сцен жестокого насилия).

Воспроизведение всей книги или какой-либо ее части любыми средствами, в том числе в сети Интернет, запрещается без письменного разрешения авторов.

УДК 82-94
ББК 84-44я43

© А.И. Бастрыкин, Р.Д. Вафин, А.А. Киселёв, О.И. Колпаков, А.И. Кондратов, В.Е. Костарев, В.А. Рева, А.П. Савченко, Р.С. Тамаев, Р.Р. Туктаров, текст, 2026

Уважаемые читатели! Дорогие друзья!

Представляю вам шестой выпуск серии книг «Следствие сквозь годы...» Это новый сборник рассказов-воспоминаний ветеранов следствия, состоящих в Национальной Ассоциации организаций ветеранов следственных органов «Союз ветеранов следствия», и действующих сотрудников нашего ведомства, за плечами которых десятки лет следственной работы.

Авторы повествуют о накопленном за десятилетия служения Отечеству опыте расследования преступлений различных видов. Рассказы-воспоминания ориентированы на воспроизведение реальных событий, имеющих зачастую общественно-историческое значение, и могут служить документами эпохи. Художественный вымысел здесь сведен к минимуму, сюжет создан самой жизнью, а не фантазией сценариста или писателя.

Насыщая свой текст элементами художественного письма: рефлексией, размышлениями, оценками своих персонажей и их поступков, авторы тем не менее стремятся к объективности и беспристрастности, руководствуясь чувством долга и стремлением восстановить справедливость. При этом глубокая психологическая насыщенность рассказов-воспоминаний выводит повествование за рамки конкретной исторической реальности, превращая факты индивидуальной памяти в факты универсального духовного значения.

А еще эта книга о судьбах самих следователей, вовлеченных в водоворот событий, о ситуациях, требующих судьбоносного выбора, о трудностях, которые приходится преодолевать, чтобы установить истину и изобличить виновных.

Серия книг «Следствие сквозь годы...» – это послание будущим следователям, это концентрат опыта следственной работы, которым авторы щедро делятся с молодым поколением, это открытый диалог с широким кругом читателей.

*А.И. Бастрыкин,
Председатель Следственного комитета
Российской Федерации,
Генерал юстиции Российской Федерации,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
Доктор юридических наук, профессор*

А.И. Кондратов

«Белое золото»

Предисловие

Историческое наследие

Коррупция или мздоимство, как это явление называлось в прошлые века, а также казнокрадство возникли еще в период образования и становления российской государственности. В разные периоды истории с этими явлениями пытались бороться, и иногда успешно, но в целом и окончательно ликвидировать их не удавалось никому. И к тому были объективные причины. В Российском государстве всегда было неисчислимое количество чиновников, служивых государевых людей, а с каждым годом их количество только увеличивалось. При этом, к сожалению, соблазн личного обогащения очень часто доминировал над совестью и моралью. В итоге коррупция и казнокрадство стали частью жизни и ее укладом.

Активно с мздоимством и казнокрадством стал бороться царь Иван IV Грозный. В 1550 г. Земский Собор принял предложенный им Судебник, который затем на протяжении века был главным источником права Русского царства. В Судебнике впервые появилось наказание за мздоимство и лихоимство – смертная казнь. За мелкие же провинности чиновников сажали в острог (тюрьму), били бичами или батогами, взыскивали «пени», сколько государь укажет. За 37 лет правления Ивана Грозного несколько тысяч государевых людей понесли наказание за совершение этих преступлений. Проворовавшимся и получавшим мзду высшим сановным лицам государства царь определял наказание лично. Как правило, это была смертная казнь. Мелких чиновников если не казнили, то бросали в острог, пороли и штрафовали. В результате

этих мер красть из казны и брать мзду стали меньше. Неотвратимость наказания многих останавливала от соблазна. Однако после смерти Ивана Грозного всё вернулось на круги своя.

Следующим в истории активным борцом с этим явлением уклада жизни российских чиновников стал император Пётр I. 25 июля 1713 г. он подписал Указ о создании следственной канцелярии для расследования злоупотреблений обер-комиссара Архангельской губернии Соловьёва Д.А. Именным указом эту канцелярию возглавил майор лейб-гвардии Семёновского полка князь Михаил Иванович Волконский. Это первое расследование было проведено неудачно, так как обер-комиссар Соловьёв пользовался покровительством всесильного князя Меншикова А.Д. – первого Санкт-Петербургского генерал-губернатора и сподвижника императора. Князя Волконского обвинили в злоупотреблениях, в результате чего он сам предстал перед судом. В дальнейшем, в 1714–1715 гг. Петром I были учреждены еще три следственных канцелярии, а в 1717 г. еще шесть, которые возглавили также гвардейские офицеры в звании майоров. Все они при этом находились в прямом подчинении императору и имели от него особые полномочия.

Так в России было положено начало созданию постоянно действующих следственных органов. К компетенции следственных канцелярий было отнесено расследование наиболее опасных преступлений, посягающих на интересы государства: взяточничество, казнокрадство, служебные подлоги, а также мошенничество, совершенные высокопоставленными должностными лицами и государственными служащими (государевыми людьми). Пётр I был жесток и беспощаден к тем, кто брал взятки и расхищал государственную казну. Так, например, по результатам следствия начальника следственной канцелярии майора лейб-гвардии Семёновского полка Ивана Лихарева губернатор огромной Сибири, один из самых богатых людей России, князь Матвей Гагарин, был обвинен в лихоимстве (получении взяток, вы-

могательстве денег у купцов и присвоении казенных средств). Суд приговорил князя Гагарина к смертной казни через повешение, несмотря на его прошлые немалые заслуги.

Эпоха императрицы Екатерины II вошла в историю как золотой век российского дворянства. Через три недели после восшествия на престол, в июле 1762 г. Екатерина подписала Манифест о лихоимстве, в котором сообщалось о злоупотреблениях в правосудии и государственном управлении и объявлялась им война. Однако, за констатацией этих злоупотреблений не последовала узаконенная система мер наказания за их совершение. Кроме того, была отменена смертная казнь и физические наказания в отношении дворян. Самым строгим наказанием стала ссылка на каторгу в Сибирь. Одновременно с этим императрица издала Указ о возврате жалования для всех служащих центральных, губернских и уездных учреждений. Оно стало значительно выше, чем при Петре I, и обеспечивало безбедное существование чиновничеству. Этим же указом вводился запрет для чиновников принимать любые виды «благодарностей». Тем самым ликвидировалась система «кормления» чиновников от местного населения и челобитчиков, которая была возвращена в обиход при Екатерине I и во многом способствовала коррупции и взяточничеству.

К сожалению, установление высокого материального стимулирования не решило проблему с коррупцией. Проявление либерализма в отношении мздоимцев и казнокрадов, отсутствие регламентированной системы их наказаний в итоге привело к тому, что коррупция как сорная трава вновь буйно разрослась по всей территории Российской империи. Екатерина II вскоре признала тот факт, что мздоимство в государственных делах не искореняется указами и манифестами и что для этого нужна коренная реформа всего государственного строя.

Февральская революция 1917 г., свергнувшая царизм, и последовавшая за ней Октябрьская революция, установившая диктатуру пролетариата, получили в наследство и корруп-

цию, и расхищение казенных средств чиновниками. По указанию В.И. Ленина 8 мая 1918 г. Советом народных комиссаров РСФСР был принят Декрет «О взяточничестве», который стал первым антикоррупционным актом молодой Советской России и положил начало новой долгой, трудной и беспощадной борьбе с коррупцией. В июне 1922 г. был принят первый советский Уголовный кодекс РСФСР, в котором устанавливалась уголовная ответственность должностного лица за получение взятки лишением свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества, а получение взятки при отягчающих обстоятельствах – лишением свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет, вплоть до высшей меры наказания, и конфискацией имущества. Несмотря на репрессивный характер данной уголовно-правовой нормы, искоренить коррупцию так и не удалось, а массовые репрессии 1937-1953 гг. были направлены на борьбу в основном с контрреволюционной деятельностью и шпионажем в рамках пресловутой ст. 58 УК РСФСР.

Наконец, в период развитого социализма при Л.И. Брежневе вопросы коррупции и взяточничества не освещались в средствах массовой информации. За этим строго следила цензура и пропаганда советского образа жизни. Выявленные же факты лишь «келейно» обсуждались на закрытых совещаниях в обкомах, крайкомах, а также в Политбюро ЦК КПСС. В связи с существовавшей в те годы идеологической политикой правящей Коммунистической партии, в государстве, основанном на принципах справедливости, равенства, братства и дружбы народов, его населявших, советский человек не мог и не должен был брать или давать взятки, исходя из высоких моральных и нравственных качеств. Считалось, что именно такими качествами обладали или должны были обладать все партийные и советские чиновники.

И всё же, достоянием общественности в редких случаях становились такие факты коррупции, которые в силу их масштабов, значимости и общественного резонанса скрыть уже было

невозможно. Такие уголовные дела стали возникать в конце 1970-х – начале 1980-х годов по инициативе КГБ СССР под руководством Ю.В. Андропова. В 1978 г. возникло так называемое «Рыбное дело» о коррупции и взяточничестве в системе Министерства рыбного хозяйства СССР. Тогда Управлением КГБ при Совете министров СССР по г. Москве и Московской области было возбуждено уголовное дело по фактам нарушения правил о валютных операциях сотрудниками торгово-производственной фирмы «Океан». Следственными органами были арестованы директор магазина «Океан» на проспекте Мира в Москве Фишман В.И. и его начальник, генеральный директор торгово-производственной фирмы «Океан» Фельдман Е.Б., а в дальнейшем за взяточничество и Рогов Ю.В. – начальник Всесоюзного объединения «Союзрыбпромсбыт». Уже на этом этапе следователями была вскрыта система злоупотреблений и взяточничества в процессе реализации рыбной продукции. В дальнейшем для организации расследования это дело поступило в Прокуратуру СССР и его осуществляли следователи по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, сначала Кежоян А.Х., а затем Громов С.М. В процессе расследования к уголовной ответственности за взяточничество были привлечены десятки директоров магазинов «Океан» по всей стране (всего их было 150), начальник Всесоюзного объединения «Союзрыбпромсбыт» Рогов Ю.В., а также заместитель министра рыбной промышленности СССР Рытов В.И., который также был арестован. При этом в процессе совершенных злоупотреблений (мошенничества) было похищено рыбной продукции на сумму свыше пятисот тысяч рублей. Верховным Судом СССР Рытов В.И. был приговорен к исключительной мере наказания – расстрелу, Рогов – к 15 годам, а Фельдман и Фишман – к 12 годам лишения свободы. Несколько сотен человек, бывших работников магазинов «Океан» в различных регионах страны и других работников торговли, были осуждены к длительным срокам лишения свободы по выделенным уголовным

делам. Впервые в Советском Союзе факты дачи и получения взяток были установлены на высшем государственном уровне. Министр рыбной промышленности СССР, Герой Социалистического Труда Ишков А.А., находившийся в этой должности с 1946 г. по 1957 г. и с 1965 г. по 1979 г., после вынесения судебных решений по этому делу вынужден был написать заявление об увольнении в связи с выходом на пенсию.

В ходе расследования коррупции в системе Минрыбхоза СССР в начале 1979 г. в процессе допроса директора магазина «Океан» в г. Сочи были получены показания о коррупции среди работников торговли, а также в советских и партийных органах города-курорта. Так возникло еще одно уголовное дело о коррупции, имевшее большой общественный резонанс и получившее название «Сочинско-краснодарского». Расследованием коррупционных преступлений по этому делу также занимались следователи по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР – сначала Эфенбах Г.А., затем Чижук А.В., Калининченко В.И. и Майданюк К.К. Общее руководство им осуществляли начальник следственной части Каракозов Г.П. и заместитель Генерального прокурора СССР Найдёнов В.В.

В результате проведенного расследования за получение взяток были арестованы и привлечены к уголовной ответственности десятки работников торговли и общественного питания, советские и партийные руководители г. Сочи и Краснодарского края. Среди них – председатель Сочинского горисполкома Воронков В.А. (осужден к 13 годам лишения свободы), второй секретарь Сочинского ГК КПСС Тарановский Э.В. (осужден к 12 годам лишения свободы), секретарь Сочинского ГК КПСС по идеологии Мёрзлый А.Т. (осужден к 15 годам лишения свободы), его жена Мёрзлая В.А. – начальник управления общественного питания Главкурортторга г. Сочи (осуждена к 15 годам лишения свободы), второй секретарь Краснодарского крайкома КПСС Тарада А.Ф. (умер в СИЗО), председатель

комиссии партийного контроля Краснодарского крайкома КПСС Карнаухов Г.В. (осужден к 15 годам лишения свободы) и другие. У многих из них были изъяты крупные суммы денег, большое количество ювелирных изделий, картин, дорогостоящих изделий одежды из кожи и меха. Как видно, не все руководители советских и партийных органов обладали высокими моральными и нравственными качествами советского человека. В то же время заместитель генерального прокурора СССР Найдёнов В.В., осуществлявший общее руководство этим расследованием, по требованию Отдела административных органов ЦК КПСС был отправлен в отставку.

А через два года в стране была выявлена новая коррупционная схема и хищения государственных денежных средств в системе теперь уже Министерства хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР. Размеры выявленных хищений и сумм взяток, с которыми столкнулось следствие в расследовании злоупотреблений в процессе сбора и переработки хлопка-сырца, поразили воображение даже самых опытных следователей. Масштаб злоупотреблений был настолько велик, что стал предметом обсуждения в ЦК КПСС. Расследование имело большой общественный резонанс и получило название «Хлопкового дела».

О нем и пойдет мой дальнейший рассказ.

1. «Белое золото»

Выращиванием хлопка в Средней Азии занимались с древнейших времен. Главным хлопкосеющим районом была Ферганская область, самая густонаселенная именно от того, что располагала благоприятными почвенными и климатическими условиями – через всю Ферганскую долину протекает вторая по величине в Средней Азии река Сырдарья, которая способствует благоприятному микроклимату и частичному ороше-

нию почвы в засуху. Но этих площадей СССР было недостаточно для выращивания хлопка, поэтому в период с 1938 г. и до конца 1950-х гг. по инициативе союзного центра в Узбекистане было проведено грандиозное строительство оросительных каналов, которые протянулись от рек Сырдарьи и Амударьи в засушливые районы и пустынные земли, в том числе так называемой Голодной степи, расположенной на левобережье Сырдарьи по выходе ее из Ферганской долины. Засушливые земли Голодной степи, изначально находившиеся на территории Самаркандской области, после административной реформы 1962-1963 гг. отошли к Сырдарьинской и Джизакской областям.

Благодаря строительству оросительных каналов земли бывшей Голодной степи превратились в новые крупные районы хлопководства. Одновременно с хлопчатником в эти годы в республике выращивали зерновые культуры – пшеницу и рис, а также значительное количество овощей. Наряду с картофелем, луком, кунжутом, большие плантации отводились под бахчевые культуры – арбузы и дыни. Кроме этого, большие плантации были засажены фруктовыми садами, среди которых преобладали вишни, сливы, алыча, абрикосы и персики. Но, начиная с 1960-х гг., в связи с экстенсивным методом ведения хлопководства за счет расширения его площадей, посевы зерновых, овощей, а также садоводство стали ежегодно сокращаться. В результате этого хлопок выращивался на 98 % сельскохозяйственных площадей республики.

К концу 1970-х гг. Узбекская ССР занимала лидирующее положение в выращивании хлопка и поставкам сырья предприятиям легкой промышленности почти всех советских республик. Хлопок выращивался также в Таджикской, Туркменской, Казахской и Азербайджанской республиках, но именно Узбекистан обеспечивал до 80 % всего выращиваемого в СССР хлопка и являлся хлопковой житницей Советского Союза.

Хлопковое поле, Узбекистан, наши дни

К этому времени практически все пригодные для возделывания сельскохозяйственные земли республики были отведены под хлопководство. Расширение площадей посевов хлопчатника требовало и значительного увеличения количества сельскохозяйственных работников для обработки полей и сбора хлопка. Механизированная уборка с применением хлопкоуборочных машин применялась редко. Во-первых, этих машин выпускалось мало, а те колхозы и совхозы, которые их приобретали, не имели достаточного количества опытных механизаторов и ремонтных баз для их обслуживания. Во-вторых, урожайность при механизированной уборке, конечно, повышалась, но при этом ухудшалось качество собранного хлопка в связи с увеличением его засоренности отходами от коробочек и стеблей.

Хлопок был нужен стране только самого высокого качества, поэтому предпочтение отдавалось ручной сборке, несмотря на то, что это был тяжелый ручной физический труд и работников из местного населения не хватало. По этой причине на хлопковых полях трудились не только жители близлежащих кишлаков, но и горожане, в том числе учителя, врачи, студенты и даже школьники с 5 по 10 классы. Последние в период уборки хлопка, с сентября по ноябрь, отрывались от учебного процесса. Взрослые собирали хлопок по 12 часов в день, для школьников смена устанавливалась от 6 до 8 часов. Каждому уборщику хлопка, в том числе школьникам, назначалась ежедневная норма сбора. Таким образом хлопок собирался десятилетиями, что стало укладом жизни для десятков и сотен тысяч взрослых и детей, проживавших в районах выращивания хлопчатника.

В то же время целые отраслевые блоки промышленности зависели от урожайности хлопка. Его первичную переработку и транспортировку обеспечивали перерабатывающие и транспортные предприятия республики. Полученное же сырье широко использовалось предприятиями союзных республик для производства хлопчатобумажных тканей, одежды, ваты, медицинских перевязочных материалов, а отходы от переработки хлопка – *линт* (короткое, до 15 мм, волокно хлопчатника, получаемое после отделения длинных волокон) и *улюк* (недоразвитые семена хлопчатника) – шли на корм скоту.

Часть хлопка шла на производство нитроцеллюлозы – горючего вещества, из которого изготавливался бездымный порох на пороховых и снаряжных заводах. Впоследствии, в связи с научными достижениями, нитроцеллюлозу стали использовать и как топливо для реактивных снарядов на установках залпового огня. Поэтому и для предприятий оборонного комплекса страны также нужно было всё больше и больше хлопка.

Помимо этого, в 1980-е гг. СССР ежегодно экспортировал хлопок-сырец в соцстраны на общую сумму 1 миллиард инвалютных рублей (1 инвалютный рубль условно равнялся 1 доллару США и стоил в те времена 60 копеек).

Учитывая все вышеперечисленные факторы, хлопок в СССР стал называться «белым золотом» – он играл огромную роль в экономике страны и являлся ценным экспортным товаром, приносящим значительную прибыль в государственный бюджет. Поэтому хлопководство как отрасль сельского хозяйства финансировалась из союзного центра напрямую и на приоритетной основе.

Словосочетание «белое золото» является и некоей метафорой – золото всегда ассоциировалось с богатством и процветанием, а белый цвет символизировал чистоту и высокое качество узбекского хлопка.

Именно из-за стратегической важности хлопка как сырья Госпланом СССР уделялось повышенное внимание объемам его производства и доставки на перерабатывающие предприятия страны. Союзные власти жестко контролировали выполнение плановых показателей по сбору хлопка и непрерывно увеличивали планы по его производству. В то же время за выполнение и перевыполнение отдельные работники совхозов, колхозники, а также директора совхозов и председатели колхозов, директора хлопкоочистительных заводов, секретари райкомов и обкомов партии, руководители Министерства хлопкоочистительной промышленности и Совета министров Узбекской ССР, секретари ЦК Узбекской ССР систематически получали ордена, медали и удостоивались звания Героя Социалистического Труда. В частности, Рашидов Ш.Р. – 1-й секретарь ЦК Компартии Узбекской ССР и кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, был дважды удостоен этого самого высокого звания в СССР (в 1974 г. и в 1977 г.), также в период с 1950 г. по 1980 г. он был награжден десятью орденами Ленина.

К 1975 г. валовый объем сдачи хлопка превысил рекордные 4 млн тонн и достиг своего пика при экстенсивной системе выращивания этой сельхозкультуры. Дальнейшие ресурсы к наращиванию объемов производства хлопка во многом были исчерпаны. Расширение посевных площадей, как и систем их орошения, достигли своих физических пределов, а использование гербицидов в качестве удобрений и для борьбы с вредителями отрицательно сказывалось на рентабельности выращивания хлопка. Кроме того, отсутствие севооборота (научно обоснованного метода, при котором для достижения максимального плодородия почвы в течение нескольких лет необходимо чередование различных видов сельскохозяйственных культур) привело к истощению земель и дальнейшему снижению урожайности.

Несмотря на это, в феврале 1976 г., выступая на XXV съезде КПСС, Рашидов под бурные аплодисменты делегатов съезда заявил, что республика уже в этом году соберет 5 млн тонн хлопка, а к 1983 г. планирует выйти на уровень 6 млн тонн. Эти цифры были абсолютно не реальными к их достижению, но Госплан СССР, опираясь на решения съезда партии, довел эти планы до Совета министров республики в качестве государственного планового задания. Государственный план тогда являлся законом социалистического уклада жизни для всех партийных и советских руководителей, руководителей промышленного производства и сельского хозяйства, а также для служащих, рабочих и колхозников. За невыполнение плана руководители различных рангов могли быть привлечены к строгой партийной и дисциплинарной ответственности, а рядовые работники лишались премий, путевок в санатории и дома отдыха, очереди на приобретение автомобилей, мебельных гарнитуров, телевизоров и холодильников – все дефицитные в те годы товары распределялись, в первую очередь, среди передовиков производства. Поэтому план всегда должен был выполняться. По сути, взятый на вооружение руководителями

Узбекской ССР лозунг «План любой ценой» сознательно проводился в жизнь волевыми указаниями, без учета реальных возможностей хлопкосеющих хозяйств, научных достижений и рекомендаций. И стремление руководителей различных рангов обеспечить воплощение этого лозунга в жизнь, сначала в целях получения поощрений, наград и почестей, а затем уже и из корыстных интересов и жажды наживы, в конце концов привело к масштабным злоупотреблениям.

На практике это выглядело так. На начальном этапе сборщики подсыпали в мешки и тележки землю для увеличения кондиционного веса собранного хлопка, а бригадир бригады сборщиков делал первые приписки его объема. Затем при сдаче на хлопкозаготовительные пункты приписки к объемам собранного хлопка совершали руководители хлопкосеющих хозяйств – председатель колхоза и директор совхоза. Но для выполнения плановых показателей этого было недостаточно. Поэтому следующие приписки выполнения плана совершали уже заведующие хлопкозаготовительных пунктов, которые шли на нарушение государственных стандартов и требований Инструкции по уборке и заготовке хлопка-сырца, утвержденной Министерством легкой промышленности СССР под давлением областных и районных руководителей партийных органов. В процессе приемки хлопка-сырца от хлопкосеющих хозяйств эти приписки выражались уже в фальсификации показателей сортности, влажности и засоренности хлопка.

Так, при влажности хлопка-сырца 1-го – 3-го сортов, составлявшей около 20-25 %, этот показатель искусственно занижался при приемке на заготпункте до 7-8 %. Таким же образом фальсифицировались и показатели засоренности хлопка в сторону ее уменьшения, а сортности – наоборот, в сторону завышения. Эти умышленные нарушения инструкции искусственно увеличивали кондиционный вес хлопка и объемы его заготовок, но одновременно с этим увеличивали фактическую недостачу хлопка-сырца на хлопкозаготовительных пунктах.

Заготовка хлопка-сырца, Узбекская ССР, 1980-е гг.

Но и этого оказывалось недостаточно для выполнения плана по заготовке хлопка. Тогда работники хлопкозаготовительных пунктов шли уже на прямые приписки заготавливаемого хлопка-сырца путем оформления бестоварных приемных квитанций. С этого момента практика приписок приобрела качественно новое состояние и дала новый виток масштабных злоупотреблений.

Одно преступление порождало другое. У руководителей сельскохозяйственных производств по сговору с директорами хлопкозаводов и работниками хлопкозаготовительных пунктов появилась возможность похищать государственные средства под видом заработной платы рабочих и колхозников на многие сотни тысяч рублей ежегодно, а в масштабах республики – на сотни миллионов рублей. Республика за собран-

ный хлопок получала огромные деньги, в том числе и за приписанный его объем, а хлопкозаводы оплачивали совхозам и колхозам принятый от них несуществующий и не собранный хлопок. В свою очередь, руководители хлопкосеющих хозяйств начисляли своим работникам заработную плату за невыполненную ими работу – за фактически не заготовленный хлопок. Рабочие и колхозники расписывались в ведомостях на получение заработной платы, а не заработанные деньги отдавали бригадирам и начальникам участков, у которых они изымались руководителями хлопкосеющих хозяйств, расхищалась и далее уже оседала в качестве взяток в карманах руководителей разных производственных звеньев, связанных с приемом и переработкой хлопка.

В то же время возникающие недостатки на хлопкозаводах и заготовительных пунктах от приписанных объемов сырья нужно было как-то скрывать. Сначала значительное количество недостатков списывалось за счет увеличения так называемых «угаров» в процессе переработки хлопка-сырца. При этом в отчетах искусственно увеличивалось количество хлопка, идущего в переработку для получения нормативных выходов хлопковолокна и его отходов. Объяснялось это низким качеством сырья и плохой работой оборудования. Но и этот способ сокрытия недостатков не обеспечивал ее полное списание. Тогда порочная практика злоупотреблений и взяточничества перекинулась на легкую и текстильную промышленность – в орбиту злоупотреблений были втянуты десятки руководителей и других работников предприятий этих отраслей. В нарушение теперь уже требований Особых условий поставок хлопковой продукции, также утвержденных Минлегпромом СССР, на хлопчатобумажные и текстильные комбинаты и фабрики, расположенные в основном в средней полосе России, а также в Казахской и Узбекской ССР, за взятки под видом хлопкового волокна 6-го сорта направлялись его отходы – линт и улюк.

Следующий способ сокрытия недостатч заключался в отправке вагонов на комбинаты и фабрики с большим недогрузом хлопка от указанного в накладных веса. Могли отправиться в путь и вовсе пустые вагоны с одними только накладными. И за приемку таких вагонов руководителям комбинатов и фабрик также регулярно давались взятки. Сложилась даже неофициальная система расценок. Так, взятка директорам заводов за вагон с отходами хлопка составляла 5-6 тысяч рублей, а за пустой вагон – 10 тысяч. Это при том, что в конце 1970-х – начале 1980-х гг. средняя зарплата работников сельского хозяйства составляла 169 рублей, рабочего на производстве – 180 рублей, автомобиль «Жигули» ВАЗ-2101 стоил 6 400 рублей, а автомобиль «Волга» ГАЗ-24 – 9 450 рублей.

Руководители партийных и советских органов на местах в своем стремлении выполнения плановых обязательств по заготовке хлопка-сырца в целом ряде случаев являлись инициаторами и организаторами системы приписок объемов заготовок, поощряли эту деятельность на всех ее уровнях и получали за это взятки. Руководителям областных промышленных объединений по заготовке хлопка и руководителям Министерства хлопкоочистительной промышленности республики также было достоверно известно о совершаемых приписках заготовок хлопка-сырца, но все они были едины в совершаемом обмане выполнения плановых показателей. Лозунг «План любой ценой» являлся мерилем совести и чести. С учетом массовых приписок заготовок хлопка-сырца в планировании отрасли Министерством хлопкоочистительной промышленности республики закладывалась диспропорция между увеличением закупок хлопка-сырца и выработкой хлопковой продукции. Поэтому руководителями министерства в нарушение методики планирования показателей деятельности отрасли вносились корректировки планов выработки хлопковой продукции. В таких корректировках плановых показателей умышленно занижался процент выхода хлопковолокна для создания его «резерва», в целях покрытия образующихся недостатч,

обусловленных приписками на заготовительных пунктах, хлопкозаводах и объединениях в целом. А за непринятие мер по пресечению этих злоупотреблений, покровительство и поддержку в работе должностные лица министерства в течение целого ряда лет получали от подчиненных им работников взятки.

Сложившаяся в отрасли антигосударственная практика массовых приписок переросла в преступную структуру, позволившую многочисленным должностным и материально-ответственным лицам на протяжении длительного времени безнаказанно совершать хищения и заниматься взяточничеством.

Но отступать назад уже было нельзя. Признать сложившуюся ситуацию и наказать виновных – означало уничтожить свою репутацию и обречь себя на бесславную отставку с высокого поста. И Ш.Р. Рашидов пошел уже проторенным путем. Его авторитет был слишком высок в центральных партийных органах и в глазах лидера государства Л.И. Брежнева. Поэтому в 1977 г. Рашидов отпрапортовал в ЦК КПСС о том, что республика, несмотря на сложности, выполнила данное им обещание. Труженики сельского хозяйства собрали в 1976 г. 5,5 млн тонн хлопка-сырца. Из этого количества, как стало известно позже, как минимум 1 млн тонн хлопка был приписан в отчетах о выполнении плана. Таким образом, республика на ближайшие годы стала заложником системы колоссальных приписок, массовых хищений и коррупции. Конечно, правоохранители на местах пытались осуществлять робкие попытки борьбы с этими явлениями, но все они быстро пресекались руководителями партийных и советских органов. Тем временем, на фоне массовых и системных злоупотреблений, в ноябре 1977 г. Рашидову за высокие достижения в развитии республики, в том числе за выполнение увеличенного плана по валовому сбору хлопка-сырца, было вторично присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ему Золотой Звезды и ордена Ленина. При этом информация о массовых приписках и коррупции в республике накапливалась в КГБ СССР.

2. Следствие. Начало пути

В декабре 1983 г. работник заготовительного пункта Дустликского хлопкоочистительного завода Джизакской области Халматов М., в целях очередного сокрытия недостачи продукции в связи с приписками, за дачу взятки договорился с руководителями Серпуховского хлопчатобумажного комбината «Красный текстильщик» о предстоящей приемке с хлопкозавода нескольких вагонов хлопкового волокна 6-го сорта с недогрузом вагонов наполовину. Информация об этом стала достоянием сотрудников Комитета государственной безопасности. Тем временем, в конце декабря Халматов встретился с директором Учтепинского хлопкозавода Джизакской области Муминовым И. и заведующим хлопкозаготовительным пунктом этого же завода Султановым С.С., которым и сообщил об имеющейся у него договоренности с одним из руководителей Серпуховского ХБК о приеме продукции хлопкозавода с недогрузом за получение взятки. На этой встрече они приняли решение о направлении на Серпуховский хлопчатобумажный комбинат 4 вагонов с Учтепинского хлопкозавода и 2 вагонов с Дустликского хлопкозавода, загруженных хлопковым волокном только наполовину. После отгрузки в адрес комбината вагонов с недогрузом, 25 января 1984 г. Халматов совместно с директором Учтепинского хлопкозавода Муминовым прилетели в Москву и остановились в гостинице «Украина». В Москве в это время уже находился Султанов, который возвратился в Москву из г. Михайлово Рязанской области, где он также договорился о приеме за взятку на фабрику нетканых материалов с Учтепинского, а также и Пахтакорского хлопкозаводов 2 вагонов линта под видом хлопкового волокна 6-го сорта, но крупной суммы денег у него уже не было. Тогда на следующий день Муминов, вместо Султанова, вручил Халматову 40 000 рублей и последний направился в Серпухов для дачи взятки должностному лицу комбината и оформления «правильных» документов о приемке продукции Учтепинского и Дуст-

ликского хлопкозаводов. Находясь в кабинете главного инженера Серпуховского хлопчатобумажного комбината Чуенкова В.В., Халматов был задержан сотрудниками госбезопасности при попытке дачи им взятки Чуенкову в размере 40 000 рублей. Получив первые показания Халматова об обстоятельствах покушения им на дачу взятки, в тот же день в гостинице «Украина» был задержан и Муминов. Одновременно в этот же день, 26 января 1984 г., следственным отделом Управления Комитета государственной безопасности СССР по г. Москве и Московской области в отношении Муминова И. и Халматова М. было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст.ст. 15 и 174 ч. 2 УК РСФСР (покушение на дачу взятки).

Кроме признательных показаний Халматова и Муминова об организации ими покушения на дачу взятки, следствием были установлены и другие доказательства, подтверждающие их вину в совершении этого преступления. Протоколом изъятия 40 000 рублей у Халматова, протоколами осмотра 6 вагонов, железнодорожных накладных с приложенными актами комиссионного осмотра, квитанцией о приеме груза, счетами-сертификатами с покипным отвесом и актами о недостатке хлопкового волокна. Согласно этим документам установлено, что в январе 1984 г. с Учтепинского и Дустликского хлопкозаводов в адрес Серпуховского хлопчатобумажного комбината было отгружено соответственно 4 и 2 вагона хлопкового волокна с большим недогрузом. Допрошенные в качестве свидетелей многочисленные работники Серпуховского хлопчатобумажного комбината подтвердили факт поступления вагонов на комбинат с Учтепинского и Дустликского хлопкозаводов с недогрузом наполовину, хотя в сопроводительных документах указывалось, что вагоны загружены полностью. Факт нахождения Халматова и Муминова 25 и 26 января 1984 г. в Москве подтверждался их командировочными удостоверениями, корешками к использованным авиабилетам и регистрационными карточками, изъятymi в гостинице «Украина».

В своих заявлениях, адресованных старшему следователю Управления КГБ СССР по г. Москве и Московской области, а также в процессе его допроса в качестве обвиняемого, Муминов полностью признал себя виновным в совершенных им преступлениях и дал развернутые показания об обстоятельствах их совершения. В том числе он дал показания и о многочисленных взятках, данных им Шадиеву К.Ш. – начальнику областного промышленного объединения «Джизакзаготхлопкомпром» Министерства хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР.

Вот что Муминов указал в заявлении от 29 февраля 1984 г., через месяц после своего ареста:

Находясь в изоляции от общества, я о многом успел вспомнить, много бессонных ночей я провел в поисках причин, которые привели меня в тюремную камеру и, очевидно, приведут на скамью подсудимых. Себе, своим действиям, я даю самую строгую оценку. Да, я виноват, я нарушил советские законы и меня надо судить, и это будет справедливо. Тут двух мнений быть не может. Но на свои вопросы: «А можно ли было работать директором и не делать приписки хлопка-сырца, а можно ли было работать директором и не платить Шадиеву?» – ответы я даю отрицательные. Объективные обстоятельства были такими, что если бы не занижались анализы и не выдавались фиктивные квитанции на прием хлопка-сырца от совхозов, меня бы с должности сняли. Если бы я не платил Шадиеву, то он нашел бы способ, как снять меня с должности. Это тоже объективный факт, и здесь тоже двух мнений быть не может. Положа руку на сердце, я искренне заявляю, хотя мне сейчас тяжело потому, что потерял любимую работу, принес несчастье семье, но всё же я доволен, что этот нарыв наконец вскрыли, и искренне радуюсь теперь за тех, кто будет работать на моем месте после меня.

Вот так прозвучало чистосердечное раскаяние первого из арестованных директоров хлопкозаводов Джизакской области, давшее начало дальнейшему расследованию злоупотреблений и взяточничества в процессе сбора и заготовки хлопка-сырца.

Через несколько дней сотрудники госбезопасности установили местонахождение в Москве Султанова С.С., который 30 января 1984 г. также был арестован с санкции прокурора Рязанской области за организацию дачи взятки в размере 50 000 рублей совместно с Муминовым И., а также с заведующим хлопкозаготовительным пунктом Пахтакорского хлопкозавода Файзиевым У. директору Михайловской фабрики нетканых материалов Рязанской области Кушнарченко К.Н. Этот эпизод взятки также был доказан как показаниями Султанова, Муминова, Кушнарченко, так и свидетелей – работников Михайловской фабрики, а также изъятыми документами, связанными с приемкой линта под видом хлопковолокна.

Следствие по законам логики продвигалось далее, к установлению всех виновных участников коррупционной системы. 27 февраля 1984 г. с санкции прокурора Московской области был арестован Шадиев К.Ш. – начальник промышленного объединения «Джизакзаготхлопкомпром» Минхлопкопрома Узбекской ССР. В своем заявлении на имя начальника Управления КГБ СССР по г. Москве и Московской области Шадиев, признавая себя виновным в получении и даче взяток, указал:

По предложению директоров заводов, оказавшись в этом порочном кругу и не имея возможности что-либо изменить, не получив помощи и поддержки от руководства министерства, я вынужден был пойти у создавшейся системы на поводу.

Далее в этом же заявлении он сообщил о многочисленных взятках, полученных им от директоров Учтепинского, Пахтакорского, Дустликского хлопкозаводов, а также о даче им взятки бывшему секретарю обкома партии Баймирову Т.Б., заведующему отделом транспорта и связи обкома партии Юлдашеву М., заместителю министра хлопкоочистительной промышленности Нормухамедову Т.А., а также обязался выдать следствию незаконно нажитые деньги и ценности.

Оценив масштабы предстоящего расследования и количество лиц, подлежащих в будущем привлечению к уголовной

ответственности, руководство КГБ СССР приняло решение о передаче данного уголовного дела по подследственности в Прокуратуру Союза ССР. По делу на тот момент было арестовано только четверо обвиняемых в получении и даче взяток и покушении на дачу взятки – Шадиев, Муминов, Султанов и Халматов, которые содержались в следственном изоляторе КГБ СССР «Лефортово».

Однако показания этих лиц свидетельствовали о существовании в области и республике выстроенной годами системы злоупотреблений, позволявшей безнаказанно обманывать государство, получать и давать взятки многочисленным работникам хлопкоочистительной отрасли промышленности, а также ответственным руководителям государственного и партийного аппаратов. И с каждым годом эта система при бездействии местных правоохранительных органов вовлекала в свой круговорот новых и новых участников.

Тогда, в апреле 1984 г., еще никто не мог предположить, что так называемое «Хлопковое дело» вырастет в дальнейшем в одно из самых масштабных коррупционных дел в СССР.

3. Следствие. Основной этап

2 апреля 1984 г. материалы уголовного дела по обвинению четырех указанных выше лиц для дальнейшего расследования по указанию Генерального прокурора СССР А.М. Рекункова поступили в следственную часть Прокуратуры Союза ССР. Начальник следственной части Герман Петрович Каракозов поручил их изучение своему заместителю Алексею Васильевичу Чижуку и старшему прокурору следственной части Георгию Николаевичу Быстрову. Оба в прошлом имели большой следственный стаж в качестве следователей по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР. После изучения материалов они доложили Каракозову о том, что предстоит боль-

шой объем работы в части отработки работников всех хлопкозаготовительных пунктов и хлопкозаводов Джизакской области на предмет получения и дачи ими взяток руководителям промышленного объединения «Джизакзаготхлоппром», ответственным работникам партийных и советских органов, а также руководителям хлопчатобумажных фабрик, куда отправлялось хлопководлово. Кроме того, из показаний руководителей и работников фабрик в г. Серпухове Московской области и в г. Михайлове Рязанской области усматривалось, что свою продукцию им направляли также хлопкозаводы, расположенные и в других областях Узбекской ССР, в частности, Хорезмской, Бухарской и Самаркандской, а также в Каракалпакской автономной республике. Нужно было также определиться и с периодом совершения преступной деятельности.

Естественно, что для выполнения такого объема следственных действий требовалось образовать многочисленную следственную группу, с последующим направлением следователей в командировки в Узбекистан и в другие регионы страны, где находились хлопчатобумажные фабрики. Г.П. Каракозов согласился с этими предложениями, поручил А.В. Чижуку принять уголовное дело к своему производству и образовать для дальнейшего расследования следственную группу. В состав следственной группы по этому делу вошли и следователи следственной части – старшие следователи по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Константин Карлович Майданюк, Владимир Иванович Калининченко, а также следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Виктор Матвеевич Королевский. Кроме них, следственная группа была сформирована из многочисленных прикомандированных к Прокуратуре СССР следователей органов прокуратуры и внутренних дел из областей и республик Советского Союза. Всем им предстояло разъехаться в длительные командировки для проведения на местах следственных действий.

В Узбекской ССР к этому времени уже давно работала большая следственная группа под руководством следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Т.Х. Гдляна. В состав этой группы следователей входил и следователь по особо важным делам Н.В. Иванов. У них в производстве находилось уголовное дело, возбужденное 27 апреля 1983 г. следственным отделом КГБ СССР по Бухарской области в отношении начальника ОБХСС УВД Бухарского облисполкома Музафарова А. по факту получения им взятки в размере 1 000 рублей. Музафаров был задержан с поличным при получении взятки и вскоре дал признательные показания по другим эпизодам своей преступной деятельности. При обыске в доме Музафарова были изъяты 1 131 183 рубля, а также золотые монеты и золотые изделия, всего на общую сумму в размере 1,5 млн рублей. В последующем это уголовное дело также было передано в Прокуратуру Союза ССР для дальнейшего расследования, и уже в августе 1983 г. Каракозов поручил вести это расследование Гдляну и образованной им следственной группе. В процессе следствия были установлены многочисленные факты коррумпированности руководящих сотрудников органов внутренних дел, а также партийных органов республики. К уголовной ответственности были привлечены начальники областных органов внутренних дел, секретари обкомов партии, а также руководящие сотрудники Министерства внутренних дел Узбекской ССР. На фоне этого расследования и произведенных арестов 1-й секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш.Р. Рашидов, находясь в служебной командировке в Каракалпакской АССР, 31 октября 1983 г. умер в результате обширного инфаркта. Однако, необходимо отметить, что ни Гдлян, ни Иванов никакого отношения к расследованию выявленных злоупотреблений в процессе сбора и переработки хлопка-сырца в Узбекской ССР не имели. Тем не менее, вся информация, содержащаяся в Интернете и в Википедии на эту тему, утверждает, что именно они вели непримиримую борьбу с коррупцией в Узбекистане в рамках «Хлопкового дела».

Ну, а следователи следственной группы Чижук приступили к работе по утвержденному плану. Большая часть из них после изучения материалов дела вылетела в узбекские города Ташкент, Джизак, Хорезм, Бухару, Самарканд и Нукус. Там началась работа по отработке новых эпизодов приписок хлопка при его заготовке, а также дачи взяток для сокрытия недостатков и покровительства в дальнейшей работе. После проведенных допросов и очных ставок в мае-июле 1984 г. только в Джизакской области были арестованы Бабаев Х. – начальник отдела заготовок Пахтакорского хлопкозавода, Джураев А. – директор Дусликского и Октябрьского хлопкозаводов, Алимбетов А.Т. – директор Дусликского хлопкозавода, Файзиев М. – заведующий хлопкозаготовительным пунктом Дусликского хлопкозавода, Калкозов И. – классификатор 2-й зоны хлопкозаготовительного пункта Дусликского хлопкозавода, Эгамбердиев У. – классификатор 2-й зоны Дусликского хлопкозавода, Худайкулов Ф.Х. – директор Пахтакорского хлопкозавода и, наконец, Аббасов Ф.А. – заместитель начальника промышленного объединения «Джизакзаготхлоппром». Все следственно-арестованные по этому делу были этапированы в Москву для проведения с ними дальнейших следственных действий.

Группа следователей, которой руководил К.К. Майданюк, отрабатывала показания о получении взяток руководителями Министерства хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР. В результате уже к 15 мая 1984 г. удалось собрать доказательства и получить санкцию заместителя Генерального прокурора СССР на арест заместителя министра хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР Нормухамедова Т.А., а 17 июля 1984 г. и заместителя министра того же министерства Мухамеджанова Р.В. В дальнейшем, в сентябре 1984 г. был арестован Абдурахимов С.Н. – начальник Управления по поставкам хлопковой продукции и транспорта этого же министерства, а в октябре – Акбаров А., еще один заместитель министра. В начале декабря 1984 г. число арестованных высо-

С учетом полученных показаний от уже теперь бывших руководителей Министерства хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР и руководителей его областных промышленных объединений, 5 ноября 1984 г. в Москве с санкции заместителя Генерального прокурора СССР был арестован заместитель начальника Управления развития хлопкоочистительной промышленности Министерства легкой промышленности СССР Миронов В.Е., а 18 января 1985 г. в Ташкенте – министр хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР Усманов В. В тот же день Усманову было предъявлено обвинение в преступлениях, предусмотренных ст. 152 ч. 2 УК УзССР в неоднократном получении взяток.

Еще летом 1984 г., когда количество выявляемых следствием эпизодов взяточничества стало расти в геометрической прогрессии и уже с трудом контролировалось руководителем следственной группы, Каракозов вынес постановление о передаче этого уголовного дела в производство старшему следователю по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Калининченко В.И. Последний, приняв его к своему производству, из числа прикомандированных следователей образовал достаточно многочисленную штабную группу, состоящую в раз-

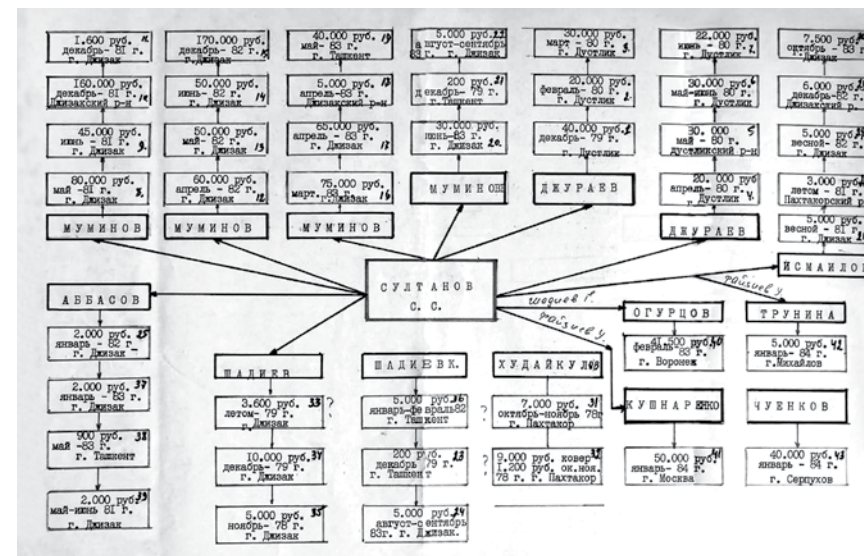

Схема дачи взяток Султановым С.С.

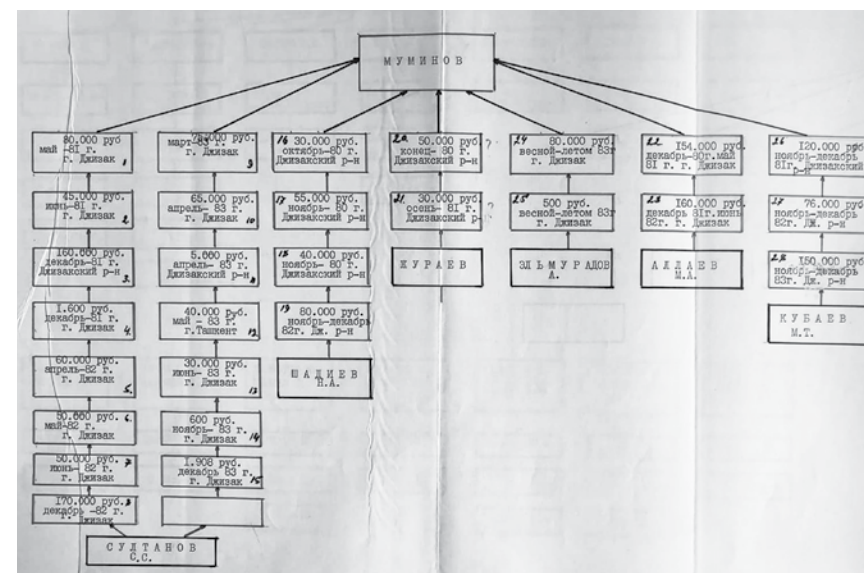

Схема получения взяток Муминовым И.

ное время из пяти или шести человек. Членам этого штаба и была поручена работа по учету всех эпизодов взяточничества по каждому из обвиняемых по делу лиц, контролю за сроками содержания обвиняемых под стражей, копированию материалов дела с целью их выделения в отдельные производства, организации направления отдельных поручений и выделенных материалов дела в различные органы Прокуратуры Союза ССР, и наконец, ведению кадрового учета прикомандированного состава следователей, в который регулярно вносились изменения. Калиниченко В.И., являясь руководителем следственной группы, был одновременно и руководителем этого штаба. Нужно признать, что результаты работы такого штаба по многоэпизодным делам во многом облегчили труд следователей в части выполнения ими технической работы. Собранные штабом сведения об эпизодах преступлений использовались ими при составлении постановлений о привлечении в качестве обвиняемых, а также в последующем при составлении обвинительных заключений, что в итоге способствовало и сокращению сроков расследования. Под каждого обвиняемого в штабе вычерчивались графические схемы получения и дачи взяток с указанием места, времени, сумм, фамилий как взяткодателей, так и взяткополучателей. Это был эффективный опыт применения такой штабной деятельности, который затем использовался мной в процессе организации расследования по другим многоэпизодным уголовным делам.

В конце января 1985 г. бывший министр хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР Усманов был этапирован в следственный изолятор КГБ СССР. В своем заявлении от 30 января 1985 г. на имя Генерального прокурора СССР Усманов изложил следующее:

В 1981-1983 гг. в Ферганской, Джизакской, Бухарской и Кашкадарьинской областях в разгар уборки и заготовки хлопка бывший Председатель Совета Министров республики Худайбердыев лично собирал совещания работников партийно-советских, сельско-

хозяйственных и заготовительных органов и давал указания любой ценой нарастить цифры заготовок, запрещал возвращать некондиционное сырье. Прямо давал указание занижать процент влажности и засоренности, в результате чего образовывался разрыв между статистическими данными и фактическими заготовками, а заводы вынуждены были платить совхозам и колхозам за несуществующее сырье. <...> Моя вина, как министра и как человека в том, что я не нашел в себе силы и мужества сообщить об этом в центральные органы страны.

В следующем своем заявлении от 19 февраля 1985 г., адресованном теперь уже на имя Генерального секретаря ЦК КПСС Черненко К.У., Усманов изложил более подробную информацию о масштабах злоупотреблений, совершаемых в республике. Вот некоторые цитаты из этого обращения:

За 1981-1983 гг., например, было приписано около 1 млн тонн хлопка-сырца. Одно преступление порождало другое: заводы из-за приписок и понижения кондиции платили колхозам-совхозам деньги за несуществующий хлопок, то есть «за воздух». Это положило начало серьезным злоупотреблениям. У руководителей сельскохозяйственного производства в сговоре с директорами заводов появилась возможность похищать государственные средства, многие сотни тысяч рублей ежегодно, за счет выборки заработной платы за не собранный и не сданный, но оплаченный хлопок. По сути дела, приписки прямо толкали председателей колхозов и директоров совхозов похищать заработную плату. <...> Когда писали в Москву о достижении 6 млн тонн хлопка, все знали, что это неправда. Кроме морального, наносился двойной ущерб государству. Не имея 6 млн тонн хлопка, отрасль не могла дать качественный выход волокна, а также его количества, а поэтому не могла выполнять фондовые поставки по ассортименту и этим вносила хаос в работу текстильной промышленности страны. Как видно из этого, позиция нажима и невмешательства, личное участие в приписках руководителей республики и по их указанию секретарей областных-районных партийных органов открыли

широкую дорогу для всякого рода злоупотреблений, подлогов, подачек, что привело в конечном счете к хищениям и взяточничеству. Так сложилась порочная система круговой поруки, всех она устраивала и никому не было дела до того, что эта система вносила в экономику хаос и неразбериху. Просто невозможно было учесть, что будет произведено на следующий год на самом деле, а что будет приписано. <...> Чтобы быть до конца откровенным, я не скрываю, что я лично брал деньги от Бурханова, директора Бухарского хлопкозавода, от Бекимбетова, бывшего начальника Хорезмского объединения «Хлопкопрома», от Худайбергенова, начальника Каракалпакского объединения «Хлопкопрома», от Абдурахманова, директора Пскентского хлопкозавода, от Мадаминова, директора Паркентского хлопкозавода и от Касымова, начальника Ташкентского объединения «Хлопкопрома».

Не менее яркое заявление сделал находившийся в следственном изоляторе КГБ СССР Тен В.В., бывший до 1978 г. заместителем министра, а с 1978 г. начальником Управления материально-технического снабжения Министерства хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР.

Вот выдержка из его заявления от 6 мая 1985 г., адресованного на имя нового Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва:

Находясь в следственном изоляторе КГБ СССР, мною в адрес Прокуратуры СССР написано около 30 явок с повинной, в которых я подробно описываю свою преступную деятельность. Руководствуясь сейчас только одним, чтобы вся накупь, грязь была стерта у нас в СССР раз и навсегда. <...> Лично я взятки от должностных лиц хлопкоочистительной промышленности УзССР брал на протяжении последних 15 лет, также последние 15 лет взятки давал я сам различным лицам в Узбекистане и в Москве. <...> По нашему преступлению, которое мы совершили, чтобы не было повадно другим очковтирателям, прихлебателям, любителям дармовых наград нужно без всякой жалости нас расстрелять и никому не давать спуска, начиная от товарове-

да и кончая 1-м секретарем ЦК КП Узбекистана, только тогда все поймут, что закон для всех один. Ведь мы все, кто замешан в этом хозяйственном преступлении, совершили самую настоящую экономическую диверсию и вредительство против Родины. Хотя в ст. 69 УК РСФСР сказано, что вредительство может быть совершено с прямым умыслом и с целью ослабления Советского государства, считаю своим долгом заявить Вам, что наши преступные действия мы совершали сознательно и долгие годы делали приписки, продавали государству фактически воздух, брали взятки, в результате страна получала всё меньше и меньше хлопка и мы фактически являемся скрытыми диверсантами и бандитами от экономики. Пишу искренне и чистосердечно.

Вот вам и объективная оценка деятельности целого республиканского министерства и всей отрасли промышленности, данная одним из ее руководителей. Добавить к этому нечего, разве что внести уточнение в квалификацию совершенных обвиняемыми преступлений. Но об этом немного позже.

В середине мая 1985 г. я был включен в состав этой большой следственной группы, в связи с чем получил прямой доступ к материалам уголовного дела и начал их изучать. Нужно сказать, что этот процесс сразу вызвал определенные сложности, так как к этому времени по делу были привлечены к уголовной ответственности свыше 40 человек, а количество эпизодов получения и дачи взяток просто зашкаливало и не поддавалось уяснению. Большинство обвиняемых по этим эпизодам пересекались друг с другом в части дачи и получения взяток, а также в эпизодах совместного вручения взяток вышестоящим должностным лицам и руководителям фабрик. Помимо этого, материалы дела не были систематизированы и находились частями у разных следователей следственной группы. Когда я доложил об этих трудностях В.И. Калиниченко, тот порекомендовал мне сосредоточиться на материалах дела в отношении бывших материально-ответственных и должностных лиц промышленного объединения «Джизакзаготхлопкопром», кото-

рым уже были предъявлены обвинения и все они содержались под стражей в следственных изоляторах № 1 и № 2 г. Москвы. Срок содержания под стражей этой категории лиц с разрешения Президиума Верховного Совета СССР был продлен заместителем Генерального прокурора СССР на срок 18 месяцев, то есть до 26 июля 1985 г. Акцент на изучении материалов дела только в отношении этой категории лиц значительно упростил мою работу и с учетом уже имевшихся графических схем коррупционных связей процесс ознакомления с материалами был успешно завершен.

С каждым месяцем в процессе следствия количество эпизодов получения и дачи взяток увеличивалось. Увеличивалось и количество лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за эти преступления. Так, еще в конце января 1985 г. был арестован и этапирован в Москву начальник планово-экономического управления Министерства хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР Канцеров Р.Ф. Основываясь на его показаниях и показаниях бывшего министра Усманова В. о неоднократной даче взяток заместителю начальника отдела сводных планов и отчетности Министерства легкой промышленности СССР Соседовой Г.Г., последней в марте 1985 г. было предъявлено обвинение в неоднократном получении взяток и в отношении нее также избрана мера пресечения – содержание под стражей. Наконец, 4 июня 1985 г. в Москве с санкции заместителя Генерального прокурора СССР был арестован начальник Управления развития хлопкоочистительной промышленности Министерства легкой промышленности СССР Витов Л.А. (его заместитель, Миронов В.Е., был арестован еще 5 ноября 1984 г.). Так ручеек коррупции, обнаруженный следствием в подмосковном Серпухове, превратился в широкую реку, вскрывшую своим бурным потоком систему злоупотреблений в области сбора и заготовки хлопка-сырца в масштабах союзной республики и в итоге приведшую следователей в Москву, в союзное Министерство легкой промышленности.

Изучая материалы дела, я обратил внимание на квалификацию действий привлеченных к уголовной ответственности лиц. Всем им вменялась уголовная ответственность за получение и дачу взяток, совершенные на территориях различных союзных республик. С одной стороны, взятки давались должностным лицам за покровительство и поддержку в работе и непринятие мер к пресечению приписок заготавливаемого и перерабатываемого хлопка-сырца. С другой стороны, взятки давались представителям хлопчатобумажных и других фабрик за сокрытие недостатков, образующихся на хлопкозаготовительных пунктах и хлопкозаводах республики в результате приписок. Материалы дела содержали информацию и об источниках получения денежных средств для дачи взяток, которые исчислялись в общей сумме миллионами рублей. По предварительным оценкам, основанным на показаниях привлеченных к уголовной ответственности лиц, такими источниками являлись денежные средства, получаемые в качестве заработной платы за не собранный на полях и не сданный государству хлопок. То есть многочисленными лицами расхищались полученные от государства деньги за огромные приписки. А вот вопрос о квалификации действий руководителей хлопкозаводов, осуществлявших выплату заработной платы работникам хлопкозаготовительных пунктов за приписанный объем принятого ими хлопка, а также руководителям колхозов и совхозов за «воздух», то есть за не собранный и не сданный в переработку хлопок-сырец, оставался открытым. Я был сторонником привлечения всех этих лиц кроме ответственности за дачу и получение взяток, также к ответственности за хищение ими денежных средств, то есть государственного имущества, путем злоупотребления служебным положением, а в части иных лиц путем его присвоения. Доказательства дачи и получения взяток большей частью основывались на показаниях взяткодателей и взяткополучателей, и в любой момент могли быть изменены. А вот хищения денежных средств путем

необоснованно получаемой заработной платы можно было доказать проведением документальных ревизий и заключением судебно-бухгалтерской экспертизы. Я поставил этот вопрос перед Калиниченко В.И. Как оказалось, он и сам думал об этом.

Чтобы доказать объемы хищения денежных средств буквально до копеек, необходимо было провести сотни документальных ревизий и судебно-бухгалтерских экспертиз по всем участвовавшим в этой цепочке совхозам и колхозам, а также хлопкозаготовительным пунктам и хлопкоочистительным заводам. Только в одной Джизакской области в состав промышленного объединения «Джизакзаготхлоппром» входило 8 хлопкоочистительных заводов, каждый из которых имел по 4-5 хлопкоприемных заготовительных пунктов. А если посмотреть уже на структуру Министерства хлопкоочистительной промышленности, то в нее входило 12 промышленных объединений в областях и одно в Каракалпакской автономной республике Узбекистана. Все они руководили деятельностью 120 хлопкозаводов, расположенных на территориях областей и автономной республики. Еще большее количество колхозов и совхозов занималось хлопководством. Даже трудно было себе представить, сколько потребовалось бы затратить времени и какое количество следователей, бухгалтеров и экспертов потребовалось бы привлечь для выполнения такой работы. При этом шел уже второй год следствия и содержания обвиняемых под стражей. Так что проблема, связанная с квалификацией действий обвиняемых, стояла довольно остро, и ее необходимо было как можно скорее решать. Она действительно имела принципиальное значение и в то же время ее решение имело слабые перспективы для практической реализации.

Этот вопрос В.И. Калиниченко обсудил с начальником следственной части Г.П. Каракозовым, а последний – с заместителем Генерального прокурора СССР О.В. Сорокой и Генеральным прокурором СССР А.М. Рекунковым. Рекунков в итоге согласился с предложением Каракозова о квалификации дей-

ствий обвиняемых, связанных с неправомерным присвоением зарплаты за приписанный хлопок, как «злоупотребление служебным положением». Обсуждал ли А.М. Рекунков вопрос о квалификации преступлений в этой части бывших руководителей данной отрасли промышленности с членами Верховного Суда СССР, как это утверждал в своей книге «Следствие и власть» В.И. Калиниченко¹, мне достоверно не известно, и я не могу это подтвердить. Но, на мой взгляд, Рекунков всё-таки должен был провести консультации по этому вопросу с руководством Верховного Суда. Так или иначе, мы получили указание от Каракозова о квалификации действий обвиняемых по совокупности совершенных преступлений как «злоупотребление служебным положением» и «получение и дача взяток». Это решение снимало вопрос о необходимости расследования хищений.

Для объективного определения состава преступления о злоупотреблении служебным положением должностными лицами системы Минхлоппрома республики необходимо было установить объемы приписок сдачи государству хлопка. Помимо этого, необходимо было установить и суммы денежных средств, выплаченных в качестве заработной платы хлопкосеющим хозяйствам за приписанный объем сбора хлопка-сырца, а также количество и качество принятого хлопкозаводами в переработку сырья. Это также свидетельствовало бы о реальном наличии у руководителей хлопкосеющих хозяйств и хлопкозаготовительных пунктов огромных денежных сумм, используемых ими в дальнейшем для неоднократной дачи взяток, которые исчислялись в общем миллионами рублей. Всё это могло быть установлено только выводами планово-экономической экспертизы.

Идея провести такую экспертизу возникла у Константи-на Майданюка после длительного общения со следственно-

1. См. Владимир Калиниченко. «Следствие и власть». Ярославль, издательство «Академия 76», 2013.

арестованным Мироновым В.Е. – бывшим заместителем начальника Главного управления развития хлопкоочистительной промышленности Минлегпрома СССР. 25 января 1985 г. Миронов обратился с письменным заявлением на имя Генерального прокурора СССР, где изложил комплекс мер для наведения должного порядка в организации деятельности от заготовок хлопка-сырца до расчетов за отгруженную продукцию в целях устранения выявленных негативных явлений. У Майданюка в процессе общения с Мироновым сложились доверительные отношения, и Миронов искренне стал содействовать следствию. Поэтому не исключаю, что именно он рекомендовал следствию установить объемы приписок хлопка и суммы необоснованно выплаченных государственных денежных средств за объемы приписок. Но сразу же возникал вопрос: кому можно был поручить проведение такой нестандартной и масштабной планово-экономической экспертизы? В системе Министерства юстиции не было экспертного учреждения, которое проводило бы подобного рода экспертизы, как нет его и сейчас – до этого момента не было подобных прецедентов, и специалистов для проведения таких исследований нужно было еще поискать.

Своими размышлениями Майданюк поделился с надзирающим за следствием прокурором следственной части Надеждой Константиновной Поповой, которая сразу же активно поддержала его и, с учетом личных связей, предложила поручить проведение такой экспертизы специалистам Научно-исследовательского института планирования и нормативов Госплана СССР. На первом же служебном совещании у Г.П. Каракозова Н.К. Попова официально поставила вопрос о назначении такой экспертизы. Каракозов пообещал подумать и обсудить это позже, так как проведение подобной такой экспертизы было связано и с длительными сроками. Однако затем он принял это предложение и дал указание Майданюку и Поповой о назначении и организации проведения этой экспертизы. После предварительных переговоров с руководящими сотрудниками

НИИП и Госплана СССР была достигнута договоренность о проведении данной экспертизы при условии включения в состав экспертов специалистов Министерства легкой промышленности СССР. Это было связано с тем, что в процессе проведения экспертизы необходимо было изучить большой объем документов этого министерства, уже находящихся в архиве. Так мы и поступили.

Состав экспертной группы был сформирован из 5 человек под руководством заместителя начальника Управления развития хлопкоочистительной промышленности Министерства легкой промышленности СССР С.И. Фурсова. Также в нее вошли специалист отдела планирования себестоимости этого же министерства, два заведующих секторами и один старший научный сотрудник НИИП и Госплана СССР. Состав группы был согласован на уровне руководителей этих союзных ведомств. К сожалению, я не располагаю копией постановления о назначении планово-экономической экспертизы, назначенной К.К. Майданюком. Но судя по отдельным выводам, содержащимся в обвинительных заключениях, перед экспертами были поставлены вопросы об объемах приписок хлопка-сырца в период с 1978 по 1983 гг. в целом по Министерству хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР и по его промышленным объединениям в частности, о размерах заработной платы, выплаченной за фактически не заготовленное сырье, о росте себестоимости продукции в указанный период времени и о размере недополученной прибыли. Сначала планово-экономическая экспертиза была проведена по Министерству хлопкоочистительной промышленности, а затем, уже по отработанной методике, по всем промышленным объединениям министерства. На организацию проведения этой уникальной экспертизы ушло несколько месяцев работы, а ее выводы были использованы следствием при предъявлении обвинений руководителям Министерства хлопкоочистительной промышленности и его структурных промышленных объединений

в злоупотреблении служебным положением, повлекшим существенный вред государственным интересам.

Вопрос об избыточном количестве эпизодов взяточничества и количестве лиц, привлеченных к уголовной ответственности в рамках одного уголовного дела, возник уже давно. Это значительно затрудняло общий процесс, руководство которым было возложено на одного человека. Достаточно сказать, что следствие располагало показаниями обвиняемых о даче ими взяток в различных регионах страны работникам предприятий, принимавшим продукцию хлопкозаводов, в целях сокрытия недостачи хлопка-сырца, образовавшейся на заготовительных пунктах в связи с его приписками. Такие показания были получены в отношении руководителей и работников Самаркандской ватной фабрики (г. Самарканд Узбекской ССР), Язъяванской ватной фабрики (г. Фергана Узбекской ССР), Чимкентской кожгалантерейной фабрики (г. Чимкент Казахской ССР), Ишлейского производственного объединения «Надомница» (г. Чебоксары Чувашской АССР), Уфимского хлопчатобумажного комбината (г. Уфа Башкирской АССР), Челябинской прядильно-ткацкой фабрики и Челябинской фабрики напольных покрытий (г. Челябинск РСФСР), Воронежской фабрики ватных изделий (г. Воронеж РСФСР) и Михайловской фабрики нетканых материалов (г. Михайлов Рязанской области РСФСР). И это далеко не весь перечень предприятий, использовавших в своем производстве хлопковое волокно и его отходы (всего в него входило более двадцати предприятий). В большинство регионов выезжали следователи следственной группы, на местах проверяли показания обвиняемых о даче ими взяток и отрабатывали эти эпизоды путем допросов свидетелей, изъятия документов о поставках сырья на предприятиях и управлениях железных дорог, а также из гостиниц, где проживали взяточдатели, обвиняемые по нашему делу, в период вручения ими взяток должностным лицам этих предприятий.

После подтверждения показаний обвиняемых о дополнительных эпизодах дачи ими взяток представителям хлопкозаводов и предварительного сбора доказательств в отношении лиц, получавших такие взятки на предприятиях страны, Калининченко В.И. стал выделять такие материалы дела в отдельные производства и направлять их в территориальные органы прокуратуры для дальнейшего расследования. Нужно сразу отметить, забегая вперед, что наши коллеги в прокуратурах областей и республик, где раньше на происходящее закрывали глаза, со всей серьезностью и профессионализмом отнеслись к этим материалам, провели всестороннее расследование, привлекли лиц, виновных в получении взяток, к уголовной ответственности и направили уголовные дела в суды. Ну а в судах по таким делам, как правило, выносились суровые приговоры, и взяточники осуждались к длительным срокам лишения свободы. В некоторых случаях эти приговоры были даже чрезвычайно суровыми. Так, бывший директор Михайловской фабрики нетканых материалов Кушнаренко К.Н., бывший директор Чимкентской кожгалантерейной фабрики Бекмурзин Х.М., бывший заведующий центральным складом этой же фабрики Рузметов Н., а также бывший старший мастер Маргиланского учебно-производственного комбината (г. Маргилан Ферганской области Узбекской ССР) Махмудов А. были приговорены судами к исключительной мере наказания – смертной казни.

И всё же эти полумеры лишь незначительно снижали общие трудозатраты следствия на отработку всех эпизодов преступлений, общее количество которых слабо контролировалось единым руководством следствия. Да и по факту эти эпизоды уже давно расследовались самостоятельными группами. Поэтому В.И. Калининченко пришел к выводу о разделении этого уголовного дела на части и получил на это разрешение Г.П. Каракозова, согласованное с заместителем Генерального прокурора СССР О.В. Сорокой.

4. Следствие. Завершающий этап

30 августа 1985 г. материалы уголовного дела в отношении работников Министерства хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР были выделены из общего дела и переданы в производство для дальнейшего расследования К.К. Майданюку. Материалы уголовного дела в отношении работников Хорезмского производственного объединения «Хорезмзаготхлоппром» выделены и переданы в производство для дальнейшего расследования В.М. Королевскому. Материалы дела в отношении работников Джизакского производственного объединения «Джизакзаготхлоппром» также были выделены в отдельное производство и переданы мне для дальнейшего самостоятельного расследования. Однако в это время я находился в очередном отпуске в г. Красный Луч Ворошиловградской области и занимался подготовкой переезда своей семьи в Москву в связи с получением квартиры в столице. Поэтому материалы этого дела я принял к своему производству после выхода из отпуска. 27 сентября 1985 г. я вынес постановление о принятии уголовного дела к своему производству и приступил к дальнейшему расследованию в составе следственной группы. К этому времени срок содержания под стражей обвиняемых по данному делу по вынесенному В.И. Калининскому постановлению был продлен заместителем Генерального прокурора СССР О.В. Сорокой еще на 9 месяцев, то есть до 12 апреля 1986 г., в связи с полученным согласием Президиума Верховного Совета СССР о предоставлении таких полномочий Генеральному прокурору СССР (постановление Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1985 г. № 2888-XI).

Нужно сказать, что это был мой первый опыт расследования с подчиненной мне группой следователей, да еще в таком значительном составе. В должности старшего следователя следственной части Главного следственного управления Прокуратуры Союза ССР я работал только второй год и за моими

плечами пока было всего одно уголовное дело коррупционной направленности, законченное мной в этой должности с направлением в суд. Однако, тогда я работал с этим делом самостоятельно – по делу проходил лишь один обвиняемый, который в итоге был осужден по 9 эпизодам дачи им взятки. Теперь же в подчиненной мне следственной группе было 16 следователей из различных территориальных органов прокуратуры и внутренних дел. Из них только трое следователей имели достаточный практический опыт следственной работы в областных прокуратурах. Среди них Жадан Виктор Григорьевич (старший следователь прокуратуры Черкасской области), Потапов Владимир Константинович (старший следователь прокуратуры Могилёвской области), Бордачёв Валерий Николаевич (старший следователь прокуратуры Крымской области) уже имели чины младших советников юстиции. А вот Бояров Виктор Иванович (старший следователь прокуратуры Киевской области) только начал работать в областной прокуратуре и имел еще классный чин юриста 2-го класса. Несмотря на это в работе он проявил хорошую профессиональную подготовку, отличную память и аналитические способности наряду с инициативой и добросовестным отношением. Но в основном это были следователи с небольшим опытом работы и к тому же среди них 7 следователей органов внутренних дел, которые в соответствии с процессуальной подследственностью расследованием взяточничества никогда не занимались. Все они были еще раньше прикомандированы к Прокуратуре СССР на период расследования этого дела из районных управлений внутренних дел г. Москвы, где проходили постоянную службу. Правда, среди следователей милиции был и один «важняк», Каратаев Владимир Петрович – старший следователь по особо важным делам МВД СССР. Поэтому у меня в первое время возникали определенные сложности с организацией работы такого большого коллектива следователей и распределения среди них конкретных участков работы. Но, получив практические советы от Королевского, Майданюка и, конечно,

Некоторые следователи следственной группы. В верхнем ряду:

1-й слева Бояров В.И., 2-й Жадан В.Г., 4-й Бордачёв В.Н.

В нижнем ряду 2-й слева Калинин В.И., 2-й справа Кондратов А.И.

Москва, Прокуратура Союза ССР, 16 июня 1986 г.

от Калинин, с этой задачей я справился. Еще больше советов я получил от старшего прокурора следственной части Георгия Николаевича Быстрова, в группе у которого я начинал работать в следственной части по двум уголовным делам, и которому я был безусловно обязан в своем профессиональном становлении в новой для себя должности старшего следователя Прокуратуры СССР.

Но вернемся к нашему расследованию. В принятых мною к производству материалах уголовного дела было 12 лиц, обвиняемых в совершении дачи и получении взяток, и все они работали в системе промышленного объединения «Джизакзаготхлопкопром». Четверо из них были арестованы еще в январе-

феврале 1984 г., остальные восемь человек – в мае-июле 1984 г. Не буду перечислять всех, но основных назову. Это начальник объединения Шадиев, его заместитель Аббасов, директора хлопкозаводов Муминов, Худайкулов, Алимбетов и Джураев. Остальные были работниками хлопкозаготовительных пунктов. Однако теперь уже у них у всех был общий срок содержания под стражей, продленный до 12 апреля 1986 г. К этому сроку мне и было поручено руководством завершить расследование и направить материалы уголовного дела в суд. Количество обвиняемых в уголовном деле меня, конечно, не смущало, а вот количество совершенных ими эпизодов дачи и получения взяток за несколько лет приводило в состояние некоторой растерянности – их насчитывалось более трехсот. От такого количества у любого, даже опытного, следователя может закружиться голова. Не говоря уже о суммах, которыми исчислялись взятки.

Вот поэтому я, во-первых, принял решение о необходимости систематизации этих эпизодов путем составления сравнительных таблиц по каждому обвиняемому. Во-вторых, нужно было самым внимательным образом изучить имеющиеся в деле доказательства по каждому такому эпизоду для внесения возможных изменений и уточнений в окончательные формулы обвинений. Сложность заключалась еще и в том, что часть взяток давалась совместно от двух или даже трех взяткодателей одному должностному лицу в их совместных интересах, при этом вручал взятку лишь один из них. А поэтому один или два участника такой взятки пытались в своих показаниях уйти от уголовной ответственности за ее совершение, мотивируя это тем, что эту конкретную взятку они непосредственно взяткополучателю не вручали.

Как мы установили, 76 эпизодов дачи взяток обвиняемыми были совершены должностным лицам Министерства хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР. И вот по таким эпизодам нужно было провести анализ собранных доказательств с учетом материалов уголовного дела, которое было выделено Константину Майданюку. Определившись с такой

концепцией расследования, мы шаг за шагом стали двигаться в этом направлении. Помимо этого, я закрепил за каждым обвиняемым конкретного следователя, который заново вычерчивал таблицы с эпизодами взяточничества обвиняемых и в отдельных случаях осуществлял их дополнительные допросы как со мной вместе, так и самостоятельно. Сразу хочу отметить, что, за исключением Худайкулова, все обвиняемые полностью или частично признавали себя виновными в объемах ранее предъявленных им обвинений. Были и отдельные разногласия в части соучастия в даче взяток, сумм взяток, месте и времени их дачи или получения. Все эти неточности, а порой и противоречия, пришлось устранять в процессе проведения очных ставок.

В некоторых случаях получение и дача взяток подтверждались вещественными доказательствами, являвшимися предметами дачи и получения взяток. Среди них такие, как фотоаппараты «Кодак» и «Колорбруст 250А» производства США, 7 кассет с фотобумагой, мужское пальто английской фирмы «Кромби», 7 бутылок французского коньяка, ковер ручной работы и ряд других предметов и ценностей. Эти вещественные доказательства были изъяты у взяточполучателей, осмотрены в процессе следствия, предъявлены на опознание взяточдателям с соблюдением требований процессуального законодательства и опознаны взяточдателями как предметы, данные им в качестве взяток. Но таких вещественных доказательств было крайне мало. В основном взятки передавались денежными суммами и доказательствами таких эпизодов служили только показания самих участников этих преступных действий, а также проверка их показаний о месте и времени совершения преступления, нахождении в это время и в этом месте взяточдателя и взяточполучателя. Проверка в этой части признательных показаний обвиняемых являлась обязательной, и в случае их подтверждения свидетельствовала об их достоверности.

Значительно больше вещественных доказательств было в материалах дела в отношении работников Минхлопкопрома республики, так как обвиняемые передавали заместителям министра и другим ответственным работникам министерства в качестве взяток, кроме денежных сумм, многочисленные предметы одежды, наручные часы и ювелирные изделия. Эти предметы также были изъяты, признаны вещественными доказательствами и сданы на хранение в камеру хранения вещественных доказательств следственной части Прокуратуры СССР, а ювелирные изделия – в Московскую городскую контору Госбанка СССР.

Сложнее всего обстояло дело с анализом доказательств эпизодов преступлений с участием бывшего директора Пахтакорского хлопкозавода Худайкулова Ф.Х. В предъявленном ему ранее обвинении в получении и даче взяток он виновным себя не признал и полностью отрицал свое участие в совершении этих преступлений. На очных ставках со взяточдателями и взяточполучателями он также придерживался избранной позиции своей защиты и утверждал, что эти лица оговаривают его в связи со сложившимися между ними неприязненными отношениями. Вместе с тем, в материалах дела имелись многочисленные показания обвиняемых как о получении Худайкуловым взяток, так и в отношении многочисленных эпизодов дачи им взяток как лично, так и совместно с другими лицами. Изобличение же его во взяточничестве заняло у следствия значительное время, на чем и хотелось бы остановиться более подробно.

Шел октябрь 1985 г., подходил к концу второй год следствия и содержания под стражей обвиняемых. И несмотря на это, мне пришлось по эпизодам взяточничества Худайкулова составить отдельный план дополнительных следственных действий. Этим планом предусматривались дополнительные допросы взяточдателей, дававших взятки Худайкулову, с подробной детализацией обстоятельств совершенных преступлений, с привязкой этих показаний к памятным событиям, к окружающей обстановке, к установлению возможных косвенных свидетелей, которые

могли бы подтвердить если не сам факт дачи и получения взятки, то хотя бы последующие за ней события или незаконные действия взяткополучателя. Но для этого нужно было снова лететь в командировку в г. Пахтакор Джизакской области. Не могу сказать, что мое решение сразу было одобрено руководством в лице начальника следственной части Каракозова и его заместителя Чижук. Мне было сказано, что для вынесения приговора судом в отношении Худайкулова будет достаточно уже имеющихся многочисленных показаний лиц, изобличающих его в получении и даче взяток. Сроки содержания под стражей обвиняемых по принятому мной к производству делу истекают в апреле следующего года, и чтобы завершить расследование к этому сроку, мне еще нужно составить окончательные формулы обвинения для всех обвиняемых, согласовать их у надзирающего прокурора и у руководства следственной части, предъявить обвинения, допросить всех в качестве обвиняемых и только после этого объявить им об окончании следствия и начать процесс ознакомления с материалами дела как самих обвиняемых, так и их защитников. Мой отъезд может значительно затянуть процесс расследования с неясными перспективами времени его окончания. Возможно, они были в этом и правы, но занимаемую обвиняемым позицию своей защиты тоже нужно было опровергать не голословно, а исчерпывающими фактическими обстоятельствами, установленными следствием. В итоге мне лично в командировке в Джизак всё же было отказано, но я настоял на командировании туда нескольких следователей из моей следственной группы. С этим мои руководители согласились.

Не буду сейчас делать анализ всех эпизодов взяточничества, которые были предъявлены Худайкулову в окончательном постановлении о привлечении его в качестве обвиняемого. Но остановлюсь именно на тех, которые нам удалось закрепить в процессе той самой командировки в Пахтакор и Джизак. Итак, материалы дела содержали показания бывшего заведующего заготпунктом «Ленинград» Пахтакорского хлопкозавода

Суванова Х. на допросе 6 июня 1985 г. об организации дачи им Худайкулову взятки в виде 16 000 рублей и ковра ручной работы стоимостью 1 200 рублей. Суванов тогда показал, что Худайкулов дал ему указание приобрести для него ковер ручной работы размером 2×4 м. После чего он приобрел на рынке в Самарканде разноцветный ковер, в котором были белые, черные, зеленые и другие цвета в виде узоров и орнаментов. Этот ковер и 16 000 рублей он передал Худайкулову в октябре-ноябре 1978 г. во дворе дома, где тот проживал, за списание недостачи в заготпункте хлопка-сырца, возникшей в связи с его приписками в пользу совхозов им. Ворошилова и им. Жукова в общем объеме примерно 1 000 тонн. Не признавая себя виновным в получении этой взятки, Худайкулов заявил, что Суванов его оговаривает в связи с тем, что он, Худайкулов, снял Суванова с должности заведующего заготпунктом «Ленинград» и между ними возникли неприязненные отношения. Кроме этого, как заявил Худайкулов, приписок хлопка на данном заготпункте не было, а поэтому Суванов не мог давать ему взятки.

Следователи вновь допросили Суванова, который находился в это время в процессуальной стадии свидетеля, по этому эпизоду дачи взятки Худайкулову, с детализацией всех обстоятельств. Уточняя свои показания, Суванов сообщил, что и деньги, и ковер он дал Худайкулову в качестве взятки за то, чтобы он помог списать с заготпункта образовавшуюся недостачу хлопка-сырца. Далее Суванов показал, что Худайкулов, приняв от него ковер, сказал, чтобы он поставил его в коровник и последовал за ним туда же. В коровнике Суванов вручил Худайкулову пакет с деньгами в сумме 16 000 рублей в виде купюр в банковских упаковках достоинством 50 и 25 рублей. При осмотре места совершения преступления и проведении обыска 17 октября 1985 г. по месту жительства Худайкулова в г. Пахтакоре по адресу ул. XXIII партсъезда, д. 10, Суванов, находясь во дворе указанного дома, уверенно указал на сарай-коровник, куда он поставил ковер, и где вручил Худайкулову

взятку. Во время обыска в этом сарае был обнаружен разноцветный ковер ручной работы, который был изъят с места преступления. Это была большая удача и редкий случай в следственной практике, чтобы по прошествии семи лет предмет взятки, в данном случае ковер, находился в месте его вручения и не использовался по назначению. Этот ковер был доставлен в прокуратуру г. Пахтакора, где и был официально осмотрен, а затем предъявлен для опознания Суванову в числе других ковров, с соблюдением процессуальных требований закона для проведения опознания. В процессе опознания Суванов уверенно опознал ковер под № 2 как тот, который он принес домой к Худайкулову, по его размерам, цветам шерсти, рисунку и орнаментам. Ковер этот был признан следствием вещественным доказательством и передан на временное хранение родственникам Худайкулова.

Но и это еще не всё. Следователям предстояло разыскать приказы за 1978 г. по Пахтакорскому хлопкозаводу, которые по истечении пяти лет их хранения были переданы в архивы объединения «Джизакзаготхлоппром». Вот там-то после длительной технической работы и был обнаружен приказ директора Пахтакорского хлопкозавода Худайкулова от 20 ноября 1978 г. о списании с заготпункта «Ленинград» недостачи в количестве 800 тонн хлопка за счет разницы в лабораторных анализах.

Здесь же был обнаружен и изъят еще один приказ Худайкулова от 15 марта 1979 г. о списании недостачи хлопка в количестве 1 600 тонн с заготпункта «Самарканд». По этому поводу в материалах дела имелись показания обвиняемого Бабаева Х., работавшего заведующим заготпунктом «Самарканд», о передаче им Худайкулову в феврале-марте 1979 г. взятки в размере 40 000 рублей за списание недостачи хлопка в количестве 2 000 тонн.

Следующий эпизод был связан с дачей взятки Бабаевым Худайкулову в декабре 1981 г. Последний на допросе показал, что в 1981 г. Худайкулов уже сам дал ему указание приписать за счет оформления бестоварных накладных 800 тонн хлопка

совхозу «Самарканд». После этого он получил от представителей совхоза 100 000 рублей и вручил их Худайкулову в бумажном мешке, в котором ранее хранились семена. Приказ о списании с заготпункта недостачи хлопка-сырца на заготпункте «Самарканд» за счет производства по его очистке, подписанный Худайкуловым, также был обнаружен и изъят следователями.

Допрошенный по эпизодам получения взяток от Бабаева Худайкулов виновным себя не признал. Он заявил, что Бабаев его оговаривает в связи с неприязненными отношениями, возникшими между ними по причине того, что он освободил его в 1980 г. от занимаемой должности заведующего заготпунктом. Следователи, находясь в командировке в Джизаке, нашли приказ № 103-а от 21 июля 1980 г., подписанный Худайкуловым, из которого усматривалось, что Бабаев действительно был освобожден от занимаемой им должности заведующего заготпунктом «Самарканд» за допущенную недостачу хлопка-сырца по урожаю 1979 г. в количестве 1 023 тонны. Однако в дальнейшем, уже 10 июля 1981 г. Худайкулов снова представляет Бабаева аттестационной комиссии завода на утверждение в должности заведующего заготпунктом «Самарканд». И наконец, вскоре после получения Худайкуловым взятки от Бабаева в размере 100 000 рублей, последний в апреле 1982 г. приказом, подписанным Худайкуловым, был назначен исполняющим обязанности начальника заготовок Пахтакорского хлопкозавода. Из личного дела Бабаева следователями было изъято представление начальнику объединения «Джизакзаготхлоппром» Шадиеву К.Ш. об утверждении Бабаева Х. в этой должности, в котором Худайкулов указал: «Администрация Пахтакорского хлопкозавода рекомендует Бабаева Хикмата на должность заместителя директора по заготовке как честного и добросовестного работника». В то же время на очной ставке с Бабаевым Худайкулов обратился к нему на узбекском языке и попросил отказаться от своих показаний в части вручения ему взяток, что было официально отражено в протоколе проведения очной ставки.

Однако отрицание Худайкуловым своей вины в получении взяток от подчиненных ему работников завода теперь опровергалось не только показаниями взяткодателей, но и вещественным доказательством, а также документами, установленными и приобщенными к материалам уголовного дела. Значит, всё-таки не зря я настоял на дополнительном расследовании этих эпизодов. Но у Худайкулова были еще и десятки эпизодов дачи им самим и совместно с другими лицами взяток работникам Министерства хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР, а также работникам ватных и других фабрик, принимавших хлопковолокно и его отходы от Пахтакорского хлопкозавода. Поэтому до конца 1985 г. пришлось дорабатывать еще некоторые эпизоды дачи таких взяток – первому заместителю министра хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР Сапону А.Д., заместителю министра этого же министерства Нормухамедову Т.А., работавшему до 1981 г., инструктору ЦК Компартии Узбекистана Миронову В.Е., в последующем перешедшему на работу заместителем начальника управления в Министерство легкой промышленности СССР. Доработка эта заключалась в проведении дополнительных допросов взяткополучателей с конкретизацией обстоятельств получения ими взяток от Худайкулова и проведении очных ставок с Худайкуловым. Кроме этого, эпизоды дачи взяток главным инженерам Воронежской ватной фабрики Акилову В.А. и Огурцову В.Д., работавших в разный период времени, а также директору Михайловской фабрики нетканых материалов Кушнарченко К.Н. и начальнику отдела технического контроля этой фабрики Труниной М.М. пришлось также дорабатывать с выездом в города Воронеж и Михайлов Рязанской области. А вот отправлять следователей следственной группы в Уфу на Уфимский хлопчатобумажный комбинат и в Чебоксары на Ишлейское производственное объединение «Надомница», а также в Чимкент Казахской ССР на Чимкентскую кожгалантерейную фабрику мне руководство следственной части уже не позволило.

Суммы взяток в размерах десятков и сотен тысяч рублей вынуждали следствие получить авторитетный профессиональный ответ на вопрос об источниках таких огромных денежных сумм у работников хлопкозаготовительных пунктов, хлопкозаводов и их объединений. Этим занимались эксперты образованной следствием экспертной группы. У нас в следственной части Прокуратуры Союза ССР им был выделен большой кабинет, который был буквально завален папками с документами, подлежащими к изучению, анализу и экспертной оценке. Процесс этот шел не быстро. С утра и до вечера здесь работали сотрудники НИИ Госплана СССР Соколовская Г.А., Малова Т.Д., Чемисова Л.Д. Заключение планово-экономической экспертизы было подготовлено ими только в январе 1986 г.

Привожу выписку из этого заключения по одной только Джизакской области:

За период работы начальником промышленного объединения «Джизакзаготхлоппром» Министерства хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР Шадиева К.Ш. (1978-1983 гг.) предприятиями объединения допущена недостача (приписка) хлопка-сырца в количестве 277, 9 тыс. тонн на сумму 137,2 млн руб., в том числе недостача хлопка-сырца, скрытая за счет основного производства, составила 223,7 тыс. тонн на сумму 125,8 млн руб. и за счет отгрузки линта под видом хлопка-волокна 6-го сорта 54,2 тыс. тонн на сумму 11,4 млн руб. Сумма заработной платы, выплаченной за фактически не сданный хлопок-сырец, составила 38,1 млн руб. Разница в стоимости линта, отпущенного под видом хлопка-волокна 6-го сорта, и стоимости хлопка-волокна 6-го сорта составила 14,136 млн руб. Объединение «Джизакзаготхлоппром» за указанный период времени недополучило прибыль на сумму 52 854 000 руб. в результате обусловленного приписками роста себестоимости товарной продукции.

Относительно показателей деятельности Министерства хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР в за-

ключении экспертов указано, что в период 1978-1983 гг. при заготовках было приписано 4 548 800 тонн хлопка-сырца. За фактически не заготовленное сырье хлопкосеющим хозяйствам было выплачено 2 510 400 000 рублей, из которых по фиктивным платежным ведомостям на выдачу заработной платы изъято 1 178 100 000 рублей. Министерство хлопкоочистительной промышленности недополучило прибыли на сумму без малого миллиард – 967 500 000 рублей. За период 1978-1983 гг. под видом хлопковолокна было отгружено 246 686 тонн побочной продукции, разница в стоимости которых составила 226 миллионов рублей. Вот такие баснословные денежные суммы оседали в карманах руководителей хлопкосеющих колхозов и совхозов, приемных заготовительных пунктов хлопка-сырца и директоров хлопкозаводов, которые использовали их как для своего личного обогащения, так и для дачи взяток вышестоящим руководителям за покровительство в работе. Помимо этого, многочисленные взятки давались также работникам ватных и других фабрик для списания в производстве образывавшихся на хлопкозаводах недостатков хлопка-волокна и его отходов. Теперь уже у следствия не было никаких сомнений в реальности денежных сумм, использованных обвиняемыми для дачи взяток, измеряемых десятками и сотнями тысяч рублей.

Получив в свое распоряжение заключение планово-экономической экспертизы, мы сразу же приступили к ознакомлению с ним обвиняемых. Нельзя сказать, что все они отнеслись к нему однозначно. Подавляющее большинство восприняли его выводы с интересом и с удивлением от выявленных объемов приписок хлопка и денежных сумм, выплаченных за фактически не заготовленное сырье. В то же время Шадиев и Аббасов, предчувствуя свою ответственность за непринятие мер к совершению приписок и злоупотребление своим служебным положением, что повлекло за собой причинение государству крупного материального ущерба, после ознакомления с выво-

дами экспертов заявили ходатайства о пересмотре некоторых исследований в части методики определения размера приписок. Рассмотрев эти доводы, мной было вынесено постановление об отказе в удовлетворении этих ходатайств.

Одновременно с этим мы со следователями следственной группы проанализировали еще раз собранные доказательства по всем эпизодам получения и дачи взяток нашими обвиняемыми. Перед этим мне необходимо было составить перечень всех эпизодов преступлений, совершенных обвиняемыми и подлежащих включению в окончательные формулы обвинения для каждого из них. В этом перечне не должно было быть повторения эпизодов с участием одних и тех же обвиняемых, так как большое количество взяток, в основном работникам комбинатов и фабрик, давалось совместно при соучастии трех или даже четырех обвиняемых. Поэтому каждый эпизод нами был пронумерован и кратко описан с указанием всех его соучастников. Перечень этих эпизодов был исключительно важен как для перепредъявления обвинений, так и для их описания в обвинительном заключении. В итоге этот перечень составил 22 печатных листа, включивший в себя ни много ни мало 281 эпизод получения и дачи взяток. После этого мы приступили наконец к подготовке постановлений о привлечении в качестве обвиняемых в окончательной редакции. Это тоже был непростой и очень ответственный этап работы, т.к. нужно было не только учесть все установленные следствием эпизоды дачи и получения взяток, но текстуально согласовать их с аналогичными эпизодами в материалах дела в отношении руководящих работников Минхлопкопрома республики, а также в выделенных материалах дела в отношении работников хлопчатобумажных и ватных фабрик страны. Такие постановления подготавливались поэтапно и мной неоднократно перепроверялись на соответствие ранее подготовленным графическим таблицам эпизодов преступлений, совершенных каждым обвиняемым, и составленному нами перечню всех эпизодов.

После согласования таких постановлений с надзирающим за следствием прокурором Н.К. Поповой, а также с К.К. Майдаюком, В.И. Калиниченко и А.В. Чижукон, во второй половине февраля я наконец приступил к предъявлению таких постановлений обвиняемым и окончательному их допросу по предъявленному обвинению в окончательной редакции.

Что же в результате расследования было предъявлено следствием в итоговом обвинении подследственным? Не буду перечислять всех 12 обвиняемых, но основных назову.

Бывшему начальнику промышленного объединения «Джизакзаготхлоппром» Шадиёву К.Ш. предъявлено обвинение в совершении злоупотребления служебным положением, что причинило существенный вред государственным интересам, то есть в преступлении, предусмотренном ст. 149 УК Узбекской ССР. Кроме этого, он обвинялся в получении 46 взяток на общую сумму 1 663 300 рублей, а также в даче 42 взяток как лично, так и совместно с другими лицами на общую сумму 96 151 рубль, то есть в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 152 ч. 2 УК и 153 ч. 2 УК Узбекской ССР, а также ст. 174 ч. 2 УК РСФСР и ст. 187 ч. 2 УК Таджикской ССР. Наложён арест на денежные вклады Шадиёва на сумму 10 771 рубль.

Бывшему заместителю начальника промышленного объединения «Джизакзаготхлоппром» Аббасову Ф.А. предъявлено обвинение в совершении злоупотребления служебным положением, что причинило существенный вред государственным интересам, то есть в преступлении, предусмотренном ст. 149 УК Узбекской ССР. Кроме этого, он обвинялся в получении 24 взяток на общую сумму 160 900 рублей, а также в даче 17 взяток как лично, так и совместно с другими лицами на общую сумму 33 800 рублей, то есть в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 152 ч. 2 и 153 ч. 2 УК Узбекской ССР, а также ст. 187 ч. 2 УК Таджикской ССР. Наложён арест на имущество Аббасова на сумму 8 429 рублей.

Бывшему директору Учтепинского хлопкозавода Муминову И. предъявлено обвинение в получении 28 взяток на общую сумму 1 724 608 рублей, а также в даче 58 взяток на общую сумму 1 098 732 рубля и покушении на дачу взятки в размере 40 000 рублей, то есть в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 152 ч. 2 и 153 ч. 2 УК Узбекской ССР, ст. 147 ч. 2 УК Казахской ССР, ст. 174 ч. 2 УК РСФСР, а также ст.ст. 15 и 174 ч. 2 УК РСФСР. Наложён арест на имущество Муминова на сумму 86 141 рубль, изъято денег, облигаций и золотых изделий на общую сумму 891 120 рублей.

Бывшему директору Пахтакорского хлопкозавода Худайкулову Ф.Х. предъявлено обвинение в получении 7 взяток на общую сумму 368 200 рублей, а также в даче 42 взяток как лично, так и совместно с другими лицами на общую сумму 1 040 325 рублей, то есть в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 152 ч. 2 и 153 ч. 2 УК Узбекской ССР, а также ст. 174 ч. 2 УК РСФСР и ст. 147 ч. 2 УК Казахской ССР. Наложён арест на имущество Худайкулова на сумму 35 822 рубля, изъяты золотые изделия на сумму 14 950 рублей.

Бывшему директору Дусликского хлопкозавода Алимбетову А.Т. предъявлено обвинение в получении 22 взяток на общую сумму 689 800 рублей, а также в даче 30 взяток на общую сумму 820 325 рублей, то есть в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 152 ч. 2 и 153 ч. 2 УК Узбекской ССР, а также ст. 147 ч. 2 УК Казахской ССР и ст. 174 ч. 2 УК РСФСР. Наложён арест на имущество и денежные вклады Алимбетова на сумму 36 849 рублей, изъято денег на сумму 188 149 рублей.

Бывшему директору Дусликского хлопкозавода, а в последующем Октябрьского хлопкозавода Джураеву А. предъявлено обвинение в получении 11 взяток на общую сумму 216 200 рублей, а также в даче 12 взяток на общую сумму 286 200 рублей, то есть в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 152 ч. 2 и 153 ч. 2 УК Узбекской ССР, а также ст. 174 ч. 2

УК РСФСР. Наложен арест на имущество Джураева на сумму 11 067 рублей, изъято денег в сумме 5 200 рублей.

Помимо них, к уголовной ответственности по этому делу за дачу взяток были также привлечены работники хлопкозаготовительных пунктов различных хлопкозаводов Бабаев Х., Султанов С.С., Файзиев М., Халматов М., Калкозов И. и Эгамбердиев У. Всего же в процессе расследования, как уже отмечалось ранее, были предъявлены обвинения по 281 эпизодам получения и дачи взяток, совершенных обвиняемыми.

В предъявленных обвинениях Шадиев и Аббасов не признали себя виновными в злоупотреблении служебным положением, в то же время в получении и даче взяток оба виновными себя признали. Худайкулов по всем эпизодам получения и дачи взяток виновным себя так и не признал. Остальные обвиняемые признали себя виновными в получении и даче взяток, за исключением отдельных эпизодов совместной дачи взяток при соучастии с другими лицами.

Процесс предъявления обвинений всем обвиняемым должен был завершиться до конца марта 1986 г., так как срок содержания под стражей истекал 12 апреля. Было очевидно, что до окончания этого срока я не успевал закончить расследование. Исходя из этого, в первых числах марта пришлось поставить вопрос о дальнейшем продлении срока содержания обвиняемых под стражей, так как впереди предстоял еще длительный процесс ознакомления обвиняемых и их защитников с материалами уголовного дела, которое насчитывало уже 85 томов, а также непростой процесс составления объемного обвинительного заключения. Однако сложности с этим возникли еще и потому, что 12 апреля подходил к концу не только срок, продленный ранее заместителем Генерального прокурора СССР, но и срок ранее полученного согласия Президиума Верховного Совета СССР, данного Генеральному прокурору СССР 23 июля 1985 г. на очередное продление срока содержания под стражей обвиняемых по этому делу до максимальных

9 месяцев. Нужно сразу отметить, что и А.В. Чижук, и Г.П. Каракозов, мягко говоря, без восторга встретили это мое предложение, так как они надеялись, что я закончу расследование с направлением дела в суд в установленный срок. Тут же мне припомнили и мое решение о дополнительных следственных действиях в Джизаке, Воронеже и Рязани, и медлительность с окончательным предъявлением обвинений обвиняемым. В общем, мне пришлось выслушать много нелестных слов в свой адрес, но передавать расследование на этом этапе другому следователю следственной части было нецелесообразно. В итоге мне пришлось подготовить проект обращения Генерального прокурора СССР в Президиум Верховного Совета СССР о даче согласия на продление срока содержания обвиняемых под стражей еще на 9 месяцев. Нужно сказать, что такой документ мною был подготовлен в первый и в последний раз в моей следственной практике. В итоге Каракозов его завизировал, после чего мы вдвоем с ним пошли на доклад к заместителю Генерального прокурора СССР Сороке для согласования с ним этого обращения. Олег Васильевич довольно лояльно выслушал мои доводы о причинах, заставивших меня нарушить установленный ранее срок содержания арестованных под стражей и, согласившись с ними, также завизировал проект этого документа за подписью Генерального прокурора СССР. Однако он предупредил меня, чтобы я более с этим вопросом к нему не приходил, так как этот срок он испрашивает в последний раз. Через десять дней после этого, 21 марта 1986 г. в прокуратуру поступило согласие Президиума Верховного Совета СССР, наделявшее Генерального прокурора СССР полномочиями на дальнейшее продление сроков содержания под стражей обвиняемых до 9 месяцев. После этого я сразу же вынес постановление о продлении этих сроков до 12 октября 1986 г. и заверил Олега Васильевича, что к этой дате обязательно завершу расследование и направлю материалы дела в суд.

Тем временем К.К. Майданюк уже объявил обвиняемым по находящемуся у него в производстве уголовному делу об окончании предварительного следствия и предъявил им и их защитникам материалы дела для ознакомления. Также коротко изложу итоги и этого расследования, поскольку, как я уже отмечал, оно было связано и совместными эпизодами получения и дачи взяток с обвиняемыми по делу, которое находилось в моем производстве. По этому делу к уголовной ответственности было привлечено 14 должностных лиц Министерства хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР во главе с бывшим министром, а также некоторые руководители областных промышленных объединений этого министерства. Не буду перечислять всех обвиняемых, но основных для понимания сложившейся коррупционной системы в этой отрасли промышленности назвать всё же необходимо.

Итак, бывший министр хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР Усманов В. обвинялся в злоупотреблении служебным положением, что повлекло за собой причинение государству существенного вреда в виде необоснованной выплаты хлопкосеющим хозяйствам 2 510 400 000 рублей и недополучение прибыли на сумму 967 500 000 рублей в период 1978-1983 гг., в результате роста себестоимости товарной продукции, обусловленного приписками. Таким образом, Усманов совершил преступление, предусмотренное ст. 149 УК Узбекской ССР. Кроме этого, ему было предъявлено обвинение в получении 23 взяток деньгами, ценными предметами, дорогой одеждой и ювелирными изделиями на общую сумму 1 134 000 рублей, то есть в совершении преступлений, предусмотренных ст. 152 ч. 2 УК Узбекской ССР и ст. 173 ч. 2 УК РСФСР. Усманову также предъявлено обвинение в даче 9 взяток ответственным работникам Министерства легкой промышленности СССР ювелирными изделиями и дорогими предметами одежды на общую сумму 4 426 рублей, то есть в совершении преступлений, предусмотренных ст. 174 ч. 2 УК РСФСР и ст. 153 ч. 2 УК Узбекской ССР.

Наложено арест на имущество Усманова на общую сумму 7 251 рубль, также наложен арест на жилой дом стоимостью 21 260 рублей, автомашину «Волга» ГАЗ-24 стоимостью 15 000 рублей, денежный вклад в сумме 4 650 рублей. Кроме этого, изъяты ювелирные изделия, золотые монеты и предметы одежды на общую сумму 47 596 рублей, а также денежные средства в сумме 4 800 рублей.

Выявленные следствием эпизоды взяточничества бывшего первого заместителя министра Сапона А.Д. выглядят совсем скромно по сравнению с коррупционной деятельностью бывшего министра. Так, Сапону А.Д. предъявлено обвинение в получении только 10 взяток деньгами, предметами одежды, головными уборами и обувью, в том числе от Шадиева К.Ш. и Худайкулова Ф.Х., на общую сумму 7 539 рублей, то есть в совершении преступлений, предусмотренных ст. 152 ч. 2 УК Узбекской ССР. По месту жительства Сапона изъяты облигации госзайма на сумму 6 940 рублей, на которые был наложен арест, а облигации сданы на хранение в сберкассах г. Ташкента. Наложено также арест и на автомашину «Волга» ГАЗ-24, принадлежавшую Сапону, стоимостью 9 500 рублей.

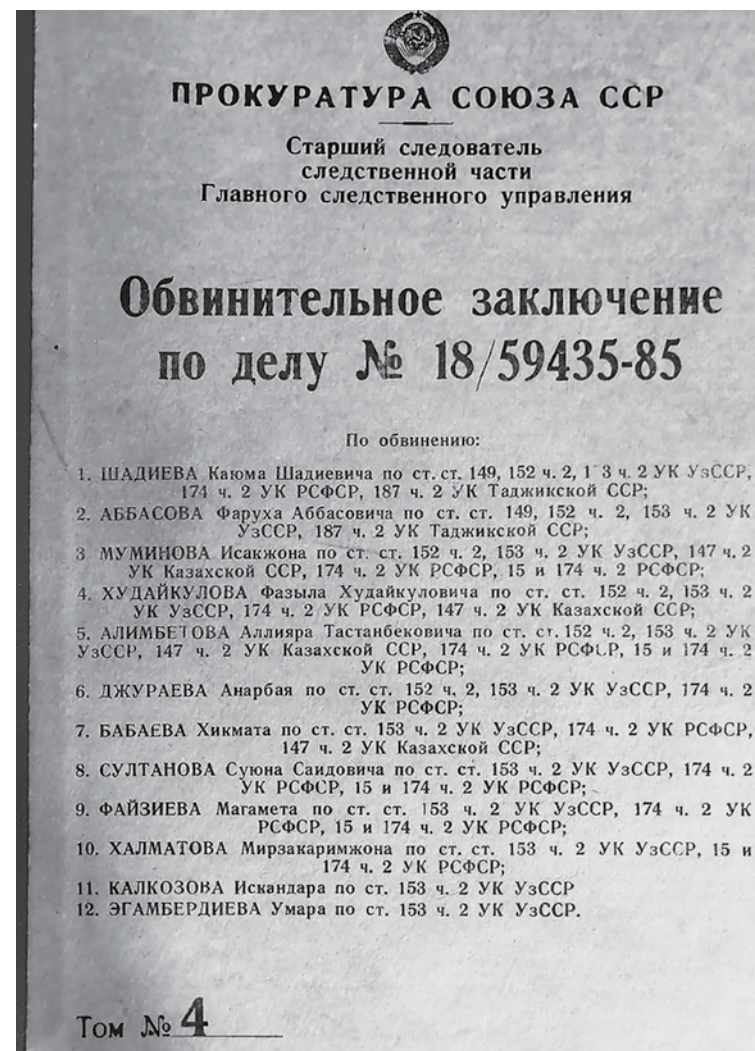
Бывшему заместителю министра хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР Нормухамедову Т.А., курировавшему кадровую работу в отрасли, предъявлено обвинение в получении 31 взятки деньгами, в том числе от Шадиева К.Ш., Аббасова Ф.А., Алимбетова А.Т., Муминова И. и Худайкулова Ф.Х., на общую сумму 99 370 рублей, то есть в совершении преступлений, предусмотренных ст. 152 ч. 2 УК Узбекской ССР. Наложено арест на выданные сестрой Нормухамедова облигации госзайма в сумме 19 500 рублей, сами облигации в дальнейшем были сданы на хранение в Московскую городскую контору Госбанка СССР. Также был наложен арест на имущество Нормухамедова на сумму 23 540 рублей.

Наконец, бывшему заместителю министра Акбарову А., курировавшему вопросы заготовок хлопка-сырца, предъявлено

обвинение в получении 22 взяток деньгами, ценными предметами и предметами одежды на общую сумму 73 735 рублей, в том числе от Шадиева К.Ш., то есть в совершении преступлений, предусмотренных ст. 152 ч. 2 УК Узбекской ССР, а также ст. 173 ч. 2 УК РСФСР. Выданные супругой Акбарова деньги в сумме 47 640 рублей были сданы на депозитный счет Прокуратуры СССР. По месту жительства Акбарова в процессе обыска были изъяты предметы и вещи, полученные им в качестве взяток, а именно магнитофон «Национал Панасоник», наручные часы марки «Ориент», норковая шапка, которые были признаны вещественными доказательствами и переданы в камеру хранения вещдоков следственной части Прокуратуры СССР.

Обвинительное заключение по данному уголовному делу было подготовлено К.К. Майданюком 13 мая 1986 г., а после утверждения его 30 мая 1986 г. заместителем Генерального прокурора СССР О.В. Сорокой вместе с материалами уголовного дела в 77 томах направлено в Верховный Суд СССР для рассмотрения по существу. Далее Константин Карлович продолжил расследование по выделенным им же самим материалам дела, но теперь уже в отношении должностных лиц Министерства легкой промышленности СССР Витова А.А., Миронова В.Е. и Соседовой Г.Г. в получении ими взяток от бывших руководителей Минхлопкопрома Узбекской ССР и его промышленных объединений, которое он довел до суда в сентябре 1987 г.

Что же касается моего многострадального дела, то к 10 мая 1986 г. мы, наконец, завершили это расследование, о чем объявили всем обвиняемым и приступили к ознакомлению их с материалами дела совместно с их защитниками. Как я и предполагал, этот процесс значительно затянулся, так как защитники обвиняемых тоже «утонули» в количестве эпизодов взяток. Кроме того, многие взятки передавались совместно от двоих или троих лиц в их совместных интересах, а вручались взяткополучателю одним непосредственным взяткодателем. Некоторые из них оспаривали свое участие в таких эпизодах дачи

Обложка тома №4 обвинительного заключения по уголовному делу

взяток. К тому же следственно-арестованные содержались в разных следственных изоляторах г. Москвы и тома уголовного дела также направлялись вместе со следователями в разные СИЗО, поэтому защитники неоднократно запрашивали их по-

вторно для детального изучения и выработки единой линии защиты. Для меня нахождение томов уголовного дела в следственных изоляторах также создавало значительные трудности в работе по подготовке обвинительного заключения и этот процесс, конечно, также затянулся. И всё же 6 сентября мной было рассмотрено последнее ходатайство Шадиева К.Ш. и его защитника Хархорина П.А. об исключении из обвинения нескольких эпизодов дачи и получения взяток за их недоказанностью следствием и вынесено постановление об отказе в его удовлетворении.

После этого начался активный процесс завершения подготовки обвинительного заключения, которое и было подготовлено мною в 4-х томах 26 сентября 1986 г. и направлено для утверждения заместителю Генерального прокурора СССР. 30 сентября обвинительное заключение было утверждено О.В. Сорокой и в тот же день материалы дела в 85 томах вместе с обвинительным заключением были направлены Председателю судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР для определения их подсудности. Таким образом, я успел завершить это расследование в срок до 12 октября 1986 г. и сдержал свое слово, данное заместителю Генерального прокурора СССР.

5. Судебные приговоры

26 августа 1986 г. после окончания судебного следствия и судебных прений сторон судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР постановила приговор в отношении бывших работников Министерства хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР. Бывший министр Усманов В. был признан виновным по предъявленному ему обвинению в злоупотреблении служебным положением, неоднократном получении и даче взяток и приговорен к исключитель-

ной мере наказания – смертной казни, о чем сообщила газета «Правда» № 240 от 28 августа 1986 г. Остальные подсудимые по данному уголовному делу были приговорены к длительным срокам лишения свободы (от 8 до 15 лет), с отбыванием в исправительно-трудовой колонии усиленного режима. В марте 1987 г., в той же газете «Правда», было опубликовано короткое сообщение о том, что приговор в отношении Усманова В. 27 февраля 1987 г. был приведен в исполнение.

К сожалению, ни я, ни К.К. Майданюк не располагаем архивными материалами в отношении уголовного дела, расследование по которому вел В.М. Королевский. Однако нам было известно только то, что все обвиняемые – бывшие должностные лица промышленного объединения «Хорезмзаготхлопкопром», привлеченные им к уголовной ответственности за взяточничество, также были осуждены судом по эпизодам предъявленных им обвинений.

А вот судебный процесс в отношении бывших работников промышленного объединения «Джизакзаготхлопкопром» и находившихся в его подчинении хлопкоочистительных заводов, то есть Шадиева и других лиц, начался только в феврале 1987 г. и растянулся на целый год. Рассмотрение этого дела было поручено судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР под председательством члена Верховного Суда Мухина В.И. Столь длительный период рассмотрения этого дела в судебном заседании был связан сначала с болезнью двоих подсудимых, затем с заболеванием одного из защитников, повлекшего невозможность дальнейшего его участия в судебных заседаниях. Новому защитнику был предоставлен значительный срок для ознакомления с материалами уголовного дела. Наконец, длительность судебного процесса была связана с допросом многочисленных свидетелей, которых в списке обвинительного заключения было 87 человек. Только 16 из них, из числа должностных лиц хлопчатобумажных и ватных фабрик, были уже осуждены за получение взяток от подсудимых

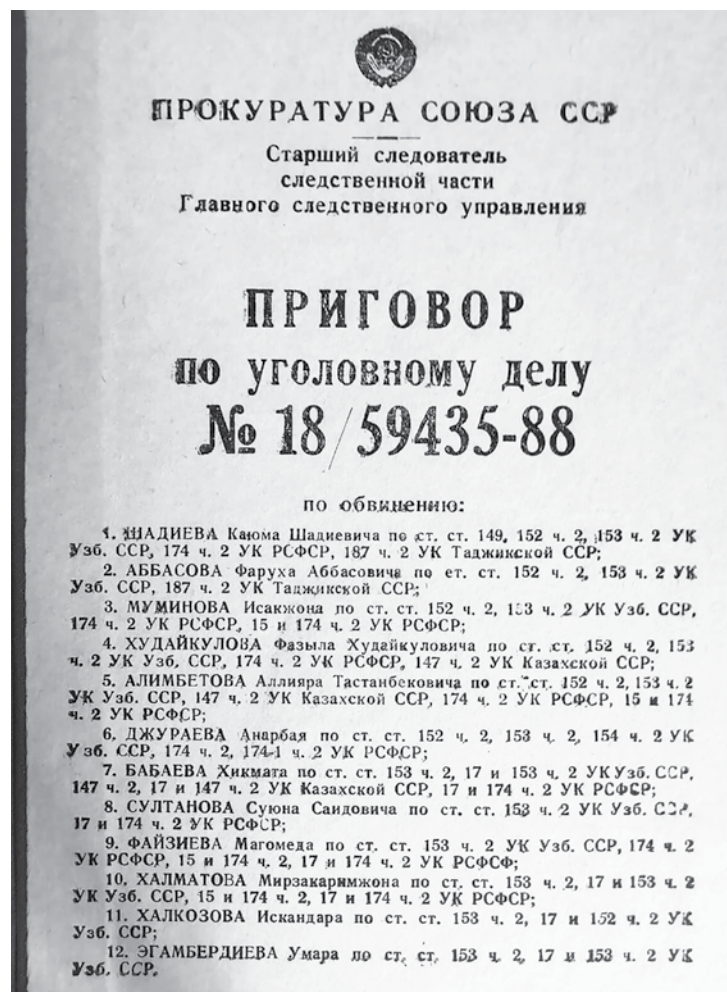
по этому делу и отбывали наказание в исправительно-трудовых учреждениях на территории РСФСР, Узбекской и Казахской ССР. Еще 8 человек находились под следствием в следственных изоляторах на территории указанных республик. В связи с этим члену Верховного Суда РСФСР Мухину В.И., в зависимости от значения данных этими свидетелями показаний на предварительном следствии в общей системе собранных доказательств вины подсудимых, пришлось принимать решения об этапировании некоторых из них в Москву для допроса в судебном заседании. Но, как правило, в основе оценки доказательств вины взятокдателей всегда лежали признательные показания взяточполучателей. Процессы этапирования заключенных всегда были связаны с большими временными сроками их исполнения. Ну и наконец, большинство свидетелей были иногородними и вызов их в Москву так же был сопряжен с временными задержками и повторными вызовами. Всё это в совокупности и повлекло за собой длительность этого судебного процесса. Поэтому не только я преодолевал значительные сложности в период расследования по этому делу, но и судья столкнулся с ними уже при рассмотрении этого дела в судебном заседании.

Обвинительный приговор по делу состоялся 29 марта 1988 г. Суд исключил некоторые эпизоды дачи и получения взяток подсудимыми в форме соучастия, но в целом их вина в неоднократном получении и даче взяток в судебном заседании была доказана. На основании этого суд, с учетом характера и степени общественной опасности содеянного, приговорил Шадиева К.Ш. к 15 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима, Аббасова Ф.А. к 8 годам, Муминова И. к 9 годам, Худайкулова Ф.Х. к 10 годам, Алимбетова А.А. к 5 годам, Джураева А. к 8 годам лишения свободы с отбыванием наказания всех вышеуказанных лиц в колонии усиленного режима. Остальные шесть подсудимых получили наказание в виде 4 лет лишения свободы. В то же время суд на основании

Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии в связи с 70-летием Великой Октябрьской социалистической революции» от 18 июня 1987 г. применил ко всем осужденным, кроме Худайкулова, не признавшего свою вину в совершенных им преступлениях, амнистию и сократил оставшуюся часть наказания наполовину. В связи с этим, в отношении осужденных Бабаева Х., Султанова С.С., Файзиева М., Халматова М. и Эгамбердиева У., осужденных к 4 годам лишения свободы, суд признал их наказание отбытым и освободил их из-под стражи в зале суда.

Так закончилась эпопея, связанная с расследованием «Хлопкового дела». Все судебные процессы широко освещались в центральной печати в газетах «Правда», «Известия», «Труд». Корреспонденты этих изданий со свойственной им пристрастностью обличали бывших советских чиновников в моральном падении и разложении. Для того, чтобы изобличить их в этом падении и привести на скамью подсудимых, потребовался титанический труд принципиальных, честных и добросовестных следователей, связанный с активным сопротивлением партийно-советской системы, не позволявшей чернить образ советского руководителя и подвергать его каким-то подозрениям, не говоря уже об обвинениях. Но об этом в прессе не было сказано ни единого слова.

Через пару месяцев после окончания судебного процесса и вступления приговора в законную силу приказом Генерального прокурора СССР от 14 июня 1988 г. за примерное исполнение служебного долга, профессиональное мастерство и инициативу, проявленные при расследовании этого сложного дела (как указано в тексте приказа), мне был досрочно присвоен классный чин старшего советника юстиции. Вместе со мной очередные классные чины были присвоены также и следователям нашей следственной группы Жадану В.Г., Боярову В.И., Кардополову К.Ю. и Захаровой Т.М. Еще 6 следователей из состава следственной группы этим же приказом были награждены ценными подарками.

Обложка приговора по уголовному делу

Кроме морального удовлетворения от итогов этой работы, я получил бесценный опыт расследования многоэпизодных преступлений, а также опыт руководства большой следственной группой. Этот опыт вскоре пригодился мне при организации расследования массовых беспорядков в Азербайджане и других союзных республиках.

6. Размышления после судебных приговоров

В процессе расследования преступной деятельности руководителей Министерства хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР были получены многочисленные доказательства, свидетельствующие о приписках, хищениях, взяточничестве в сфере производства и заготовки хлопка-сырца не только в Джизакской области, но также и в Каракалпакской автономной республике, Бухарской, Кашкадарьинской, Хорезмской, Самаркандской и других областях Узбекистана. В 1984-1985 гг. за эти преступления следственными органами было привлечено к уголовной ответственности около трех тысяч должностных лиц колхозов и совхозов, хлопкозаводов и хлопкоочистительных объединений, партийных и советских руководителей. Эти обстоятельства дали тогда основания считать, что приписки охватили всю хлопкоочистительную промышленность республики Узбекистан. Но, как оказалось впоследствии, аналогичные злоупотребления были вскрыты также в Азербайджане и Туркмении, их расследование также было проведено следователями Прокуратуры СССР. В то же время, руководящие должностные лица Министерства легкой промышленности СССР, обладая достоверной информацией о существующих приписках, в свою очередь, принимали меры к их сокрытию путем регулярных корректировок плана по производству хлопкового волокна. В скорректированные планы закладывались поставки сырья значительно ниже объемов производства хлопка, за что и получались взятки. Кроме этого, ими же за взятки выдавались так называемые дополнительные наряды на поставку хлопковой продукции предприятиям текстильной и местной промышленности. По таким нарядам осуществлялись поставки линта вместо хлопкового волокна 6-го сорта, либо бестоварные поставки, позволявшие скрывать образовавшиеся недостатки хлопкового волокна, что

также обеспечивалось дачей взяток. Таким образом, коррупция захватила всю вертикаль этой отрасли промышленности, от хлопкового поля до союзного министерства.

Однако система приписок в выполнении «плана любой ценой» и, как следствие этого, коррупция, существовали не только в хлопководстве и хлопкоочистительной промышленности, но также и в других отраслях промышленности и сельского хозяйства, в частности, в зерновом хозяйстве, животноводстве, мясной и молочной промышленности, рыбном хозяйстве, о чем также свидетельствовал ряд уголовных дел, находившихся в производстве следователей Прокуратуры СССР. В связи с этим в конце 1980-х годов экономику страны поразили глубокие застойные явления, а население столкнулось с дефицитом продуктов питания и товаров народного потребления. Беспринципность и моральное разложение значительного количества партийных и советских руководителей органов власти, а также руководителей производств и отраслей промышленности, вставших на противоправный путь приписок, взяточничества и расхищения государственных денежных средств, наряду с другими причинами, привели великую страну на порог гибели.

Эпилог

К сожалению, спустя 40 лет после описываемых мной событий борьба с коррупцией не утратила своей актуальности. Коррупция и хищение государственных денежных средств приобрели еще большие масштабы, а борьба с этими явлениями приобрела еще более ожесточенный характер. В памяти всё еще остается скандал, связанный с расхищением денежных средств, выделенных государством на строительство и реконструкцию олимпийских объектов для проведения зимней Олимпиады в г. Сочи в 2014 г. По фактам хищений было возбуж-

дено несколько десятков уголовных дел. Общий ущерб, причиненный государству от искусственного завышения сметной стоимости строительства олимпийских объектов, так и не был обнародован. Аналогичная история произошла во время строительства объектов космодрома «Восточный» в Амурской области, когда в 2014-2018 гг. следствием было возбуждено более сотни уголовных дел, по которым общий ущерб государству оценивался в 11 миллиардов рублей. Наконец, в декабре 2024 г. были выявлены хищения денежных средств при строительстве оборонительных сооружений на границе с Украиной в Курской области на сумму более 3 миллиардов рублей, в связи с чем в настоящее время по уголовному делу уже привлечены к уголовной ответственности более 20 человек. А за системными длящимися хищениями государственных бюджетных денежных средств всегда стоит коррупция, так как подкуп должностных лиц обеспечивает покровительство и создание условий для дальнейшего осуществления хищений.

Громкие коррупционные преступления были вскрыты за последние годы также и в системе МВД, МЧС и Минобороны РФ, в судебном сообществе в Ростовской области и Краснодарском крае. К уголовной ответственности по фактам коррупции и злоупотребления служебным положением привлечены более десятка бывших губернаторов и вице-губернаторов регионов России. И взятки уже исчисляются не тысячами, а миллионами рублей. Размеры же похищенных из бюджета страны денежных средств оцениваются десятками миллиардов рублей. Из выступления Генерального прокурора И.В. Краснова на расширенном заседании коллегии ведомства 19 марта 2025 г. стало известно следующее: «Только за прошедший 2024 г. в стране было выявлено более 165 тысяч нарушений антикоррупционного законодательства, а по материалам прокурорских проверок возбуждено свыше 3 тысяч уголовных дел коррупционной направленности. Рост коррупционных преступлений по сравнению с прошлым годом составил 7,4 %. За минувший год

по заявлениям прокуроров, направленным в суд, не чистые на руку чиновники лишились незаконно нажитого имущества на сумму 504 миллиарда рублей».

Но ведь уже в наши дни такие страны, как Дания, Новая Зеландия и Финляндия добились почти полного искоренения коррупции по оценкам международного индекса ее восприятия. В первую десятку таких стран входят также Сингапур, Швеция, Норвегия, Швейцария, Нидерланды, Люксембург и Германия. За счет каких же мер борьбы с коррупцией были достигнуты в этих странах ощутимые успехи? Прежде всего, за счет ужесточения наказания за коррупционные преступления, конфискации имущества взяточников и членов их семей, запрете в дальнейшем занимать должности в государственном аппарате, усиленной пропаганде судебных решений по делам о коррупции и воспитании в обществе негативного отношения к лицам, совершающим коррупционные преступления. Конечно, одной из необходимых превентивных мер, направленных на искоренение коррупции, которые были введены в перечисленных странах, явилось существенное, в разы, повышение зарплат государственным чиновникам и сотрудникам правоохранительных органов. Всё это вместе взятое и дало в этих странах положительный эффект в борьбе с коррупцией.

16 августа 2021 г. в соответствии с Указом Президента РФ был принят Национальный план противодействия коррупции на 2021-2024 гг. Однако, несмотря на многочисленность мероприятий и поручений, содержащихся в 53 пунктах этого плана, он так и не содержал предложений об ужесточении наказания за коррупционные преступления, о неприменении к лицам, осужденным за получение взяток, условно-досрочного освобождения, и пожизненном лишении их права занимать должности на государственной службе после отбытого наказания. Самое главное, он не содержал поручений соответствующим правоохранительным органам о подготовке за-

конопроекта о возврате в статьи Уголовного кодекса, в том числе в статью о получении взятки, дополнительной меры наказания, связанной с конфискацией имущества, которая была исключена из него в декабре 2003 г. Эта законодательная норма дала бы возможность следователям уже на стадии предварительного следствия выносить постановления об аресте имущества, принадлежащего взяточникам и членам их семей, для вынесения в последующем судебного решения о его конфискации в доход государства. В то же время Национальный план противодействия коррупции предусмотрел включение в образовательные стандарты общего и среднего профессионального образования специальных программ, предусматривающих формирование среди обучающихся нетерпимого отношения к коррупционному поведению. Кроме того, этим планом предусматривалось и поручение об открытии в образовательных организациях высшего образования программы магистратуры «Антикоррупционная деятельность». Нужно признать, что это правильные векторы развития и воспитания будущего поколения в плане неприятия коррупции как явления в обществе. И всё же ежегодный рост коррупционных преступлений свидетельствует о том, что принимаемые государством меры в борьбе с коррупцией пока являются недостаточными и малоэффективными.

Наверное, уже пришло время для осознания того факта, что с этим историческим наследием в современных условиях нужно бороться не только прокурорам, следователям и оперативным работникам органов внутренних дел и безопасности. Только общими усилиями государства и гражданского общества можно победить коррупцию в России. В процессе широкого негативного освещения этой проблемы в печати и на телевидении, в литературных произведениях, в спектаклях и кинофильмах коррупционеры должны подаваться аудитории не как состоявшиеся в жизни успешные члены общества, а как антигерои и изгои. И об этом нужно говорить детям с самого раннего возраста – в школах,

в рамках предмета «Разговоры о важном», который направлен как раз на укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Полагаю, что было бы целесообразно дополнить и учебную программу высшей школы кратким курсом основ уголовного законодательства (как раньше во всех вузах СССР преподавался краткий курс истории КПСС), для подготовки и воспитания будущего законопослушного поколения. В конце концов, позор и стыд должны сопровождать взяточников в их повседневной жизни, и тогда давать и получать взятки многим разонравится. Неприятие коррупции современным гражданским обществом, ее осуждение и презрение должны стать мощным фактором профилактики этого явления, вот только тогда мы все вместе – и гражданское общество, и правоохранительные органы, сможем ее победить. Следователям же Следственного комитета остается только пожелать выдержки, терпения и профессионализма в борьбе с этим тяжелым наследием нашей истории.

Борьба с коррупцией была и остается делом чести и благородства, но вести ее нужно с чистыми руками и чистыми помыслами. Недаром медаль с такими символами является одной из достойнейших ведомственных наград Следственного комитета Российской Федерации.

г. Москва, апрель-май 2025 г.

Р.С. Тамаев

Борьба с казнокрадством

В словаре С.И. Ожегова понятие «казна» определено как *государственное имущество, денежные и иные средства*, а «казнокрадство» – как *обкрадывание казны государства*. С целью противодействия этому злу в разные времена применялись разные методы борьбы: прижигание языков, прилюдная казнь, лишение свободы, ссылки, но все они не меняли ситуацию – факты и суммы хищений из государственной казны век от века только росли.

В период работы в органах прокуратуры и Контрольном управлении Президента Российской Федерации мне довелось внести свой посильный вклад в борьбу с казнокрадством.

Так, в апреле 1995 г. в Генеральной прокуратуре Российской Федерации было возбуждено уголовное дело о хищениях алмазов и золота в особо крупных размерах из Государственного хранилища РФ². Предварительное следствие по данному делу было поручено мне. Из материалов уголовного дела усматривалось, что в апреле-июне 1993 г. глава Роскомдрагмета Е.М. Бычков, вступив в преступный сговор с руководителем отдела финансов, бюджета и денежного обращения Правительства России И.Д. Московским, злоупотребив служебными полномочиями, без соответствующего решения Правительства Российской Федерации, произвел незаконный отпуск из Государственного хранилища алмазов, золотых и серебряных монет, редких ювелирных изделий из драгметаллов и драгоценных камней американской корпорации «Голден АДА, ИНК» на общую сумму 98 242 888 долларов США.

2. См. Р.С. Тамаев. «Афера века» // «Следствие сквозь годы... Воспоминания ветеранов следствия», выпуск 4. Москва, Издательский дом «Славян-ка», 2024.

Всё это «добро» отправилось в Соединенные Штаты для распродажи, которая, надо полагать, оправдала самые смелые ожидания «концессионеров». Вырученные таким образом средства поделили между собой учредители американской корпорации А.Б. Козленок, братья Ашот и Давид Шегиряны и другие персонажи.

Несмотря на то, что в июле 1993 г. Правительство Российской Федерации приостановило незаконный отпуск драгоценностей из Гохрана, в феврале-апреле 1994 г. Бычков повторил операцию и передал своим зарубежным партнерам алмазы на сумму 88 776 191 доллар США. Их также реализовали на американском рынке, а полученную прибыль поделили. Согласно предварительным расчетам, России был причинен общий ущерб на 187 019 079 долларов США, по официальному обменному курсу на тот момент эта сумма составляла 265 710 129 984 рубля.

Одной из главных задач, которая стояла перед следователями следственной группы, был поиск и возвращение в Россию похищенных драгоценностей, возмещение причиненного государству ущерба. С этой целью в соответствующие правоохранительные органы, как в России, так и за ее пределами, направлялись следственные поручения с просьбой принять меры по розыску похищенного из Гохрана, предлагалось наложить арест на имущество и счета обвиняемых. В процессе следствия было подготовлено и направлено только за пределы страны 25 ходатайств о правовой помощи: в США – восемь, в Бельгию, Швейцарию и Германию – по два, по одному – в Сингапур, Японию, Нидерланды, Польшу, Латвию, Грецию, Израиль, на Украину, Мальту, Кипр и Бермудские острова. Нужно отметить, что большинство зарубежных коллег добросовестно отнеслись к нашим поручениям, это подтверждается тем, что нам в процессе следствия удалось вернуть в Россию примерно половину похищенного в денежном эквиваленте.

В октябре 1999 г. следствие по делу было завершено, а в мае 2001 г. Московский городской суд признал виновными и опре-

делил меру наказания главным фигурантам уголовного дела: Бычкову Е.М. (бывшему председателю Роскомдрагмета), Московскому И.Д. (бывшему заведующему отделом финансов, бюджета и денежного обращения Правительства РФ), Козленку А.Б. (учредителю американской корпорации «Голден АДА, ИНК») и Федорову Н.Ф. (бывшему генеральному директору акционерного общества закрытого типа «Звезда Урала»). В ноябре 2001 г. определением судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор по этому делу с несущественными изменениями был оставлен в силе. Тем самым высшая судебная инстанция подтвердила высокое качество расследования, проведенного под эгидой Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

* * *

В декабре 1997 г. в Генеральной прокуратуре РФ было возбуждено уголовное дело по факту хищения 156 миллиардов рублей из федерального бюджета.

Расследование по данному делу было поручено мне. Из постановления о возбуждении уголовного дела усматривалось, что в соответствии с соглашением от 21 мая 1997 г. между Главным управлением федерального казначейства Министерства финансов РФ и МВД РФ о порядке проведения расчетов по оплате продукции и услуг для нужд МВД России в счет погашения задолженности путем проведения денежного зачета и на основании документов, предусмотренных этим соглашением, 25 июня 1997 г. погашены недоимки и пени ОАО «Нижевартовскнефтегаз» в федеральный бюджет на сумму 156 миллиардов рублей.

Согласно документам, представленным в Минфин России, указанная сумма якобы является долгом Главного управления Командования внутренних войск МВД России перед ЗАО «НК Росагронефтепродукт» за передачу ГУК внутренних

войск 16 декабря 1996 г. нефтепродуктов в резервуарах ОАО «Рязанский нефтеперерабатывающий завод».

Через систему договоров цессии ЗАО «НК Росагронепфтепродукт» уступило долг ОАО «Нижевартовскнефтегаз». В действительности в декабре 1996 г. ЗАО «НК Росагронепфтепродукт» не владело нефтепродуктами в ОАО «Рязанский нефтеперерабатывающий завод», не могло их передать в собственность ГУК внутренних войск, и договоры на поставку нефтепродуктов не исполнены. Принимая во внимание, что документы, устанавливающие долг ГУК внутренних войск перед ЗАО «Росагронепфтепродукт» и ОАО «Нижевартовскнефтегаз», фиктивные, посредством их из федерального бюджета мошенническим путем похищено 156 миллиардов рублей.

В процессе следствия было допрошено более двух десятков свидетелей, проведено четырнадцать обысков и более двух десятков выемок, в ходе которых изъято множество документов, в ГУК внутренних войск МВД РФ назначена документальная ревизия. В результате следствия в действиях командующего ГУК внутренних войск МВД РФ Ровенского П.Н. и других были выявлены признаки преступлений, предусмотренных ст.ст. 285, 292 УК РФ, в связи с чем, по указанию руководства Генеральной прокуратуры РФ 27 февраля 1998 г. уголовное дело по подследственности было направлено в Главную военную прокуратуру РФ.

28 марта 1998 г. в газете «Коммерсант» корреспондент Леонид Беррес в статье «Конец операции «Чистые руки»» сообщил: «Стали известны обстоятельства расследования сенсационного уголовного дела в отношении высших чинов МВД, которое расследует Главная военная прокуратура. <...> По всей видимости, доклад Генерального прокурора РФ о коррупции в МВД и стал основной причиной отставки Министра внутренних дел Анатолия Куликова».

2 апреля 1998 г. в газете «Коммерсантъ» тот же корреспондент в статье «Финансовый мозг Куликова пересажен в Лефор-

тово» указал: «Вчера сотрудники Главной военной прокуратуры арестовали замминистра внутренних дел, начальника тыла МВД России Владимира Дурбажева; во время обыска у него изъяли 1 миллион долларов США наличными. Генерал-полковнику инкриминируется злоупотребление служебным положением и должностной подлог. По подсчетам ГВП РФ, в результате его действий МВД РФ потеряло 350 миллиардов рублей».

* * *

В феврале 1993 г. в Управлении Министерства безопасности РФ было возбуждено уголовное дело в отношении 1-го заместителя председателя Государственной налоговой службы России В.Г. Панскова. В этом же месяце Пансков был задержан, а затем заключен под стражу. Практически через неделю, в марте месяце, Панскову было предъявлено обвинение в том, что он, «занимая ответственную должность, оказал содействие в отмене проплат Горьковским автозаводом в республиканский бюджет причитающихся налогов с прибыли, в связи с чем в сентябре 1992 г. от первого вице-президента АО «Автосельмаш-Холдинг» А.З. Горнева получил взятку в размере 186 500 рублей в виде покупки из средств акционерного общества автомобиля «Москвич» для сына Панскова».

Кроме того, Панскову вменялось и то, что он «с октября 1992 г., находясь в сговоре с начальником отдела по финансово-хозяйственному анализу АО «Виза-Аудит» М.П. Мещериной, в нарушение существующего в Государственной налоговой службе порядка, неоднократно передавал ей ксерокопии служебных документов по налогообложению, за что в декабре того же года и в феврале 1993 г. из средств АО получил взятку в размере 9 570 рублей в виде заработной платы по фиктивно оформленным на имя его дочери трудовым соглашениям». Обвинение в даче взяток были предъявлены Горневу и Мещериной,

в отношении которых мерой пресечения избрали подписку о невыезде.

В марте 1994 г. уголовное дело для дальнейшего расследования было передано следователю по особо важным делам при Генеральном прокуроре РФ, а затем мне. Изучив материалы дела, я пришел к выводу, что обвинение указанных лиц построено лишь на недостаточных фактах. Неоспоримых доказательств, подтверждающих предъявленные им обвинения, деле не имелось. После проведенных необходимых следственных действий я убедился в своих выводах окончательно, в связи с чем, в июле 1994 г., то есть практически через два месяца после начала работы, дело Панкова прекратил с формулировкой «За отсутствием состава преступления».

Почти сразу же появились печатные отклики на мое решение. Против ожидания, довольно лояльные, хотя общественное мнение о чиновниках в те годы складывалось крайне отрицательно и тем хуже, чем выше был ранг официального лица, имевшего несчастье «засветиться».

В августе того же года в газете «Известия» корреспондент Сергей Мостовщиков в статье «История несостоявшегося крупного взяточника гражданина Панкова В.Г.» писал: «Панкова освободила из Лефортова Генеральная прокуратура России, отказав КГБ в очередном продлении срока ареста. Фактически он выходил на свободу не с чистой совестью, а с желудочным кровотечением и практически полной потерей зрения одним глазом. Сейчас неудавшийся взяточник, правда, немного поправился, но вопросы о причинах такого сокрушительного удара по нему системой госбезопасности Родины, видимо, по-прежнему вызывают у него болезненные ощущения. По мнению бывшего крупного уголовника, а ныне честного человека, в действиях которого при покупке машины не найдено состава преступления, он стал жертвой доноса коллеги, пришедшего на должность заместителя начальника Налоговой службы России из КГБ в чине генерала. Поскольку конкретных фактов

у Владимира Панкова нет, он не называет фамилию этого человека, но утверждает, что на допросах фигурировали детали, которые могли быть известны только этому сметливому сослуживцу, привыкшему «стучать» из карьеристских соображений по роду прежней деятельности».

В октябре в той же газете Мостовщиков сообщил: «За незаконное обвинение в получении взяток государство заплатит Панкову В.Г. 4 714 150 рублей 79 копеек». На вопрос корреспондента Панков ответил: «Мне не так важны эти деньги, как сам факт того, что власти извинятся передо мной хотя бы в такой форме». Мостовщиков также сообщил: «По имеющимся сведениям, руководство бывшего МБР (современное название ФСК) пыталось после всего отменить постановление Тамаева, обратившись в Генпрокуратуру. Дело Панкова было направлено в надзирающую инстанцию, которая, прочитав произведение госбезопасности о коррупции в высших эшелонах власти, тоже нашла его надуманным и в итоге оставила решение следователя в силе».

Восклицательный знак в межведомственных разборках, о которых меня по понятным причинам не информировали, поставила «Российская газета» в ноябре 1994 г.: «Владимир Панков, заместитель руководителя финансово-бюджетного управления Администрации Президента РФ, указом Главы государства по представлению Премьер-министра назначен новым Министром финансов России».

* * *

В октябре 1998 г. в Генеральной прокуратуре РФ было возбуждено уголовное дело по факту злоупотребления должностными полномочиями сотрудниками Управления делами Президента РФ. Некоторое время следствие по данному делу проводилось моими коллегами, затем дело было передано мне. Из постановления о возбуждении уголовного дела усматривалось, что в 1994-1995 гг. Управление делами Президента России

заключило со швейцарской фирмой «Мабетекс» контракт на реставрационные работы в корпусе № 1 Кремля, а затем еще несколько контрактов на реконструкцию здания Государственной Думы и Дома Правительства. Далее лаконично сообщалось, что суммы, зафиксированные в официальных контрактах, превышали действительную стоимость работ на 30-50 процентов. За столь существенную приписку фирма «Мабетекс» открыла в швейцарском банке «Готтард» личный счет на имя руководителя Управления делами Президента П.П. Бородин и в несколько приемов перевела на него 11 миллионов долларов США. Кроме того, президент фирмы «Мабетекс» Беджет Паколли лично передал «кремлевскому завхозу» Бородину в качестве комиссионных несколько ювелирных изделий.

Уголовное дело выглядело, мягко говоря, необычно. В ходе его предварительного изучения я, прежде всего, обратил внимание на то, что заявление Филиппа Туровера, советника швейцарского банка «Готтард», с которым изначально он обратился в прокуратуру Швейцарии, а затем и в Прокуратуру РФ, не было зарегистрировано в Книге учета преступлений, как это предусмотрено в Инструкции о делопроизводстве. Кроме того, после возбуждения уголовного дела по нему не была выставлена статистическая карточка с присвоением соответствующего номера. Я также обратил внимание и на то, что дело о хозяйственном преступлении было возбуждено без проведения тщательной документальной ревизии, без получения объяснений от соответствующих должностных лиц и т.п. То есть, имелись все основания признать отсутствие банальной доследственной проверки, которая должна была подтвердить либо опровергнуть наличие состава преступления как такового.

В связи с выявленными в рамках данного уголовного дела грубыми нарушениями процессуального характера, мною на имя Генерального прокурора Российской Федерации была направлена докладная записка с предложением провести служебную про-

верку. Дождаться результатов служебной проверки я не стал, зарегистрировал заявление гражданина Туровера и выставил статистическую карточку с присвоением делу соответствующего номера. Согласно установленному порядку, для обеспечения качества и эффективности расследования, составил подробный план проведения следственных действий и назначил документальную ревизию, проведение которой поручил Счетной палате Российской Федерации. Должен отметить, что аудиторы сделали свою работу оперативно и на высоком профессиональном уровне. Из подготовленного ими и переданного в распоряжение следствия акта документальной ревизии следовало, что незаконно заключенных контрактов в Управлении делами Президента РФ не выявлено; по заключенным контрактам всё оговоренное выполнено в полном объеме; ущерб государству не причинен.

Пока продолжалась ревизия, я организовал и провел допросы ключевых фигурантов. Само собой, сделать это требовалось максимально эффективно, чтобы общая картина начала обретать конкретные очертания. С другой стороны, названные Туровером люди имели высокий статус и прекрасную репутацию. Паколли, кроме того, еще и был иностранным гражданином, весьма уважаемым бизнесменом, в окружении которого было немало высококлассных адвокатов. Так что любой недочет в моем расследовании, конечно, был бы использован не только против меня лично, но поставил бы под сомнение высокий авторитет всей Генеральной прокуратуры России. Всё это требовало от меня особой щепетильности при проведении следственных действий.

Первым по делу я допросил Управляющего делами Президента Российской Федерации П.П. Бородин. В процессе допроса он вел себя спокойно, на мои вопросы отвечал уверенно, своим положением и близостью к первому лицу в государстве прикрываться не пытался. Показания его по существу сводились к тому, что вскоре подтвердила Счетная палата России: Управление делами Президента РФ действительно заключило с фирмой «Мабетекс» ряд контрактов в соответствии с утверж-

денным Президентом страны планом реконструкции государственных зданий; все оговоренные работы были выполнены в полном объеме и приняты в установленном порядке уполномоченными госкомиссиями. Обвинения Ф. Туровера о передаче ему, Бородину, либо кому-то из его сотрудников руководителем фирмы Паколли взятки – ложь от начала до конца. Бородин также подчеркнул, что какие-либо счета в Швейцарии на его имя Паколли не открывал и никакие деньги на них никогда не перечислял.

Аналогичные показания дал и Б. Паколли. Для начала он продемонстрировал документы о том, что тендер на контракты с Управлением делами Президента РФ был выигран им на законных основаниях. Далее документально подтвердил, что все работы его фирма выполнила своевременно, качественно, в оговоренных объемах и каких-либо претензий к «Мабетексу» никто не предъявлял. Показания обоих главных фигурантов подкреплялись актами государственных комиссий по приему в эксплуатацию вновь отстроенных, реконструированных и реставрированных объектов. В них фиксировалось, что все проведенные «Мабетексом» работы соответствуют утвержденным техническим проектам, техническим условиям и строительным нормативам; все объекты сданы в срок и приняты в эксплуатацию уполномоченными структурами.

Получив акт ревизии Счетной палаты РФ, я специально встретился и допросил по делу Главного инспектора Счетной палаты РФ Юрия Никитина. Он не только подтвердил, что фирма «Мабетекс» реализовала в полном объеме все свои контракты, но и подчеркнул, что оплата российской стороны соответствует объемам проделанных работ. Так что материального ущерба в связи с завышением сметных расценок ревизия не выявила.

Включения в смету необоснованных затрат не установили также привлеченные мною независимые эксперты, в роли которых выступили специалисты АО «Моспроект» и Министерства культуры Российской Федерации.

Собранные обширные материалы неопровержимо свидетельствовали: каких-либо доказательств, которые подтверждали бы злоупотребление сотрудниками Управления делами Президента России своими должностными полномочиями при реконструкции зданий Кремля, Белого дома и других объектов, не обнаружено. На очередном совещании буквально все члены руководимой мной следственной группы сошлись во мнении, что у расследуемого нами дела судебной перспективы нет, и что оно подлежит прекращению за отсутствием события преступления.

Тем не менее, я принял решение с окончательным вердиктом не торопиться. Дело в том, что параллельное следствие вели и наши зарубежные коллеги. Смысл имело некоторое время подождать и посмотреть, не появятся ли по нашему делу новые обстоятельства, которые позволят нам продолжить свою работу. Обоснованность этого осторожного подхода очень скоро полностью подтвердилась.

Через некоторое время в средствах массовой информации появилось сообщение о том, что возбуждение Генеральной прокуратурой РФ уголовного дела против работников Управления делами Президента РФ – не что иное, как политическая акция, направленная лично против Президента России Б.Н. Ельцина. Сначала я не придавал этой публикации особого значения, однако вскоре вынужден был свое мнение изменить. Потому что далее началось, что называется, вирусное распространение указанного вброса и его активное обсуждение самыми разными политическими силами страны.

В июле 1999 г. в центральных газетах России были опубликованы следующие статьи:

«Комсомольская правда». Статья Л. Тимофеева и М. Чикина «Швейцарские прокуроры копают под Кремль, Карла дель Понте верна заветам Скуратова»;

«Известия». Статья Э. Гусейнова «Швейцарская прокуратура превращается в инструмент борьбы кремлевских кланов»;

«Коммерсантъ». Статья Е. Заподинской «В Швейцарии преследуют Бородин, чтобы спасти Скуратова».

В последней статье приводилось мнение адвоката Б.А. Кузнецова о том, что возбуждение уголовного дела против Бородина – это «чисто политическая акция против Президента России, инициированная прокурором Швейцарии Карлой дель Понте».

В сентябре 1999 г. в газете «Московский комсомолец» появилась статья под заглавием «Примаков – организатор «Рашагейта»». В ней, в частности, говорилось: «Наконец-то найден виновник скандала с «русской мафией» в западных СМИ. Это Евгений Максимович Примаков. Говорят, что именно он, придя в Белый дом, инициировал расследование деятельности наших олигархов, используя при этом помощь Службы внешней разведки и налаженные контакты коммунистов с Генеральным прокурором России. Результаты дали себя знать очень скоро: через полгода весь мир уже знал, что «Андава» и «Мабетекс» – это что-то нехорошее. Вообще-то взрывные материалы готовились под предвыборную кампанию, но грянула отставка, Примаков ушел молча, и вскоре началась так называемая война, потоки несмываемого компромата потекли в сторону Кремля».

Газета «Версия» в ноябре 1999 г. напечатала материал Олега Лурье под громким названием «Ошибка Президента». Автор утверждал, что Президент России Б.Н. Ельцин и Управляющий делами Президента РФ П.П. Бородин в банке «Готтард» владели совместным счетом, через который было проведено 11 миллионов долларов США. Статья Лурье вызвала большой общественный резонанс. Тему немедленно подхватили другие газеты и журналы, которые принялись выдавать читателям собственные мнения по этому «благодатному» поводу. Почти сразу сделалось очевидным, что все публикации такого рода явно льют воду на мельницу незадолго перед тем активизировавшейся оппозиции. Было совершенно ясно, что в стране появилась сила, вступившая в открытую схватку с Президентом Ельциным и его «семьей».

Генеральная прокуратура РФ, продолжавшая расследование по уголовному делу, возбужденному по заявлению Туровера с обвинениями против Бородина и Паколли, оставаться в стороне от разгорающегося скандала, конечно, не могла. В связи с появившимися публикациями было принято решение о проведении тщательной проверки указанных журналистами сведений, деталей и обстоятельств.

Прежде всего, федеральному прокурору Швейцарской Конфедерации В. Рошахеру было направлено ходатайство об оказании правовой помощи по уголовному делу в отношении фирмы «Мабетекс». Мы просили произвести выемку из банка «UBS» и направить в наш адрес подлинные документы либо их копии, заверенные в установленном порядке, по счетам, открытым Бородиным и другими лицами; произвести выемку из банка «Готтард» документов об открытии специальных карточных счетов и использовании их для оплаты кредитных карточек Ельцина и членов его семьи; допросить в качестве свидетелей исполнительного президента банка «Готтард» Большджиани и президента этого же банка Клаудио и т.д. Генеральная прокуратура РФ предлагала также указанные следственные действия провести с моим участием как руководителя следственной группы в России.

Исполнение нашего ходатайства прокуратура Швейцарии стала затягивать по непонятным для нас причинам. Неоднократно мы направляли швейцарским коллегам напоминания, вели соответствующие переговоры, отвечали на различные уточняющие вопросы... Ситуация не менялась. И всё же через довольно продолжительное время швейцарцы пригласили к себе заместителя Генерального прокурора России В.В. Колмогорова и меня.

В ходе встречи прокурор Женевы Бертран Бертосса и следователь Даниэль Дево вели себя как-то странно. Они явно что-то недоговаривали, убеждая нас, что ими проводится необходимая работа по исполнению нашего ходатайства. Потом

и вовсе стали говорить, что мое участие как руководителя следственной группы при проведении следственных действий на их территории... совершенно излишне. Нам с Колмогоровым ничего не оставалось, как оценить на скорую руку красоты Швейцарии и вернуться на Родину.

Впоследствии на наш запрос из прокуратуры Швейцарии поступил ответ, из которого следовало, что обозначенный в статьях российских журналистов счет в банке «Готтард» не зарегистрирован. Далее сообщалось, что президент фирмы «Мабетекс» Б. Паколли действительно оформлял банковские гарантии под кредитные карточки Б.Н. Ельцина, его супруги Н.И. Ельциной и их дочерей Т.Б. Дьяченко и Е.Б. Окуловой. На основании этих гарантий указанные лица получили кредитные карточки, по которым производились платежные операции.

Допрошенный по вновь открывшимся обстоятельствам Паколли показал, что ни Ельцину, ни членам его семьи счета им не открывались и денежные средства на них не перечислялись. Но под кредитные карты Президента России и членов его семьи он на самом деле выдал банковские гарантии. В период 1996-1999 гг. с его личного счета производилось списание денежных средств в уплату расходов по указанным кредитным карточкам. Однако в 1999 г. все его затраты были полностью президентской семьей возмещены.

Разъяснения Паколли звучали убедительно. Тем не менее, это никак не отменяло необходимости допросить и самого Президента Ельцина, и членов его семьи. Изменить установленный порядок проведения следственных действий не имел права никто. С другой стороны, легко понять, что допросы подобных лиц всегда являются темой весьма щекотливой. Сотрудники Генеральной прокуратуры, Следственного комитета и других правоохранительных органов РФ, как известно, обязаны быть вне политики. Они служат Закону и, если Закон нарушен, обязаны доказать это и принять соответствующие меры.

Не лишним будет отметить и то, что о скандальной подноготной этого уголовного дела Президент России Б.Н. Ельцин упомянул в своей книге «Президентский марафон».

В частности, в книге сказано:

У Генпрокуратуры появился «духовный лидер» – депутат Виктор Илюхин. Тот самый Илюхин, который когда-то пытался начать уголовное преследование Михаила Горбачёва по статье «Измена Родине», меня – по поводу «геноцида русского народа», Илюхин – автор всех законопроектов о неспособности Ельцина управлять страной. Именно этот депутат, как писали газеты, когда-то тоже работавший в прокурорской системе по линии КГБ, стал вхож в любую, самую высокую прокурорскую дверь... Я понял, что Скуратов поддавался влиянию тех, кто подсказывал ему наиболее легкий путь, путь громких «политических» дел... Я был уверен, что скуратовский шантаж, возбужденное им в глубочайшей тайне дело «Мабетекс» – всего лишь мелкая уловка, хорошая мина при плохой игре. <...>

В апреле 1999 г. заместитель прокурора Москвы возбудил уголовное дело по факту злоупотребления служебным положением Генеральным прокурором РФ. Сразу после этого я подписал указ об отстранении Скуратова от должности в связи с проведением расследования. <...>

Юрий Лужков активно поддерживал линию коммунистов на постановку вопроса о моей недееспособности как Президента. <...> 21 апреля 1999 г. Юрий Лужков произнес на заседании Совета Федерации новую пламенную речь в защиту законности. И в защиту Скуратова. <...> Лужков в кулуарах настраивал губернаторов на конституционный бунт, на «легальный протест», используя свое влияние, зависимость от Москвы многих слабых регионов. <...> В поддержку Скуратова работал целый штаб, где встречались с сенаторами и люди Лужкова, и представители компартии, а в день голосования в Совет Федерации пришли все: и Зюганов, и Илюхин, и многие другие депутаты, которые были заинтересованы в раскручивании скандала. <...>

В мае 1999 года решением Совета Федерации Скуратов был отправлен в отставку. Так закончилась эта эпопея с прокурором³.

Пока я занимался прояснением многочисленных вопросов в рамках непростого расследования выдвинутых против руководителя России обвинений, моей скромной персоной заинтересовались те, кто организовал грязную антипрезидентскую кампанию. В одном из средств массовой информации появилась статья, в которой меня самого обвинили в коррупции и связях с некой могучей чеченской преступной группировкой. Идея была проста и незамысловата: через клевету на руководителя следственной группы Генеральной прокуратуры РФ поставить под сомнение результаты масштабной работы следователей по резонансному делу, которое пошло не так, как рассчитывали противники Президента РФ.

Однако не отреагировать на эту провокацию я не мог. Как того требовал этический кодекс, я подал Генеральному прокурору РФ В.В. Устинову рапорт, в котором просил отстранить меня от расследования по данному уголовному делу, провести проверку сведений, изложенных в статье, и решить вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении оклеветавшего меня корреспондента.

Перипетии этой истории в одном из майских номеров газеты «Коммерсантъ» за 2000 г. изложил корреспондент Л. Беррес. В статье «Следователь Тамаев снова в строю» он писал: «Следователь Тамаев написал рапорт Устинову. Свой демарш следователь объяснил беспрецедентным давлением, которое оказывается на него со стороны властных структур и средств массовой информации. Сначала его самого обвиняли в связи с чеченской преступной группировкой, а потом ОВД «Лефортово» было возбуждено уголовное дело против его братьев, коммерсантов Хасана и Хусейна. Доказать причастность последних к торговле взрывчаткой не удалось, и тогда появилась

3. См. Ельцин Б.Н., «Президентский марафон». Москва, 2000. С.263-279.

информация о том, что еще в 1996 г. родной брат Тамаева Рамзан взял в Московском национальном банке кредит в сумме 100 тысяч долларов США... Вывод: Тамаев через брата получил взятку и не в состоянии объективно расследовать дело. О том же, что кредит был погашен еще три года назад, никто не вспомнил...»

На основании моего рапорта Генеральной прокуратурой РФ была проведена служебная проверка. Предсказуемый результат – никакие из опубликованных в СМИ клеветнических сведений обо мне не подтвердились. Соответственно, я получил предложение продолжить свою работу. А вот те, кто распространял обо мне порочащую информацию, наказание не понесли.

В марте 2000 г. бывший Генеральный прокурор Ю.И. Скуратов дал развернутое интервью корреспонденту газеты «Сегодня» Андрею Камакину. В числе вопросов Скуратову был и такой: «Что мешает вам всё рассказать?» Ответ собеседника репортер изложил своими словами: «Он не может рассказать всё, но на заседании Совета Федерации он заявил, что есть данные о возможной причастности Президента к коррупции. После этого Администрация Президента обратилась в Генеральную прокуратуру РФ с предложением возбудить против него уголовное дело за клевету в адрес Президента РФ. Его пригласили в прокуратуру для дачи объяснения. Он предложил им посмотреть уголовное дело по «Мабетексу» и сделать запрос швейцарцам».

Прочитав интервью Скуратова, я окончательно понял, какая цель ставилась при возбуждении уголовного дела по заявлению Туровера. К этому времени расследование уже вышло на финишную прямую. Завершив все формальности, в декабре 2000 г. я вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, его жены Н.И. Ельциной и дочерей Т.Б. Дьяченко, Е.Б. Окуловой. В то же время я подписал постановление о прекращении уголовного дела за отсутствием

состава преступления в действиях П.П. Бородин, В.Е. Савченко, А.Д. Люлькина, О.Н. Степанова, Э.Я. Эстерлейна, В.А. Козелько, А.И. Головатого, С.В. Филоненко и Б. Паколли.

Как только эти сведения попали в средства массовой информации, началась настоящая вакханалия. Приведу только несколько выдержек из газетных публикаций.

Газета «Известия» от 14 декабря 2000 года, статья Е. Чубарова «Дело «Мабетекс» закрыто»: «Вчера заместитель начальника Управления по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры России Руслан Тамаев объявил о прекращении уголовного дела по фактам превышения служебных полномочий в ходе реконструкции Московского Кремля, более известного как «Дело «Мабетекс»». По словам Тамаева, вынесено также постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Бориса Ельцина и членов его семьи».

Газета «Собеседник» № 49, статья Е. Скворцовой «Дело «Мабетекс» никто не закрывал в Швейцарии»: «Дело «Мабетекс», о закрытии которого в России на прошлой неделе объявил следователь Генеральной прокуратуры Руслан Тамаев, в Швейцарии никто закрывать не собирается. Речь идет об обвинениях в отмывании денег и коррупции, выдвинутых женевским судьей Даниэлем Дево и прокурором кантона Бернаром Бертоссой бывшему Управляющему делами Президента Павлу Бородину и главе фирмы «Мерката трэйдинг» Виктору Столповских».

А вот ответы прокурора Женевы Б. Бертоссы на вопросы корреспондента газеты «Коммерсантъ» В. Мироненко, опубликованные 15 декабря 2000 г.:

Вопрос: Как вы отреагировали на то, что следователь Руслан Тамаев закрыл это дело?

Ответ: Меня это решение не удивило, но, конечно, разочаровало. Хотя я с трудом понимаю, почему российская прокуратура признает нормальным, что государственный чиновник получает комиссионные от контрактов между частной фирмой

и государством. Остальному я тоже не удивляюсь: у нас давно возникло ощущение, что прокуратура России зависима от исполнительной власти. И российское правосудие не торопится преследовать некоторых друзей нынешнего Президента.

Вопрос: Но господин Тамаев закрыл дело как раз «за отсутствием состава преступления». Значит, все доказательства, собранные вашей прокуратурой, ему негодились?

Ответ: Кажется, именно это он и имеет в виду. Письменного заявления я не видел и знаю об этом из сообщений прессы.

Вопрос: Возможно ли завершить дело «Мабетекс» – ведь расследование ведется и в Швейцарии – без помощи России?

Ответ: Конечно, мы оказываемся в трудном положении, но решение об отказе продолжать расследование мы не принимаем... Юридически это возможно – швейцарские законы позволяют преследовать за преступления, совершенные в стране, например, за отмывание денег.

Тем самым Бертосса четко дал понять, что история с Бородиным для швейцарской прокуратуры не закончилась. Она действительно вскоре получила развитие.

Газета «Коммерсантъ» 18 января 2001 г. опубликовала статью Юрия Чубенко «Павел Бородин сам пришел». В ней сообщалось: «В ночь на четверг 17 января 2001 г. в нью-йоркском аэропорту имени Кеннеди арестовали госсекретаря Союза Белоруссии и России Павла Бородин. Вместо принятия участия в церемонии инаугурации нового американского президента Джорджа Буша господин Бородин угодил в федеральную тюрьму Нью-Йорка. Там он будет ждать экстрадиции в Швейцарию, правоохранные органы которой подозревают его в отмывании 60 миллионов долларов США. Американский прокурор Томас Файрстоун уже внес на рассмотрение суда предложение о выдаче».

Меня немедленно атаковали московские «акулы пера». Отмалчиваться я не собирался, хотя многим этого, судя по некоторым признакам, очень хотелось. Не рвался я и на экраны

телевизора, полагая, что оснований для суеты нет. Американские и швейцарские служители Фемиды прямо-таки перли в собственную хитроумную ловушку. Флаг, как говорится, в руки и барабан на шею.

Московский «Интерфакс» 22 января 2001 г. сообщил: «Бывший руководитель следствия по так называемому делу «Мабетекс» Руслан Тамаев считает, что у дела «Бородин и другие», которое расследуется швейцарскими следователями, нет судебной перспективы. «Я очень сомневаюсь, что господин Даниэль Дево (жневский судебный следователь), даже если американцы выдадут Павла Бородина, предъявит ему обвинение, закончит расследование уголовного дела и передаст его в суд», – заявил в интервью «Интерфаксу» в понедельник Р. Тамаев – ныне заместитель начальника Управления по расследованию особо важных дел Генпрокуратуры России... «Если бы у Дево были серьезные материалы и стремление довести дело до суда, то он бы не отказался от предложения российской прокуратуры приехать в Москву и лично участвовать в допросах П. Бородина и других лиц», – отметил Р. Тамаев».

Тему эту «Интерфакс» продолжил 8 февраля: «Замначальника Управления по расследованию особо важных дел Генпрокуратуры РФ Руслан Тамаев считает, что дело, которое швейцарские правоохранительные органы ведут в отношении госсекретаря Союза России и Белоруссии Павла Бородина, не имеет судебной перспективы. Как заявил Р. Тамаев в интервью газете «Сегодня», такое мнение он высказал в Женеве в ходе встречи с генпрокурором этого кантона Бернаром Бертоссой... «Время нас рассудит», – заметил представитель Генпрокуратуры РФ».

В начале апреля 2001 г. Соединенные Штаты наконец передали Павла Бородина Швейцарии. По этому поводу в «Известиях» от 9 апреля в статье «Госсекретарь стал обвиняемым» Григорий Пуанов писал: «В субботу утром госсекретарь Союза России и Белоруссии Павел Бородин прибыл под конвоем из

Нью-Йорка в Женеву. Через несколько часов следователь Даниэль Дево предъявил ему обвинения в отмывании денег и создании преступной организации. Ближайшие дни Бородин проведет в швейцарской тюрьме Шан-Доллон».

События развивались стремительно. Уже 13 апреля в газете «Сегодня» в статье «Павел Бородин почти свободен» Игорь Седых сообщил читателям: «Обвинительная палата Женевы вынесла вчера решение об освобождении Павла Бородина из-под стражи до 10 июля после внесения соответствующего залога с обязательством являться по вызову следственного судьи».

Далее активность швейцарских прокуроров резко спала. Развязка наступила спустя год. Л. Беррес 6 марта 2002 г. опубликовал в газете «Коммерсантъ» статью «Павел Бородин оправдан». В ней, в частности, говорилось: «Прокурор кантона Женева Бернар Бертосса прекратил уголовное дело в отношении Павла Бородина. На каком основании это было сделано, станет известно только сегодня, когда адвокаты госсекретаря получают документы из Швейцарии. «Я считаю, что следствие закончено, обвинение доказано и в ближайшие два месяца дело может быть передано в суд», – отрапортовал в августе прошлого года прокурор Бернар Бертосса после очередного допроса Павла Бородина. Поздним вечером 4 марта тот же прокурор закрыл дело, наотрез отказавшись прокомментировать сенсационное решение».

«Интерфакс» попросил меня дать интервью, которое вышло 23 апреля 2002 г.: «Бывший руководитель следствия по так называемому делу «Мабетекс» Руслан Тамаев подчеркнул, что П. Бородин так и не был признан виновным в тех преступлениях, которые инкриминировались ему швейцарской прокуратурой. Мы исходим из того, что человек может быть признан виновным только решением суда, а швейцарская прокуратура, как известно, дело Бородина не стала передавать в суд, наложив на него административный штраф.

Комментируя уход на пенсию Б. Бертосса, Р. Тамаев сказал, что мы предупреждали его, что ничего из дела «Бородин и другие» не получится, так и получилось – он (Бертосса) оказался в проигрыше».

На самом деле мне было жаль, что коллега Бертосса позволил втянуть себя в какие-то политические игрища и пошел на поводу у далеких от Закона пристрастий. Как человек, безусловно, небесталанный, он не мог не видеть бесперспективность своих попыток доказать недоказуемое. Видимо, непоследнюю роль в его упорстве сыграли честолюбивые амбиции: дескать, утру нос российским следователям-неумехам!.. Впрочем, это уже дело его собственной совести.

Эпопея «Мабетекс» наконец-то завершилась окончательно и бесповоротно. Так уж вышло, что точку в ней поставила швейцарская прокуратура, косвенно подтвердившая заодно высокую степень профессионализма российских специалистов.

* * *

В 2009 г. я уволился из органов прокуратуры в связи с выходом на пенсию, а в 2010 г. был принят на работу в Контрольное управление Президента Российской Федерации на должность советника. Там тоже мне пришлось поработать по делам указанной категории.

В 2010 г. по телевидению был показан репортаж о выявлении в России многомиллионных махинаций при закупке медицинского оборудования на бюджетные средства. В ходе репортажа начальник Контрольного управления Президента РФ К.А. Чуйченко сообщил Президенту Российской Федерации Д.А. Медведеву о том, что в результате проверки выявлены многочисленные факты присвоения в особо крупных размерах государственных средств, выделенных на модернизацию системы здравоохранения.

Чуйченко подчеркнул, что «если у производителей медицинский томограф можно было купить за 16 миллионов рублей, в итоге он обошелся государству в несколько раз дороже. Кроме того, конкурсная документация формировалась с нарушениями и основная задача этой документации зачастую была направлена на то, чтобы обеспечить исключение честной конкурентной борьбы между производителями, то есть имела место коррупционная составляющая». Далее он привел пример по Ростовской области: «Закупки 2009 г. показали, что медицинский томограф у производителей в рублевом эквиваленте стоил 34 500 000 рублей, пройдя через британских и российских посредников, его цена возросла до 90 390 000 рублей, то есть у посредников осело 55 890 000 рублей».

Медведев заметил: «Цена практически больше в два с половиной – три раза!»

Чуйченко согласился с Медведевым и продолжил: «В ходе проверки специалисты встретились с производителями томографов. Выяснилось, что зарубежные компании готовы были обеспечить сервисное обслуживание медицинской техники и даже сделали бы скидку почти в 30 процентов, если бы оборудование закупали централизованно».

Медведев возмущенно заявил: «Это, на мой взгляд, не коррупционная составляющая, а абсолютно циничное, хамское воровство государственных денег. При этом люди, которые всё это устраивают, не имеют ни стыда, ни совести. Я дам указания Генеральному прокурору и руководителю Следственного комитета РФ, чтобы все, кто к этому причастен, понесли суровое наказание. Это терпеть больше нельзя, это вызывает, во-первых, дикую ненависть наших людей, во-вторых, создает известный отрицательный авторитет у нашей страны».

В заключение телеведущий отметил, что по итогам встречи Президент направил Правительству ряд поручений,

в одном из которых указано, что к 1 февраля будущего года необходимо сформировать действенную систему мониторинга цен, предметов закупки, производителей и поставщиков медицинского оборудования и подготовить предложения о внесении поправок в законодательство о размещении заказов, разработать унифицированные технические требования к оборудованию и его сервисному обслуживанию. Главе Минздрава и социального развития Т.А. Голиковой и руководителям регионов к 1 декабря предлагалось рассмотреть материалы Контрольного управления Президента РФ и привлечь к ответственности должностных лиц, виновных в неэффективном расходовании бюджетных средств при закупках медицинского оборудования. Генеральному прокурору, главе Следственного комитета, министру внутренних дел, директору ФСБ, главам Финмониторинга и ФНС РФ было поручено разработать и реализовать на системной основе комплекс совместных мероприятий, направленных на усиление борьбы с преступностью в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд.

После этого Чуйченко пригласил меня к себе и поручил собрать полную информацию по всем фактам злоупотреблений должностных лиц при закупках медицинского оборудования. Ход и результаты выполнения своего поручения Чуйченко предложил докладывать ему либо его заместителю И.В. Романову. В процессе исполнения указанного поручения выяснилось, что в системе МВД и Следственного комитета РФ имелось несколько десятков материалов, по которым проверки грубо волокитились и законные решения по ним не принимались. Я созванивался с соответствующими прокурорами субъектов РФ, предлагал проверить законность и обоснованность принятых решений по указанным материалам и о результатах сообщать в Контрольное управление Президента РФ. Таким образом, в течение небольшого промежутка времени было возбуждено 60 уголовных дел

о злоупотреблениях и хищениях государственных денежных средств в особо крупных размерах.

Часть данных дел руководством Следственного комитета РФ была изъята из производства следственных подразделений субъектов РФ и для дальнейшего расследования передана в Главное следственное управление СК РФ. О результатах проведенной работы руководством Контрольного управления был проинформирован Президент РФ.

* * *

После увольнения из Контрольного управления Президента РФ, я занимался преподавательской деятельностью в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации, Российской Академии адвокатуры и нотариата. Студенты мне часто задавали вопросы о проблемах при расследовании уголовных дел о хищениях денежных средств из казны государства и путях улучшения работы по противодействию этому злу.

В меру своих знаний и возможностей я отвечал на их вопросы, а в 2017 г. с помощью Интернета провел анализ состояния дел по указанной проблеме и подготовил Справку, в которой изложил свое видение по улучшению данной работы. В Справке было отмечено, что в мире сформировалась международная финансово-офшорная олигархия, на вершине которой стоят бенефициары крупнейших банковских конгломератов, инвестиционных фондов и транснациональных корпораций. Ее обслуживает прослойка из политиков и лоббистов, сотен тысяч банковских клерков, номинальных директоров, юристов.

В средствах массовой информации сообщается, что каждый год по всему миру – не только в Азии, Африке, Латинской Америке, но и в самих странах Североатлантического сообщества – похищается более 1 триллиона долларов США,

которые стекаются в глобальный «бассейн грязных капиталов». Объем этого бассейна достиг 60 триллионов долларов США, что сопоставимо с общим ВВП планеты. Эти деньги не лежат «физически», в виде пачек банкнот, в Нью-Йорке или Лондоне, они распределены на виртуальных банковских счетах по всему миру.

После распада СССР и демонтажа плановой административно-командной экономики в нашей стране также идет масштабная утечка капитала, возникающая вследствие коррупции и хищений. Криминальное обогащение отдельных представителей бизнеса и государственного аппарата сопровождается выводом накопленных ими «грязных денег» за рубеж. Банковская система России, обслуживающая этот процесс, превратилась в механизм по хищению аккумулированных в кредитно-финансовых учреждениях ресурсов. Из трех тысяч двухсот зарегистрированных в постсоветский период банков сегодня действуют примерно семьсот семьдесят. Ликвидация подавляющего большинства банков за 15 лет стала не результатом «рыночной конъюнктуры», кризисов 1998 и 2008 гг. и не следствием «ошибок менеджмента», а была преднамеренным банкротством, призванным скрыть преступную деятельность их владельцев. Коррумпированные чиновники и финансовые мошенники получают на Западе иммунитет от уголовного преследования.

Наиболее шумевшие случаи – дела главы «Банка Москвы» Андрея Бородин (похищено около 5 миллиардов долларов США, получил политическое убежище в Великобритании, проживает в Лондоне), владельца Межпромбанка Сергея Пугачева (похищено более 2 миллиардов долларов США, получил гражданство Франции), владельцев банков «Траст» и «Интеркоммерц» (похищено более 2,5 миллиардов долларов США), владельца банков «Глобэкс» и «Российский кредит» Анатолия Мотылева (похищено более 4 миллиардов долларов США), владельца «Внешпромбанка» Георгия Беджамова (по-

хищено более 3 миллиардов долларов США, находится в Монако), бывшего замминистра сельского хозяйства Бажанова (похитил более 500 миллионов долларов США, скрывается во Франции). Подобных примеров – несколько сотен. В Лондоне и на Южном берегу Франции образовались своего рода колонии беглых преступников из России.

В общей сложности коррумпированные чиновники, так называемые «банкиры» и «успешные предприниматели» за последние 15 лет похитили и вывели за рубеж более ста миллиардов долларов США – сумму, сопоставимую с активами Фонда национального благосостояния (73,86 миллиардов долларов США). Весь экспорт вооружений и сельхозпродукции из России в 2015 г. составил 31 миллиард миллиард долларов США, а доходы от него при этом не превышают нескольких миллиардов.

Возврат похищенных капиталов – чистые поступления в казну. В условиях западных санкций, затрагивающих, прежде всего, ограничение доступа к рынку капитала, эти средства могли бы стать ключевым фактором для обеспечения финансовой стабильности, инвестиций и роста российской экономики. Поэтому репатриация незаконно выведенных капиталов должна стать одной из приоритетных задач для государства.

Меры, предпринимаемые Следственным комитетом РФ, МВД РФ и Генеральной прокуратурой РФ в этой сфере, недостаточны. Так, в 2015 г. в Россию было возвращено всего 6 миллиардов рублей (т.е. менее 200 миллионов долларов США) из официально зафиксированных 28 миллиардов долларов США. При этом речь идет только о взыскании средств, похищенных в результате преступлений коррупционной направленности.

Колоссальные суммы, которые выводятся из банковской и финансовой системы по мошенническим схемам, жертвами которых становятся субъекты хозяйственной деятельности и граждане России, остаются вне поля зрения правоохранитель-

ных органов. Между тем мировой опыт показывает, что в указанной сфере, при определенных условиях, можно добиться значительных результатов. Например, за последние десять лет прокуратура США, используя информацию спецслужб, под угрозой уголовного преследования добилась от ведущих мировых банков (UBS, Goldman Sachs, BNP Paribas и др.), уличенных в махинациях и отмывании, перечисления в госбюджет более 250 миллиардов долларов США. Только в январе 2017 г. Deutsche Bank и Credit Suisse заплатили 12,5 миллиардов долларов США в рамках внесудебного урегулирования.

Основная проблема заключается в том, что следственные органы России действуют строго в рамках существующих механизмов международной правовой помощи по уголовным делам, что в настоящее время является недостаточным. Нормы, посвященные международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства, регулируются частью пятой Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Другие виды международного сотрудничества (осуществление по запросу иностранных государств оперативно-разыскных мероприятий, информационное обеспечение, координация деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, затрагивающих интересы нескольких государств и др.) не являются предметом уголовно-процессуального законодательства. В определенных условиях в правовой помощи по уголовным делам может быть отказано. В частности, в правовой помощи может быть отказано, если просьба касается преступления, которое запрашиваемое государство считает политическим или выполнение просьбы может нанести ущерб суверенитету, безопасности, общественному порядку или другим существенно важным интересам.

В своей Справке я предлагал создать в Генеральной прокуратуре Российской Федерации межведомственную комиссию, которая стала бы координирующим центром по борьбе с указанным злом. Межведомственная комиссия на основе данных,

полученных из Центрального банка, Росфинмониторинга, ФНС, Агентства по страхованию вкладов (АСВ) и других служб, а также от адвокатов и частных лиц, ставших жертвами преступной деятельности, совместно с правоохранительными органами проводила бы эту работу.

Помимо достижения главного результата – возвращения в Россию незаконно выведенных активов – деятельность такой комиссии имела бы существенный внешнеполитический эффект. Ведь проблема «грязных денег» представляет собой угрозу мировой финансовой стабильности, так как они являются инструментом для спекуляций на рынках и провоцируют надувание «пузырей» на ведущих биржах. Далее в Справке я указал, что опасность, исходящая от «грязных денег», заключается в том, что за их счет осуществляется финансирование международного терроризма. Таким образом, возврат выведенных из России капиталов затрагивает не только финансово-экономическую сферу, но и является вопросом национальной безопасности страны. Тема противодействия международной финансово-офшорной олигархии должна стать одним из лейтмотивов российской внешней политики, работы соответствующих ведомств и средств массовой информации. У России есть уникальная возможность по формированию новой глобальной повестки дня, посредством реализации собственной кампании международных расследований и дипломатических усилий.

В Справке отмечалось, что в случае создания указанной межведомственной комиссии, в ее состав необходимо включить представителей: Следственного комитета РФ, Министерства внутренних дел РФ, Федеральной службы безопасности РФ, Службы внешней разведки РФ, Министерства финансов РФ, Федеральной службы по финансовому мониторингу, Агентства по страхованию вкладов, Федеральной налоговой службы, Счетной палаты РФ, Центрального банка РФ, Министерства иностранных дел РФ и Федеральной палаты адвокатов РФ.

Руководство межведомственной комиссией предлагалось возложить на заместителя Генерального прокурора РФ. Справка была передана мною в Генеральную прокуратуру РФ, по ее рассмотрению создана рабочая группа по противодействию незаконным финансовым операциям. Возглавил группу начальник Международно-правового управления (а не заместитель Генерального прокурора РФ, как я предлагал). О дальнейшей работе группы в средствах массовой информации ничего не сообщалось.

С той поры прошло много времени, но обстановка с казнокрадством и взяточничеством в России не изменилась в лучшую сторону. Борьбу с этим злом необходимо продолжить. Это подтверждается и сообщениями средств массовой информации. В частности, в 2024 г. медиахолдинг «Федерал Пресс» и другие издания сообщили сенсационную новость: Следственным комитетом России возбужден ряд уголовных дел о хищениях государственных средств в особо крупных размерах и взяточничестве в системе Министерства обороны РФ. В процессе следствия арестовано большое число высокопоставленных чиновников Министерства обороны РФ и, в целях возмещения причиненного государству ущерба, наложены аресты на имущество арестованных.

Указанные и другие факты свидетельствуют о необходимости усиления борьбы с казнокрадством.

В.Е. Костарев

Охота на «Смоленского маньяка»

В последнее время в средствах массовой информации, на телевидении и в кино появилась масса материалов об убийцах – сексуальных маньяках. Причастные к их созданию лица объясняют это явление интересом, который проявляет общество к данной теме. Таково свойство человеческой психики – хочется пощекотать нервы. Зло притягательно. Всё страшное и неизведанное манит. Люди стремятся понять, что движет серийными убийцами, хотя мотивы их преступлений не всегда поддаются логике. Игра в кошки-мышки между правоохранительными органами и убийцами увлекает зрителей.

В то же время в какой-то степени происходит романтизация образа маньяков. Среди самых опасных серийных убийц едва ли найдется преступник, не получивший хоть малую толику славы, а за многими шлейф известности тянется и спустя десятки лет после их смерти. Возникает важный этический вопрос: насколько гуманно показывать эти истории на экране и транслировать на большую аудиторию то, о чем жертвы преступлений предпочли бы забыть? При этом содержание экранных «произведений» зачастую не соответствует действительности, изложенные в них события далеки от реальности. Порой материалы об одних и тех же событиях носят противоречивый характер, начиная от того, что следователи «навесили» на фигуранта преступления, которые он не совершал, до того, что «экранном монстром» совершено гораздо больше преступлений, чем было предъявлено его реальному прототипу в обвинении, не говоря уже о деталях.

В одном ряду с самыми известными преступниками нашей страны стоит и имя смоленского маньяка-душителя Владимира

Стороженко. В 1981 г. я в составе следственной группы Прокуратуры Союза ССР принял участие в раскрытии и расследовании совершенных им преступлений. В течение длительного времени вместе с руководителем группы я непосредственно работал со Стороженко, поэтому полагаю, что читателю будет интересно получить правдивую информацию об обстоятельствах раскрытия и расследования этого уголовного дела.

В феврале 1981 г. в прокуратуру Северо-Казахстанской области, где я тогда работал прокурором-криминалистом, из Прокуратуры Союза ССР за подписью заместителя Генерального прокурора Союза ССР Найдёнова В.В. пришла телетайпограмма о вызове меня в Москву в Главное следственное управление для выполнения специального задания. Признаюсь, это было неожиданно и для меня, и для руководства прокуратуры области. Несколько шокировала формулировка «для выполнения специального задания».

Вскоре из Прокуратуры Союза мне позвонил один из кураторов нашей службы Королёв В.А. и сообщил, что меня вызывают для участия в расследовании одного сложного уголовного дела в Смоленской области.

По прибытии в Прокуратуру Союза прокуроры-криминалисты Ефимов И.П. и Королёв В.А., которых я неплохо знал, вкратце рассказали мне, что в Смоленской области на протяжении последних трех лет совершаются умышленные убийства лиц женского пола, которые до настоящего времени остаются нераскрытыми.

Сложившаяся обстановка в городе вызвала большую обеспокоенность среди местного населения и отрицательно сказалась на производстве нескольких предприятий, таких, как авиационный завод и производивший бриллианты завод «Кристалл», где сотрудницы отказывались выходить на работу в ночную смену из опасения стать очередной жертвой маньяка. Это обстоятельство ставило под угрозу выполнение

государственного плана. По сути, неизвестный убийца терроризировал местное население. В связи с этим 1-й секретарь Смоленского обкома партии обратился к Л.И. Брежневу с просьбой поручить расследование этих преступлений опытным сотрудникам Прокуратуры Союза ССР и МВД СССР. После соответствующего распоряжения это дело было принято к производству Прокуратурой Союза ССР, создана соответствующая следственная бригада, которую возглавил старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре Союза ССР Эфенбах Г.А. Поскольку у меня были определенные успехи в раскрытии и расследовании преступлений прошлых лет, я был включен в состав этой следственной группы. Кроме меня в группу вошли еще несколько прокуроров-криминалистов из различных регионов страны: Люксембург М.М. из Запорожской области, Чувтаев В.В. из Владимирской области и Кушпиленко П.Ф. из Туркменской ССР. Все они имели опыт расследования тяжких преступлений.

По прибытии в Смоленск нам сразу бросилась в глаза царившая там в вечернее время мрачная атмосфера, особенно малочисленность женского населения – женщины старались не появляться в одиночестве на улицах города и прилегающих к нему населенных пунктов.

*Прокурор-криминалист
Костарев В.Е., г. Смоленск 1981 г.*

С нами встретился находившийся в Смоленске начальник следственной части Прокуратуры Союза ССР Каракозов Г.П., за полгода до этого назначенный на эту должность (руководитель группы Эфенбах Г.А. находился на больничном в Москве и при встрече не присутствовал). Герман Петрович рассказал, что с июня 1978 г. по настоящее время на территории города Смоленска и области действует серийный убийца, совершивший около двух десятков нападений на лиц женского пола, 11 из которых повлекли смерть потерпевших. Он предложил изучить порученные эпизоды и высказать свои соображения о дальнейшей работе по этому делу.

Одновременно он сообщил, что по делу арестован прокурор Монастырщинского района Гончаров Николай, которому предъявлено обвинение в совершении этих преступлений. Он назвал свыше десятка признаков, позволяющих ему судить о причастности этого прокурора к данным преступлениям. Указал, что при приставании к одной из девушек, он в числе прочего заявил: «Не бойся! Ты шестой не будешь». А на тот момент неизвестный преступник совершил как раз пять убийств потерпевших. И это обстоятельство также сыграло свою роль в том, что Гончаров был арестован и ему было предъявлено обвинение в совершении этих преступлений. Однако организованная в отношении него оперативно-разыскная работа положительных результатов не дала.

Мне достались два эпизода, связанные с убийством и изнасилованием девочек Королёвой Гали в 1979 г. и Део Вики в 1980 г.

Тринадцатилетняя ученица 6 класса Королёва Галя 28 ноября 1979 г. при возвращении из школы была изнасилована, придушена и сброшена в реку Песчаная в районе деревни Дедешево. Ее труп на следующий день был обнаружен в реке ее отцом. У потерпевшей были похищены наручные часы «Слава». При осмотре места происшествия на сломанной ветке был обнаружен волос, который принадлежал человеку, имеющему группу крови АВ, и след мужской обуви, с которого был снят гипсовый слепок.

Девятилетняя Вика Део утром 25 марта 1980 г. отвела младшего брата в один из смоленских детских садиков и пропала без вести. Ее труп, закопанный в снег, был обнаружен на берегу Днепра 6 апреля 1980 г. Девочка была изнасилована и убита несколькими ударами твердого тупого предмета по голове. При судебно-химическом исследовании на наложениях на левой щеке и правой руке, а также в пятнах на ее брюках обнаружены горюче-смазочные вещества. На трупe потерпевшей также имелись темно-зеленые частицы краски, которые были также изъяты.

Анализ собранных доказательств позволил сделать выводы, что серийный убийца имеет возможность передвигаться по области на грузовой автомашине и имеет группу крови АВ – четвертую.

Арестованный Гончаров как раз имел такую группу крови, и в его распоряжении была служебная легковая автомашина. Непосредственно с ним работали следователи Тельман Гдлян, прибывший тогда из прокуратуры Ульяновской области, и Валерий Круглов из прокуратуры Калининской области, которые были убеждены, что эти преступления были совершены именно им. К этому времени все дела были объединены в одно производство, и Гончарову было предъявлено соответствующее обвинение.

В процессе изучения порученных эпизодов Люксембург, Чувтаев и я высказали свое сомнение в том, что Гончаров причастен к их совершению. В возникающих спорах мы втроем высказывали эту позицию, а Гдлян и Круглов – противоположную, о причастности Гончарова. В качестве одного из существенных аргументов виновности Гончарова они приводили тот факт, что после его ареста убийства женщин прекратились. Остальные члены группы заняли выжидательную позицию. Во время одного из споров с оппонентами Слава Чувтаев в шутку сказал, что единственным сильным доказательством виновности Гончарова является факт наличия у него полового члена.

О возможностях генетических исследований выделений человека мы тогда ничего не знали – использование в криминалистике ДНК-профилей при расследовании преступлений стало возможным только во второй половине 1980-х годов.

Оперативно-разыскную работу по делу проводили сотрудники ГУУР МВД СССР и их местные коллеги, с которыми у нас сложились хорошие рабочие отношения. В этот период в соседней Витебской области на протяжении нескольких лет совершалась подобная серия убийств женщин, несколько схожих преступлений было совершено в г. Калининграде, куда я выезжал по поручению Каракозова для изучения почерка действующих там убийц на предмет возможного совершения их нашим неуловимым фигурантом. После изучения этих уголовных дел у меня не сложилось мнения, что убийства женщин в Витебской и Смоленской областях совершает один человек, хотя некие общие признаки имелись.

Впоследствии было установлено, что преступления в Витебске совершил Геннадий Михасевич, а в Калининграде убийства были совершены разными людьми, не были серийными и не имели никаких схожих признаков с нашей серией.

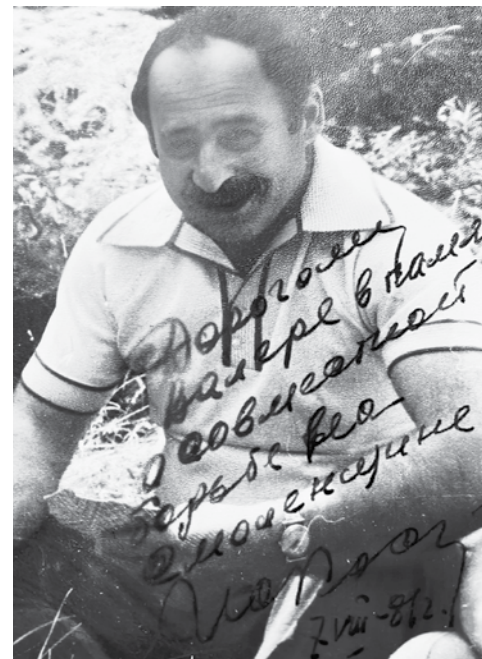
Спустя некоторое время Каракозов вернулся в Москву. Эфенбах, видимо понимая несостоятельность версии о причастности к этим преступлениям Гончарова, продолжал болеть. В Смоленск для контроля за ходом следствия регулярно приезжали его заместитель Шадрин Ю.Н., а также прокуроры-криминалисты центрального аппарата Ефимов И.П. и Королёв В.А., прокурор-криминалист Прокуратуры РСФСР Побединский Ф.В., занимавшиеся организацией производства различных судебных экспертиз по делу.

В конце марта 1981 г. заместитель Генерального прокурора Союза ССР поручил дальнейшее расследование этого дела следователю по особо важным делам при прокуроре РСФСР Костоеву И.М. Как потом рассказывал Исса Магомедович, Найдёнов сообщил ему, что серийный убийца уже арестован, но свою

причастность к этим преступлениям отрицает. Его задача – «расколоть» Гончарова на признательные показания.

По прибытии в Смоленск в начале апреля 1981 г. Костоев сел за изучение уголовного дела, вызывая для беседы следователей, расследующих отдельные эпизоды. Втроем с Люксембургом и Чувтаевым мы высказали позицию о том, что Гончаров к совершенным преступлениям непричастен. Гдлян и Круглов настаивали на своем – серийный убийца Гончаров. Поскольку трехмесячный срок содержания под стражей Гончарова истек, Костоев поставил перед руководством Прокуратуры Союза ССР вопрос о выделении уголовного дела в отдельное производство. С большим трудом ему удалось убедить Найдёнова дать согласие на этот шаг.

Следователи Гдлян, Круглов и сторонники их версии были выведены из группы Костоева и продолжили безуспешно заниматься Гончаровым. А мы продолжили работу по поиску убийцы среди владельцев автомашин и водителей государственного транспорта, имеющих четвертую группу крови. По предложению Костоева нами был создан фотоальбом с анало-

*Следователь по особо важным делам
Прокуратуры РСФСР Костоев И.М.
Надпись на фото: «Дорогому Валере
в память о совместной борьбе
на Смоленщине. 7 августа 1981 г.».*

гами вещей, которые были похищены у потерпевших. Размножили его и раздали для работы следователям и оперативным работникам нашей группы и других подразделений области.

Значительная работа проводилась в медицинских учреждениях, общежитиях, спецприемниках и других органах правопорядка по выявлению фактов обращения женщин с полученными травмами. На причастность к совершению этих преступлений проверялась значительная масса мужского населения области, здорово «перешерстили» местный криминал, однако положительного результата подобный поиск не принес.

К этому времени была получена оперативная информация о возможной причастности к одному из убийств серии некоего Волкова, работавшего сторожем базы отдыха Смоленского авиазавода. Труп одной из убитых женщин был обнаружен в километре от его сторожки. Из имеющихся материалов дела следовало, что потерпевшая должна была пройти мимо сторожки, где в это время дежурил Волков. На первоначальных допросах в качестве свидетеля Волков подтвердил, что он дежурил там, но ничего подозрительного не заметил. Об убийстве женщины и местонахождении ее трупа узнал от приехавших к нему сотрудников милиции, самой женщины он не видел и свою возможную причастность к этому преступлению отрицал.

В процессе изучения его личности было установлено, что этот человек трижды судим, в том числе и за измену Родине в период Великой Отечественной войны. Желая скрыть прошлое, неоднократно менял свою фамилию. Как следовало из полученных приговоров, в июле 1941 г. он попал в плен, перешел на сторону врага. В составе известной команды Дирлевангера, состоявшей из уголовников разных национальностей, принимал участие в карательных акциях против партизан и местного населения Белоруссии, в том числе в сожжении и уничтожении мирного населения деревни Хатынь в марте 1943 г. Впоследствии продолжил службу в Российской освободительной армии Власова.

Поскольку прямых улик в убийстве этой женщины против него не было, он был арестован за выявленное хищение нескольких палаток на охраняемой им базе отдыха. Спустя некоторое время Волков признался в совершении изнасилования и убийства этой потерпевшей. Рассказал об обстоятельствах, показал, что похищенные у нее вещи продал, а деньги пропил. Судебно-биологическая экспертиза выявила, что у него четвертая группа крови, сперма также совпадает по групповой принадлежности с той, что была обнаружена не теле потерпевшей. Вроде бы всё сходилось, но свою причастность к совершению иных убийств женщин Волков категорически отрицал. Не имел он никакого отношения и к автотранспорту. И это настораживало, поскольку «почерк» серийного убийцы при совершении этих преступлений был один.

Только после изобличения Стороженко Волков признался, что оговорил себя в совершении этого преступления. Мне и Люксембургу с трудом удалось убедить его рассказать правду и назвать причины, по которым он оговорил себя. Оказалось, что некоторые недобросовестные сотрудники милиции, стремясь отличиться, через свою внутрикамерную агентуру физически принудили его сознаться в этом убийстве. Они сообщили своему агенту, содержащемуся с Волковым в одной камере, что тот судим за измену Родине, служил в армии Власова, а также известные им обстоятельства убийства потерпевшей женщины. Не выдержав издевательств сокамерников, Волков взял это преступление на себя, полагая, что в суде расскажет всю правду. При проверке этих его показаний они нашли свое полное подтверждение. Уголовное дело по этому эпизоду в отношении него было прекращено, но он всё-таки был осужден за совершенную им кражу палаток. В отношении сотрудников милиции, допустивших неправомерные меры в отношении Волкова, были приняты соответствующие меры.

Тем временем неизвестный серийный убийца, видя нашу активность в его установлении и розыске, с декабря 1980 г. «за-

Стороженко В.В.

лег на дно», прекратив совершать нападения на женщин. Мы же полагали, что навряд ли он прекратил свою преступную деятельность, поэтому искали новые, возможно, неизвестные нам, эпизоды.

В конце июня 1981 г. мы получили данные о том, что днем 27 июня в Кардымовском районе Смоленской области было совершено нападение на женщину, которой чудом удалось выжить после

этого. Установили ее личность – Корнева Надежда. Костоев поручил находившейся в составе нашей группы опытной сотруднице из прокуратуры Белоруссии Атамановой З.А., работавшей с потерпевшими женщинами, допросить Корневу об обстоятельствах нападения и, главное, о приметах напавшего на нее преступника. Женщина была сильно избита, напугана и ни в какую не хотела писать заявление и рассказывать о произошедшем. С трудом Зинаиде Александровне удалось убедить ее рассказать об обстоятельствах этого нападения.

Надежда сообщила, что примерно в 18 часов 27 июня, когда она шла к своим родителям, у которых находился ее ребенок, по дороге, ведущей в деревню Андросово Кардымовского района, на нее напал молодой парень. Схватив ее за шею и угрожая ножом, он затащил ее в лесной массив, где, придушив, изнасиловал. Она умоляла пощадить ее, не убивать, но он заявил, что ему нет смысла оставлять ее в живых, и стал вновь ее душить. Полагая, что она мертва, он оттащил ее вглубь кустов и скрылся. Она запомнила его внешность: высокий, молодой, на груди имеются две татуировки в виде змеи, обвивающей кинжал,

и надписи БАРС, в разговоре немного шепелявил. С ее слов был составлен фоторобот напавшего.

Спустя некоторое время было организовано патрулирование с участием потерпевшей в общественных местах города, но это не дало положительного результата. Тогда мы решили показать ей фотографии ранее судимых лиц, состоящих на учете в милиции. И это дало результат – она указала Атамановой на одну из фотографий. На ней был Владимир Стороженко, 1953 года рождения, ранее дважды судимый, работающий водителем на Смоленском заводе радиодеталей им. XXV партсъезда.

Оказалось, что Стороженко уволился с одной автобазы и устроился на другую как раз в то время, когда милицией проводилась поголовная проверка водителей – именно в тот момент, когда на его прежнем месте работы проверка только планировалась, а на новом уже была проведена. Таким образом, в списке проверенных нами водителей он не значился, и данных о групповой принадлежности его крови не имелось. Оперативно были проверены его путевые листы – в некоторых случаях места и время его поездок совпали с имеющимися у нас данными о совершенных нападениях. Кроме того, во время совершения одного из убийств свидетели видели на шоссе автомашину ГАЗ-93 с поднятым капотом. При проверке автомашин этой марки, проезжавших в этот день по шоссе, значилась и машина, на которой работал Стороженко.

Мы начали изучать личность этого человека. Наружное наблюдение за ним ничего интересного не дало. Местным сотрудникам милиции он был хорошо знаком. Оказывается, он был ими неоднократно проверен, характеризовался положительно, подозрений не вызывал. Как потом выяснилось, он даже был негласным сотрудником, состоял на связи у заместителя начальника ОУР УВД Смоленского облисполкома и был ориентирован на розыск серийного убийцы. Костоев принял решение неожиданно задержать Стороженко, допросить его

по возникшим вопросам, а затем предъявить его на опознание Корневой. В это же время провести обыски по местам его работы и жительства. Мне с группой оперативных работников было поручено провести обыск по месту его жительства.

Рано утром 21 июля при следовании на работу Стороженко был задержан и доставлен в УВД области для допроса Костоевым. Одновременно на допросы были доставлены его жена и младший брат.

Я же с группой сотрудников приступил к обыску по месту жительства. В квартире находилась тяжело больная мать подозреваемого, которая с трудом передвигалась и практически всё время лежала в кровати. Ничего особенного при обыске нам обнаружить не удалось, была изъята его повседневная одежда и обувь. На балконе я обнаружил рубленные кусочки металла темного цвета, при соскобе которых проявлялись царапины желтого цвета. Часть из них была оплавлена. Кроме того, были обнаружены оптические стекла от очков, которые могли быть похищены у одной из потерпевших. Всё это было изъято. При экспертном исследовании кусочки металла оказались частями золотых ювелирных изделий, которые были похищены у потерпевших.

В некоторых средствах массовой информации со ссылкой на работников местной милиции, якобы участвовавших в обыске в квартире Стороженко, указывалось, что под матрасом больная мать преступника скрывала слитки золота, которые милиционеры обнаружили и изъяли. Это чистой воды ложь! Не знаю, чья это выдумка: сотрудников милиции или авторов этих статей. Мать Стороженко ничего не знала о преступной деятельности сыновей и никаких слитков золота не прятала.

По возвращении в прокуратуру я узнал, что Корнева опознала Стороженко по указанным ею приметам. Она находилась в возбужденном состоянии, и Атаманова успокаивала ее как могла. Стороженко же, узнав, в чем его подозревают,

*Опознание потерпевшей Корневой Н. Стороженко В.
г. Смоленск, 21 июля 1981 г.*

смеясь, заявил, что ничего подобного он не совершал и признаваться ему не в чем. К этому времени у него был взят образец крови, групповая принадлежность которой была определена как АВ.

Атамановой в ходе допроса жены Стороженко Аллы удалось установить, что муж в 1979-1980 гг. неоднократно передавал ей золотые серьги и кольца. По его просьбе она сдавала их в различные комиссионные магазины. Однако Стороженко отрицал эти факты, ссылаясь на то, что жена оговаривает его. Подобную позицию он держал двое суток, а затем, поняв, что собраны серьезные доказательства его виновности, заявил: «Да, я попался» и стал давать первые признательные показания. Он признался в совершении 20 нападений. О том, что часть потерпевших осталась в живых, он не знал.

В числе прочих Стороженко рассказал об обстоятельствах нападения на женщину, которое он совершил вечером в сентябре 1979 г. на ул. 2-й Верхний Волок в г. Смоленске. Этот эпизод был нам не известен. При проверке его показаний на следственном эксперименте он указал место совершения нападения, рассказал о том, как изнасиловал, а затем убил потерпевшую. Далее он похитил у нее имевшиеся золотые ювелирные изделия, наручные часы «Восток» с браслетом, деньги и кое-что из личных вещей, а труп спрятал в рядом расположенном овраге. Он подробно описал и ее внешность.

В местном УВД никакими материалами по этому поводу не располагали, а из прокуратуры области сообщили, что речь идет об убийстве Поляковой Т.Н., совершенном 18 сентября 1979 г. Оказалось, что за это убийство осужден ее муж Фёдор Поляков, который отбывает наказание в Смоленской области. Костоев выехал в колонию и допросил его. Тот настаивал, что убийство жены совершил он, однако изложенные им обстоятельства не соответствовали действительности. В конце концов он признался, что оговорил себя в совершении этого преступления. Назвал имена сотрудников милиции и прокуратуры, которые незаконными методами заставили его взять вину на себя. Полякова срочно этапировали в Москву, а в отношении указанных работников милиции и прокуратуры возбудили уголовное дело.

Стороженко тем временем стал давать подробные показания о совершенных им преступлениях. Рассказывая об убийстве Поляковой, он сообщил, что снятую с потерпевшей одежду выбросил с моста в Днепр, похищенные у нее золотые серьги и кольцо, а также часы «Восток» передал своей жене. Золотое кольцо та сдала в ломбард, о чем свидетельствовала изъятая у нее квитанция. Серьги в виде трилистника некоторое время носила Алла Стороженко, а потом Владимир продал их своему знакомому, у которого они и были изъяты.

Обнаружение и изъятие наручных часов потерпевшей Поляковой Т.

Далее Стороженко указал заброшенный колодец на ул. Покровского, куда он выбросил часы «Восток» в позолоченном корпусе с браслетом. После очистки колодца от различного хлама и нечистот мне удалось найти и изъять эти часы. Их ход был остановлен 18 сентября, стрелки замерли на 9 часах и 15 минутах. Часы были опознаны мужем и братом потерпевшей Поляковой, как принадлежавшие ей.

Одежду Поляковой обнаружил сторож водозаборной станции, расположенной на Днепре – она прибилась к находившемуся у берега валуну. Родственники потерпевшей опознали эту одежду, указав, что в день исчезновения Полякова была одета именно в эти вещи. Впоследствии Поляков опознал и серьги жены в виде трилистника, а также предоставил сохранившийся дома товарный чек на их покупку. Таким образом, вина Стороженко в этом убийстве была полностью доказана. Спустя некоторое время Поляков был полностью реабилитирован и освобожден из-под стражи.

Примерно в это же время мы получили оперативную информацию о том, что местный криминал, который мы хорошо «пошерстили», через своих людей готовит расправу над Стороженко, видя в нем виновника всех невзгод, которые они понесли. Во избежание этого, Стороженко срочно был этапирован в Москву в следственный изолятор КГБ СССР «Лефортово», а я был откомандирован для проведения дальнейшей работы с ним.

Мне удалось установить хороший психологический контакт со Стороженко. Владимир рассказал мне о своем прошлом, о том, за что был осужден, как отбывал меру наказания, о своих проблемах, взглядах на жизнь. Очень его волновало болезненное состояние матери, он боялся, что больше не увидит ее. Конечно же, обсуждали мы и текущие события, к которым он проявлял живой интерес.

Работали мы с ним ежедневно. Обычно я начинал допрос с бытовых вопросов, и лишь потом, когда он немного расслаблялся, приступал к вопросам по существу совершенных им преступлений. Верным признаком готовности преступника к серьезной беседе служила поза, которую он принимал: немного откинувшись назад, он клал ногу на ногу, слегка покачивая ногой.

Рассказывал он детально, попыток что-то скрыть не предпринимал. Никакого секрета в том, что его разыскивают за совершенные преступления, для него не существовало. Более того, как негласный сотрудник милиции, он был ориентирован на розыск и установление личности «неизвестного маньяка», терроризирующего Смоленск и его окрестности. Выполнял конкретные задания в отношении отдельных лиц, представлявших оперативный интерес. Был прекрасно осведомлен и об организованной «ловле на живца», в которой сам принимал участие.

Со смехом он рассказал мне следующую историю. Однажды, когда он в ночное время прогуливался в одном из центральных парков Смоленска, его внимание привлекла фигура груз-

ной женщины, сидящей на скамье и нервно кулившей папиросу. Без особого труда он определил «подставу» – переодетого в женскую одежду мужчину в съехавшем набок парике. Он подсел на эту же скамью и игриво спросил: «Девушка, можно с вами познакомиться?» Выбросив окурок в сторону, «женщина» с остервенелой гримасой грубым мужским голосом послала его на известные три буквы. Впоследствии при проведении одной из проверок его показаний на месте он, указав мне на одного из оперативных работников, сказал: «Вот, эта та «женщина», о которой я вам говорил». Позднее я рассказал коллегам об этом случае, и указанный Стороженко оперативник стал объектом для шуток.

Спустя длительное время в Интернете мне довелось прочитать воспоминания двух сотрудниц ГУВД Смоленского облисполкома о том, как на них, выступавших в качестве «приманок», был готов напасть «Смоленский маньяк», но из-за поспешных действий негласно сопровождавших их сотрудников милиции, он отказался от нападения и скрылся. Не знаю, насколько эти воспоминания соответствуют действительности, но Стороженко мне о подобных случаях не рассказывал. «Приманку», по его словам, он вычислял моментально. Он также рассказал, что однажды, во время очередного инструктажа на поиск маньяка, ему пришла мысль, что его куратор подозревает его в совершении этих нападений. Подробно рассказывая об обстоятельствах совершенных нападений, тот, по мнению Стороженко, рассчитывал, что он каким-то образом выдаст себя. Поэтому Стороженко на время прекратил нападения, но затем решил их возобновить именно для того, чтобы таким образом отвести от себя возможно возникшие подозрения – по его мнению, «типичный» предупрежденный о розыске преступник не стал бы совершать новые преступления и залег бы на дно. В связи с этим он совершил еще несколько нападений в районах, где, по его предположениям, не могло быть «подстав».

Проверка показаний обвиняемого Стороженко В. на месте происшествия

Передо мной Костоевым И.М. была поставлена задача как можно подробнее вести допросы Стороженко с целью получения доказательств, свидетельствующих о его виновной осведомленности, то есть о мельчайших обстоятельствах совершения им преступлений, которые могли быть известны только лицу, их совершившему. Мне это удалось сделать. Стороженко подробно описывал места совершения преступлений; внешность потерпевших, одежду, в которую они были одеты; приметы похищенных у них вещей; причиненные им телесные повреждения; положения, в которых он оставил потерпевших; места, где выбросил похищенное, и т.п. В необходимых случаях следователи, занимавшиеся расследованием конкретных эпизодов, просили уточнить у него те или иные обстоятельства, интересующие их.

При проведении проверок его показаний на месте, Стороженко безошибочно указывал места нападения на потерпев-

Опознание Стороженко В. одежды, в которую были одеты потерпевшие

ших, где оставлял их трупы, где выкидывал похищенные у них вещи. Всё это фиксировалось с помощью видео- и фотокамер.

С учетом того, что Стороженко подробно описывал одежду и обувь, в которую были одеты потерпевшие, Костоев решил провести необычное опознание. Он договорился о выделении нам 30 женских манекенов, на которых надели одежду и обувь, находившуюся на потерпевших в момент нападения. В карманы одежды положили записки с указанием фамилий и имен, кому она принадлежала, а также мест ее обнаружения.

Во время очередного приезда в Смоленск для проверки показаний на месте, Стороженко завели в помещение, где среди других были установлены 13 манекенов с одеждой и обувью потерпевших, и предложили ему указать, каким потерпевшим принадлежала предъявленная ему одежда. Проведение этого

Опознавание Стороженко В. одежды, в которую были одеты потерпевшие

следственного действия Костоев поручил мне. Стороженко безошибочно указал имена потерпевших, кому именно принадлежала та или иная предъявленная одежда.

При осмотре одного из манекенов Стороженко несколько замешкался и, с недоумением взглянув на меня, сказал, что эта одежда принадлежала такой-то потерпевшей, а сапоги у нее были другие, такие же, но поношенные. И это соответствовало действительности. Дело в том, что мы не смогли найти сапог одной из потерпевших, поэтому подобрали аналогичные. Конечно, это произвело на всех участников этого следственного действия неизгладимое впечатление. Впоследствии, расследуя аналогичные уголовные дела, я поражался, насколько детально в памяти обвиняемых отображались, казалось бы, столь мелкие детали, на которые другие бы не обратили никакого внимания.

Нельзя сказать, что во время содержания под стражей Стороженко не волновало, как сложится его дальнейшая судьба. Он понимал, что ему грозит смертная казнь, и воспринимал это как должное.

В то время среди заключенных, да и в народе, ходило поверье, что в отношении не всех приговоренных к смертной казни приговор приводили в исполнение, заменяя его некоторым работой на урановых рудниках. Стороженко интересовался этим вопросом у своих сокамерников. Кое-кто из них допускал такую возможность, а кто-то заявил, что физически сильных и психологически устойчивых могут отобрать для выполнения специальных заданий за границей (в это время наши войска вели боевые действия в Афганистане). Но для этого нужно полностью раскаться в содеянном и ничего не иметь за душой. Об этом мне сообщили опера, ведущие его разработку. Однажды во время допроса Стороженко поинтересовался у меня, так ли это на самом деле. Я ответил, что мне об этом ничего не известно, а если такое и возможно, то должно составлять государственную тайну, в которую я не посвящен. К этому времени в отношении Стороженко было проведено тестирование на психологическую устойчивость с привлечением профессионального психолога, по которому им была получена очень хорошая оценка. После того, как ему сообщили об этом, у него поднялось настроение, он стал регулярно заниматься физическими упражнениями, видимо, полагая, что у него появился шанс попасть в число «счастливчиков».

Однажды во время допроса он неожиданно спросил меня: «Правда ли, что из СИЗО «Лефортово» никогда не было побегов?» Я утвердительно кивнул. Тогда он заявил, что лично смог бы это сделать и рассказал, каким образом. После допроса я зашел к начальнику СИЗО Поваренкову П.И. и рассказал о состоявшемся у меня разговоре со Стороженко. Он был ошеломлен этим сообщением, а потом, после некоторого молчания, произнес: «А ведь сбежал бы, сучонок!» Конечно же, сразу были приняты соответствующие меры, чтобы не допустить побега.

В общей сложности Стороженко было совершено 20 напа-дений на лиц женского пола разного возраста, 12 из которых закончились смертью потерпевших.

1. Разбойное нападение на Харитонову Н.М., ее изнасилование и убийство

22 июня 1978 г. Стороженко на автомашине ЗИЛ-130 про-езжал по автотрассе Кардымово-Смоленск. Около 18 часов, не доезжая пос. Гедионовка, увидел на дороге Харитонову Н.М., которая по пешеходной дорожке шла к себе домой в дер. Ро-гачево. Остановив автомашину в кустах, он пошел за ней. В 20 м от тропы он настиг потерпевшую и, угрожая ножом, потребовал, чтобы она вступила с ним в половое сношение. Затем затащил ее в овраг, в заросли кустарника и крапивы, где снял с нее плавки, изнасиловал, а затем с целью сокрыть содеянное и избежать разоблачения, двумя ударами ножа в область сердца убил ее. После этого, завладев ее болоньевой курткой, скрылся.

Труп потерпевшей был обнаружен 28 июня 1978 г., при судеб-но-медицинском исследовании в содержимом влагалища была обнаружена сперма, которая могла произойти от Стороженко.

Водитель одной из автомашин, проезжавших в это время по Кардымовскому шоссе в сторону Смоленска, около перекрест-ка с дорогой, ведущей в дер. Рогачево, видел стоящую в кустах автомашину ЗИЛ-130, которая, по его описанию, совпадала с машиной, на которой в то время работал Стороженко.

2. Разбойное нападение на Полякову Т.Н., ее изнасилование и убийство

18 сентября 1979 г. в 21 часу на ул. 2-й Верхний Волок г. Смо-ленска Стороженко с целью изнасилования, завладения лич-ным имуществом и убийства напал на Полякову Т.Н. Схватил

*Следователи следственной группы Прокуратуры Союза ССР,
работавшие по делу Стороженко*

потерпевшую за шею и, приведя ее в бессознательное состо-яние, затащил ее в кустарник на склон оврага, где изнасило-вал. Затем завладел 10 рублями, золотым обручальным коль-цом, золотыми серьгами, наручными часами марки «Восток» с браслетом и другими вещами, всего на сумму 285 рублей. С целью скрыть содеянное и избежать разоблачения Сторо-женко путем удушения руками и петлей из капроновой кофты потерпевшей убил ее, спрятав труп в овраге.

Труп потерпевшей был обнаружен 22 сентября 1979 г.

Похищенные золотые ювелирные изделия Стороженко пе-редал своей жене, сказав, что эти вещи из его старых запасов. Спустя некоторое время кольцо она сдала в ювелирный мага-зин, а серьги в форме трилистника носила сама. Весной 1980 г.

Стороженко эти серьги у нее забрал и продал их своему знакомому Новикову Петру, у которого они и были изъяты. Часы «Восток» в позолоченном корпусе с браслетом были изъяты в заброшенном колодце на ул. Покровского, куда он их выбросил.

Тогда же с целью проверки показаний Стороженко был проведен следственный эксперимент с одеждой, которую он выбросил с моста в Днепр. Нами были подобраны предметы, похожие на вещи потерпевшей (куртка и белье). Их связали в узел и сбросили в Днепр с того места, которое указал Стороженко. Проследили за тем, куда их вынесет. Показалась та самая водонапорная станция, а рядом с ней тот самый валун, у которого была обнаружена и изъята одежда потерпевшей. Но наш узел проплыл мимо, что вызвало общее разочарование. Однако впереди нас ждало самое интересное: немного проплыв дальше, узел попал в воронку, завертелся, неожиданно повернул назад и пристал к тому самому валуну. Представляете наше состояние! Там оказалось какое-то неведомое течение, в которое и попал узел. Таким образом, была подтверждена правдивость показаний Стороженко в этой части.

3. Разбойное нападение на Колесникову Г., ее изнасилование и убийство

28 ноября 1979 г. на 343-м км трассы Москва-Минск Стороженко увидел возвращавшуюся из школы домой в дер. Дедешево 13-летнюю ученицу 6 класса Колесникову Галину. Остановив автомашину на обочине дороги, он стал незаметно преследовать потерпевшую. В 2 км от трассы, когда девочка подходила к пешеходному мосту через реку Песчаная, он внезапно напал на нее, затащил в кустарник, придушил и изнасиловал в бессознательном состоянии, затем похитил ее наручные часы марки «Слава». С целью сокрытия содеянного, сбросил ее, еще живую, в реку Песчаную, где она утонула.

Труп был обнаружен на следующий день отцом потерпевшей. При осмотре места происшествия на сломанной ветке был обнаружен волос, который принадлежал человеку, имеющему группу крови АВ, такую же, как у Стороженко. Также был обнаружен след обуви, который был впоследствии идентифицирован с оттиском сапог Стороженко.

4. Разбойное нападение на Серебрякову Е.Ю., ее изнасилование и убийство

12 января 1980 г. в 11 часов, следуя на автомашине МАЗ-500 из Смоленска в торфопредприятие «Красный бор», Стороженко на повороте у дер. Ольша посадил в кабину автомашины Серебрякову Е.Ю., которая попросила довезти ее до г. Демидова. Проехав торфопредприятие «Красный бор», в районе пересечения автотрасс Москва-Минск и Рудня-Демидов, в лесном массиве он остановил автомашину. Под угрозой убийства в кабине изнасиловал Серебрякову, совершив половой акт в извращенной форме, а затем задушил руками. Труп вывез на территорию Руднянского района и в 700 м от автотрассы на обочине проселочной дороги Заозерье-Чистик закопал в снег. При этом завладел принадлежащими ей вещами: шубой, велюровыми сапогами, наручными часами «Заря» и деньгами в сумме 5 рублей, общая стоимость похищенного составила 606 рублей.

Труп потерпевшей был обнаружен 21 апреля 1980 г. При судебно-медицинском исследовании в содержимом из влагалища и прямой кишки была обнаружена сперма, происхождение которой от Стороженко не исключалось.

Одежду и часы потерпевшей Стороженко выбросил, а сапоги отвез своей жене, сказав, что их продает знакомая женщина. Они ей не понравились, тогда он спрятал их в куче автопокрышек на базе «Вторсырья», где потом при проверке его показаний на месте они были обнаружены и опознаны родственниками и знакомыми потерпевшей как принадлежащие

Серебряковой. Также при экспертном исследовании на внутренней поверхности и стельках сапог был обнаружен пот, по группе совпадающий с выделениями убитой.

5. Разбойное нападение на Овсянкину В.С., ее изнасилование и убийство

9 февраля 1980 г. в 17 часов Стороженко, следуя на автомашине ГАЗ-93 по Московскому шоссе в Смоленск, у автобусной остановки «Табарная гора» посадил в кабину автомашины возвращавшуюся со свадьбы Овсянкину В.С., которую пообещал подвезти в центр города. Воспользовавшись тем, что Овсянкина находилась в нетрезвом состоянии и в пути следования уснула, Стороженко с целью изнасилования, завладения ее имуществом и убийства привез ее на окраину города к Шейновскому карьеру, где стал снимать с ее рук золотые кольцо и перстень. Проснувшись, потерпевшая стала требовать вернуть похищенное. Тогда Стороженко набросился на нее. Путем нанесения нескольких ударов и сдавливанием шеи руками привел потерпевшую в бессознательное состояние, после чего, разрезав ножом одежду, изнасиловал ее в извращенной форме. Затем завладел принадлежащими потерпевшей золотыми изделиями – кольцом, перстнем, серьгами, а также наручными часами марки «Восток» и носильными вещами на общую сумму 500 рублей. С помощью рук и петли из ее же головного платка Стороженко задушил потерпевшую. Кроме того, нанес ей посмертно три ножевых ранения в область половых органов и плоскогубцами вырвал у мертвой Овсянкиной вместе с зубами две золотые коронки, одну из которых потерял возле трупa. Труп засыпал снегом и скрылся.

Труп потерпевшей был обнаружен 13 февраля 1980 г. в одном из естественных углублений на территории городской свалки, в 30 м от дороги, ведущей к Шейновскому карьеру. Одежда на трупе была разрезана, шея затянута на два узла го-

ловным платком. Между ног трупa лежало зимнее пальто потерпевшей, у головы обнаружен зуб в золотой коронке. При судебно-медицинском исследовании в содержимом из влагалища, прямой кишки и смыва с бедра Овсянкиной была обнаружена сперма, происхождение которой от Стороженко не исключалось.

Золотые предметы Стороженко хранил в тайнике в подвале дома родителей. Впоследствии кольцо, перстень и серьги он разрубил на мелкие части и часть передал брату Сергею на коронки, а часть пытался переплавить, чтобы сделать себе перстень-печатку. Из этой затеи у него ничего не вышло. Также в этом тайнике была обнаружена и изъята золотая коронка Овсянкиной. На плоскогубцах, изъятых у Стороженко, были обнаружены частицы золота, а следы скольжения на наружной стороне зуба, с которого была снята коронка, согласно проведенной экспертизе были образованы в результате контакта с рабочей поверхностью именно этого инструмента.

6. Изнасилование и убийство Део В.Г.

25 марта 1980 г. в 9 часов утра 11-летняя Део Виктория, проживающая в пос. Пионерском г. Смоленска, отвела своего брата в детский сад и в ожидании автобуса находилась на автобусной остановке «Завод Кристалл». Проезжая мимо на автомашине ГАЗ-93, Стороженко, обещая подвезти ее до пос. Пионерский, посадил девочку в кабину автомашины. Преследуя цель изнасиловать девочку, Стороженко обманным путем завез ее в безлюдное место между дер. Маркатушино и дачным массивом. Здесь, в кабине автомашины, под угрозой убийства раздел и изнасиловал ее в извращенных формах. Затем путем нанесения двух ударов отрезком металлической трубы по голове убил ее.

Труп Део он отвез на левый берег реки Днепр и в районе строящейся водозаборной станции ТЭЦ-2 закопал в снег. Затем приехал на Смоленский завод им. XXV партсъезда, где сообщил

своему брату Сергею, что по неопытности сбил автомашиной девочку, и испугавшись, увез ее за город и бросил в снег. Девочка зашевелилась, тогда он ударил ее монтировкой по голове и уехал. Сергей помог брату смыть кровь с его куртки и очистить кабину автомашины, а вечером того же дня по просьбе брата поехал с ним к гаражу АТП «Мосснабтранса», где Стороженко В. облил бензином шапку и варежки потерпевшей и сжег их.

Труп девочки был обнаружен 6 апреля 1980 г. На трупе было одето зимнее пальто в клетку, синяя кофта, сорочка, шерстяные брюки и сапожки. Головной убор и варежки отсутствовали. Левая щека, область носа, подбородок, кисти рук и брюки были испачканы горюче-смазочным веществом. Смерть потерпевшей наступила от многооскольчатого перелома костей черепа, тяжелого ушиба головного мозга с кровоизлиянием под его оболочки, на теле имелись множественные кровоизлияния и ссадины. На ластовице трусов потерпевшей, в полости рта и прямой кишки обнаружена сперма, происхождение которой от Стороженко не исключалось.

Обнаруженные на трупе потерпевшей темно-зеленые частицы краски оказались одинаковыми по цвету и ряду морфологических признаков с соответствующими слоями покрытия из соскоба автомашины ГАЗ-93, на которой работал Стороженко.

7. Разбойное нападение на Филиппову Т.В., ее изнасилование и убийство

24 мая 1980 г. во второй половине дня Стороженко на автомашине ГАЗ-93 со Смоленского завода им. XXV партсъезда доставил в смоленский цех «Вторчермета» 2 тонны металлолома и по окружной дороге возвращался в Смоленск. Подъезжая к перекрестку окружной дороги с проселочной дорогой, ведущей в дер. Шабаново Смоленского района, он увидел Филиппову Т.В., которая, перейдя окружную дорогу, направлялась в пос. Дрюцк, где временно находился ее малолетний сын. Оставив

автомашину на окружной дороге и взяв нож, Стороженко стал преследовать ее, выбирая удобное место для нападения. Когда Филиппова поравнялась с кустарником, Стороженко напал на нее, угрожая ножом, затащил ее в кустарник и изнасиловал, после чего убил, нанеся три удара ножом в грудь. Осмотрев содержимое портфеля потерпевшей и не найдя в нем ничего подходящего для себя, с места преступления скрылся.

С целью создания алиби, Стороженко в путевом листе и товарно-транспортной накладной написал, что он якобы вывозил с Смоленского завода им. XXV партсъезда производственные отходы на городскую свалку и сделал 10 рейсов.

Труп Филипповой Т.В. был обнаружен 26 июня 1980 г. Смерть потерпевшей наступила от проникающих колото-резаных ранений грудной клетки и живота с повреждением внутренних органов.

8. Разбойное нападение на Голубеву А.Ф., ее изнасилование и убийство

19 июля 1980 г. около 20 часов на окраине Смоленска Стороженко увидел Голубеву А.Ф., которая возвращалась с дачи домой. Выбрав безлюдное место, в 1 км от домостроительного комбината Стороженко напал на Голубеву. Схватив ее руками за шею, несмотря на сопротивление, затащил ее в кустарник, где, приведя в бессознательное состояние, изнасиловал. Из кармана плаща потерпевшей вытащил кошелек и завладел находившимися там деньгами. После этого задушил потерпевшую и скрылся, по пути выбросив часть похищенных вещей.

Труп Голубевой А.Ф. был обнаружен на следующий день. В руке потерпевшей был обнаружен клочок волос, который по морфологическим признакам схож с волосами Стороженко. Смерть потерпевшей последовала от сдавливания шеи руками, сопровождавшегося переломом хрящей. На теле трупа обнаружено множество ссадин и кровоподтеков, характерных для

борьбы и самообороны. В содержимом влагища обнаружена сперма, которая могла произойти от Стороженко.

Вещи потерпевшей – хозяйственная и матерчатая сумки, зонт, крышка от бидона и бюстгальтер – были найдены в месте, указанном Стороженко.

9. Разбойное нападение на Ильину С.Е., ее изнасилование и убийство

22 августа 1980 г. во второй половине дня Стороженко, следуя на автомашине ГАЗ-93 в пос. Гнездово Смоленского района, на кольцевом разъезде окружной дороги с Досуговским большим посадил в кабину автомашины Ильину С.Е., которая попросила довезти ее до дер. Деменьшино Смоленского района. В пути следования он решил ее изнасиловать, завладеть ее имуществом и убить. Высадив ее на перекрестке окружной дороги с проселочной дорогой, ведущей в дер. Деменьшино, Стороженко под видом поломки автомашины на некоторое время задержался, а затем последовал за женщиной. У орешника в 200 м от дер. Деменьшино он незаметно подкрался к ней, напал и путем сдавливания шеи руками привел в бессознательное состояние. Разорвав платье, комбинацию и бюстгальтер, стащив трико, трусы и обувь с находившейся без сознания потерпевшей, Стороженко изнасиловал ее, снял с руки золотое обручальное кольцо и из кармана пальто забрал кошелек с 20 рублями. Затем убил ее путем сдавливания шеи петлей из ее головного платка. Покидая место преступления, он забрал сумки потерпевшей, в которых находились носильные вещи и продукты питания. Убедившись, что в этих сумках нет нужных ему предметов, он выбросил их в озеро и, вернувшись к своей автомашине, уехал.

Труп Ильиной С.Е. был обнаружен на следующий день жителями деревни. Смерть потерпевшей наступила от механической асфиксии вследствие сдавливания шеи петлей при удушении. На подбородке, шее и правой руке имелись ссадины.

В содержимом влагища и на левой поле пальто обнаружена сперма, которая могла произойти от Стороженко.

Кольцо потерпевшей Стороженко передал своей жене, которая через несколько дней сдала его в ювелирный магазин, что подтверждается изъятой из магазина «Рубин» квитанцией о сдаче Стороженко А.Р. золотого обручального кольца 375 пробы и получении за него 54 рублей 60 копеек.

10. Разбойное нападение на Зайцеву В.А., ее изнасилование и убийство

2 сентября 1980 г. в 10 часов, следуя со Смоленского завода им. XXV партсъезда на автомашине ГАЗ-93 в смоленский цех предприятия «Вторчермет», Стороженко на окружной дороге у кольцевого разъезда в районе дер. Миловидово посадил в кабину автомашины Зайцеву В.А., которая попросила довезти ее до дер. Стегримово Монастырщинского района. В пути следования Стороженко с целью изнасилования, завладения имуществом потерпевшей и ее убийства остановил автомашину на обочине дорог в 300 м от разъезда дорог дер. Санники и дер. Упокой. Затащив Зайцеву в кустарник, находящийся у дороги, он путем нанесения ударов и сдавливания шеи привел ее в бессознательное состояние и изнасиловал. Из кармана плаща вытащил кошелек и завладел находившимися там деньгами. Затем путем удушения руками и петлей из головного платка убил ее. Взяв две сумки убитой, в которой находились туфли, продукты и стиральный порошок, Стороженко положил туда кошелек и скрылся. По пути сумки с содержимым выбросил в небольшое озеро.

Труп Зайцевой В.А. был обнаружен 16 сентября 1980 г. Смерть потерпевшей наступила от механической асфиксии вследствие сдавливания шеи петлей. На лице и правом коленном суставе были обнаружены ссадины.

Впоследствии при осмотре озера, на которое Стороженко указал как на место, куда он выбросил вещи потерпевшей,

была обнаружена клеенчатая сумка с находившимися там туфлями, целлофановый пакет, косынка, цветной платок, разложившиеся продукты и кошелек, в котором находились серьги из желтого металла, а также квитанции на сдачу пошива костюмов. После откачки воды была обнаружена и вторая сумка.

11. Разбойное нападение на Ронжину Н.Т., ее изнасилование и убийство

26 сентября 1980 г. жительница Смоленска Ронжина Н.Т. поехала к своим родителям в дер. Абрамково Смоленского района, где временно находилась ее малолетняя дочь. Имея при себе зонт, сумку с продуктами и детской одеждой, она около 16 часов на маршрутном автобусе приехала в пос. Стабну. В связи с распространившимися в это время случаями нападений на женщин, Ронжина одна не решилась продолжать путь дальше и в ожидании попутчиков находилась в Стабне более часа. Не найдя попутчиков, направлявшихся в дер. Абрамково, Ронжина в 18 часов вслед за жителями дер. Лентьево Шеенковой, Антоновой и Секачевым направилась к автобусной остановке по Стародемидовскому большаку. В это время ехавший на автомашине ГАЗ-93 им навстречу Стороженко обратил внимание на Ронжину, которая шла одна. Решив совершить на нее нападение, он развернул автомашину, обогнал Ронжину и шедших впереди нее людей и остановился около молокозавода на развилке дорог, ведущих в дер. Лентьево, Иловка и Абрамково. Полагая, что Ронжина и другие идут в разные деревни, Стороженко пошел за ними. Когда спутники Ронжиной свернули на тропинку, а Ронжина продолжила идти одна по дороге, Стороженко примерно в 800 м от пионерского лагеря напал на нее. Ударом руки в голову он сбил ее с ног, схватил за шею и затащил в кусты, где привел потерпевшую в бессознательное состояние и изнасиловал.

Сняв с Ронжиной болоньевую куртку, сапоги и часы марки «Восток», Стороженко убил ее, сдавив шею петлями из ее трусов и колготок. Затем засыпал труп листьями и, взяв вместе с указанными вещами сумку Ронжиной с деньгами в сумме 20 рублей, зонтом, детской одеждой и продуктами питания, скрылся. В пути следования к молокозаводу он остановил автомашину и сжег все вещи, кроме денег, сумки и часов.

Труп Ронжиной Е.Т. был обнаружен 16 октября 1980 г. в кустах, в 1200 м от поселка Стабна. Колготки и трусы были сняты, бюстгальтер разорван. На шее трупа имелись две крепко затянутые петли-удавки, скрученные из трусов и колготок потерпевшей. Смерть потерпевшей наступила от механической асфиксии вследствие сдавливания шеи петлей при удушении. При исследовании волос, обнаруженных на одежде, их происхождение от Стороженко не исключалось.

В 400 м от Стабнинского молокозавода в лесном массиве были обнаружены части сгоревших вещей: куртки, зонта и сапог.

12. Разбойное нападение на Романенкову А.В., ее изнасилование и убийство

29 ноября 1980 г. в 16 часу жительница Смоленска Романенкова А.В. направлялась в дер. Никольское Смоленского района, где проживали ее родственники. Рейсовым автобусом доехала до остановки «Магистраль» и пешком пошла по автостраде Москва-Минск в направлении проселочной дороги, ведущей в деревню. Проезжая в это время на автомашине ГАЗ-93 в сторону г. Смоленска, Стороженко увидел Романенкову и решил напасть на нее. Он остановил автомашину на обочине дороги, открыл капот и в горловину радиатора вставил воронку, делая вид, что ему необходимо залить воду в радиатор. С целью нападения он вооружился ножом и стал преследовать Романенкову, когда она свернула на проселочную дорогу.

На расстоянии 500 м от автострады он напал на нее, угрожая ножом, и привел к оврагу, где изнасиловал в извращенной форме. Затем Стороженко завладел сумкой потерпевшей, в которой находились наручные часы марки «Слава», очки, косметика, и наличные деньги в сумме 13 рублей. После этого он ударом ножа в сердце убил ее и наложил на шею трупа петлю из пояса пальто потерпевшей. Обшарив карманы пальто потерпевшей, Стороженко нашел несколько абонементов для проезда на городском транспорте. Полагая, что оставил на них отпечатки пальцев, он сжег их на груди женщины. По той же причине он оборвал пуговицы с пальто и по дороге выкинул их. Сумку он сжег на Таборной горе, часы выкинул.

Труп Романенковой А.В. был обнаружен 2 декабря 1980 г. Ее смерть наступила от колото-резаного ранения левой половины грудной клетки с повреждением сердца. Петля на шею была наложена посмертно. Происхождение спермы, обнаруженной во влагалище потерпевшей, от Стороженко не исключалось.

Впоследствии при обыске в доме Стороженко в числе других был изъят нож с рельефной ручкой зеленого цвета, которым, по заключению физико-технической экспертизы, были причинены повреждения на теле и одежде потерпевшей. Обнаруженные и изъятые у Стороженко стекла от очков совпали с оправой очков, принадлежавших Романенковой.

13. Разбойное нападение на Баранову Н.Н., ее изнасилование и покушение на убийство

6 мая 1980 г. в 24 часу Баранова Н.Н. возвращалась с работы в общежитие, расположенное в Смоленске по адресу ул. Шевченко, д. 93. Заметив женщину, Стороженко стал ее преследовать. Когда Баранова свернула с улицы на пешеходную дорожку и оказалась в безлюдном месте, он внезапно напал на нее сзади, схватив руками за шею, оттащил в сторону и повалил на землю. Приведя ее в бессознательное состояние, изнасиловал,

после чего снял с руки часы марки «Восток» стоимостью 20 рублей, забрал сумку-пакет, в которой находились зонт, кошелек с деньгами в сумме 6 рублей и другие вещи.

Полагая, что Баранова мертва, Стороженко скрылся. Через некоторое время потерпевшая пришла в сознание и сумела дойти до общежития. Вещи потерпевшей Стороженко выбросил, а часы подарил своему брату Сергею, который позднее по его совету выбросил их в водопроводный колодец возле завода «Кристалл», где впоследствии они и были изъяты.

14. Разбойное нападение на Разину А.Е., покушение на ее изнасилование и убийство

22 мая 1980 г. около 16 часов Стороженко, следуя по пешеходной тропинке от Смоленского завода им. XXV партсъезда в сторону Шейновских дач, увидел впереди себя идущую в том же направлении Разину А.Е. и решил совершить на нее нападение с целью изнасилования, завладения личным имуществом и убийства. Догнав Разину, он в грубой форме высказал намерение совершить с ней половой акт. Затем, схватив ее руками за шею, несмотря на сопротивление потерпевшей, затащил в ров, поросший кустарником, и повалил на землю. Разина закричала, но Стороженко вновь сдавил ей шею и лезвием имевшегося у него ножа провел около шеи, чтобы она замолчала.

Поскольку Разина продолжала кричать, Стороженко сильно сдавил органы шеи, вследствие чего потерпевшая потеряла сознание и перестала подавать признаки жизни. В это время он услышал голоса людей и, опасаясь быть застигнутым на месте преступления, был вынужден прекратить преступные действия и скрыться, не доведя задуманное до конца. Придя в себя, Разина выбралась из рва и встретила на тропинке Кораблина А.Г., которого знала в лицо, и рассказала ему о случившемся. Тот оказал ей помощь и вызвал работников милиции.

15. Разбойное нападение на Геллер В.Н. и покушение на ее убийство

6 июня 1980 г. около 2 часов ночи в Смоленске, направляясь к своему дому по проспекту Строителей, Стороженко увидел Геллер В.Н., которая возвращалась из гостей. Он догнал ее, схватил за шею, заявив, что убьет ее. Затем сдавил органы шеи так, что она потеряла сознание и перестала подавать признаки жизни. После этого он забрал ее вещи: золотое кольцо стоимостью 85 рублей, серебряный перстень стоимостью 25 рублей, наручные часы стоимостью 38 рублей, сумку, кошелек, зонт, косметичку, косынку, а также 13 рублей наличными деньгами, и, полагая, что потерпевшая мертва, скрылся. Однако через некоторое время Геллер пришла в себя, добралась до своего дома и рассказала мужу о случившемся.

Сумку с вещами Стороженко выбросил, а кольцо и перстень оставил себе. Впоследствии кольцо было обнаружено в доме Стороженко, а перстень – в тайнике, устроенном в подвале дома, где жили его родители.

16. Разбойное нападение на Самусеву Л.В., ее изнасилование и покушение на убийство

11 июня 1980 г. в 24 часу Самусева Л.В. после работы возвращалась домой. Выйдя из автобуса на остановке «Нефтебаза», она пошла в сторону пос. Вязовенька г. Смоленска. Стороженко вышел вслед за ней из автобуса и пошел следом. Догнав, он схватил ее руками за шею, придушил, отчего потерпевшая потеряла сознание и перестала подавать признаки жизни. Оттащив в заросли травы, Стороженко изнасиловал ее в различных извращенных формах. После этого забрал личные вещи Самусевой – золотые серьги, сумку, складной зонт, кошелек и др. Полагая, что она мертва, Стороженко затащил ее в болото, расположенное рядом, и оставил там, а сам скрылся. Через не-

которое время Самусева пришла в сознание и смогла добраться до ближайшего дома, где ей была оказана помощь.

Сумку Стороженко выбросил в Днепр, а серьги отдал своей жене, которая затем продала их Мельникову, у которого и была изъята одна золотая серьга – вторую он к этому времени потерял.

17. Разбойное нападение на Бобкову А.А., ее изнасилование и покушение на убийство

15 июня 1980 г. в 24 часу Стороженко, находясь на трамвайной остановке «Полиграфкомбинат» в г. Смоленске, увидел идущую по тропинке в сторону дер. Новосельцы Смоленского района Бобкову А.А. и направился вслед за ней. Когда Бобкова, проходя мимо дер. Новосельцы, спустилась в ров, он догнал ее, прошел за ней около 100 м, а потом напал на нее сзади, нанеся удар рукой по голове и высказав намерение совершить с ней половой акт. После этого схватил ее за шею и начал душить. Она потеряла сознание и перестала подавать признаки жизни. Тогда Стороженко разорвал на ней одежду и изнасиловал. После этого похитил вещи потерпевшей: золотые серьги овальной формы с камнем александрит, кошелек с 5 рублями, массажную щетку. Полагая, что потерпевшая погибла, он покинул место происшествия. Деньги и серьги оставил себе, а остальное выбросил. Очнувшись, Бобкова пришла домой и рассказала о случившемся дочери и зятю.

При судебно-медицинском освидетельствовании Самусевой у нее было обнаружено множество ссадин на лице, спине, бедрах, кровоподтеки в области шеи, множественные кровоизлияния на лице, слизистой век, которые произошли от сдавливания органов шеи. На марлевых тампонах, взятых из влажной полости рта, ротовой полости и прямой кишки, обнаружена сперма, которая могла произойти от Стороженко.

Похищенные серьги Стороженко отдал своей жене, которая спустя некоторое время сдала их в ювелирный магазин «Рубин», назвавшись Романовой В.Б. и получив за них 94 рубля 30 копеек.

18. Разбойное нападение на Ивашкову Р.А., ее изнасилование и покушение на убийство

28 июня 1980 г. около 3 часов ночи выпускница средней школы № 4 г. Смоленска 16-летняя Ивашкова Р.А. возвращалась домой одна с выпускного вечера. Вблизи дома № 14 по ул. Румянцева на нее напал Стороженко. Схватив потерпевшую за шею, он затащил ее в кустарник и повалил на землю. Потерпевшая пыталась оказать сопротивление и кричать. Однако Стороженко придушил ее так, что она потеряла сознание и перестала подавать признаки жизни. Затем, разорвав часть одежды, изнасиловал ее. Считая Ивашкову мертвой, Стороженко скрылся с места нападения, не завладев вещами потерпевшей, т.к. ничего подходящего для себя не нашел.

Спустя некоторое время потерпевшая пришла в себя и стала подавать признаки жизни. Жильцы ближайшего дома вызвали сотрудников милиции и скорую помощь. В ходе судебно-медицинского обследования Ивашковой выяснилось, что ей были причинены тяжкие, опасные для жизни телесные повреждения, а на тампонах с влагалищным содержимым обнаружена сперма, которая могла произойти от Стороженко.

19. Разбойное нападение на Сивенкову А.А., покушение на ее изнасилование и убийство

14 декабря 1980 г. около 19 часов в г. Смоленске Сивенкова А.А. ехала на трамвае на работу. Этим же трамваем ехал Стороженко. Увидев, что Сивенкова вышла из трамвая на остановке «База», он вышел вслед и направился за ней в сторону железнодорожной станции Ново-Смоленская, где та работала. Когда

потерпевшая оказалась в безлюдном месте неподалеку от этой станции, он напал на нее. Сбив потерпевшую с ног, он повалил ее в кусты и стал наносить удары по лицу и телу. Затем, закрыв рукой рот и нос, стал душить ее. В это время поблизости проходил сторож строящегося завода торгового оборудования Цыганков Э.Н. с двумя собаками, которые залаяли и побежали к месту, где находились Стороженко и Сивенкова. Цыганков поспешил за ними. Услышав лай собак и опасаясь быть застигнутым на месте преступления, Стороженко убежал, не доведя задуманное до конца. Вслед за Цыганковым к потерпевшей подошли железнодорожники, которые помогли женщине дойти до станции.

20. Разбойное нападение на Корневу Н.Г., ее изнасилование и покушение на убийство

27 июня 1981 г. в 18 часу Корнева Н.Г. шла по дороге, ведущей к дер. Андросово Кардымовского района, направлялась к родителям за своим ребенком. Стороженко увидел ее и решил напасть. Держа в одной рук нож, он набросился на нее, схватил за шею и затащил в лесной массив. Там путем придушения привел ее в бессознательное состояние и изнасиловал в извращенной форме. Убедившись, что у Корневой никаких ценностей нет, Стороженко скрылся с места преступления. Когда он уходил, потерпевшая была жива – впоследствии он сожалел, что мог ее убить, но не сделал этого, потому что именно Корнева опознала его по фотографии, что послужило поводом к его задержанию.

Потерпевшей были причинены кровоподтеки на правом плече и кровоизлияния в конъюнктиву обоих глаз, которые произошли в результате сдавливания шеи и сопровождалась нарушением мозгового кровообращения с потерей сознания. На трусах потерпевшей была обнаружена сперма, которая могла произойти от Стороженко.

Кроме указанных преступлений, в период 1979-1981 гг. Стороженко как один, так и совместно со своим братом Сергеем совершил несколько краж государственного и личного имущества граждан. Вплоть до своего ареста в июле 1981 г. братья Стороженко предпринимали активные меры, направленные на организацию банды для нападений на государственные и общественные предприятия с целью завладения денежными средствами.

Сергей Стороженко какое-то время провел на заработках в Воркуте, откуда он вернулся в Смоленск в феврале 1980 г. Сразу после этого Владимир предложил ему создать вооруженную бандитскую группу, на что тот дал согласие.

Обсуждая между собой планы бандитских нападений, братья пришли к выводу о необходимости иметь огнестрельное нарезное оружие. В сентябре 1980 г. с целью хищения оружия и боеприпасов они выехали на автомашине Стороженко В. в г. Демидов Смоленской области, где в СПТУ-4 ранее учился Стороженко С., в кабинете военной подготовки этого училища имелись автоматы, малокалиберные винтовки и боеприпасы к ним. Приехав в Демидов во второй половине дня, они дождались наступления ночи, пришли к зданию училища и, выставив стекло, проникли в один из классов. Затем, взломав имевшейся у них монтировкой несколько дверей, проникли в оружейную комнату, где в поисках оружия взломали металлический ящик и сейф, однако ранее хранившегося там оружия в оружейной не оказалось – по счастливой случайности незадолго до этого оно было сдано на хранение в местное РОВД. Тогда они похитили имевшиеся там боеприпасы, 10 взрывпакетов и радиометр ДП-116, приняв его за миноскаатель. Похищенное спрятали в лесу за пос. Стабна.

Стремясь добыть оружие, они неоднократно выезжали в различные районы Смоленской области, а также в Витебскую область, где в местах бывших боев занимались поисками

трофейного оружия. В районе дер. Хламово Монастырщинского района они нашли три авиационные зажигательные бомбы немецкого производства, которые привезли в Смоленск, намереваясь использовать их для минирования созданного ими тайника. Тогда же они изготовили переносной портативный газорезущий аппарат и приобрели два небольших газовых баллона, намереваясь использовать всё это для разрезания замков и сейфов при нападениях.

Для хранения денег и ценностей, которыми братья Стороженко собирались завладеть путем бандитских нападений, в лесу на окраине Смоленска они оборудовали тайник, используя для этого молочную флягу. Тайник планировалось заминировать, для чего Стороженко В. изготовил кустарным способом взрыватель.

Наряду с активными действиями по поиску оружия, изготовлению газорезущей аппаратуры и оборудованию тайника братья Стороженко разрабатывали планы предстоящих нападений и обсуждали различные вопросы, связанные с их реализацией. Однако арест Стороженко В., а затем и Стороженко С., поставил крест на их преступных замыслах.

По заключению судебно-психиатрической экспертизы Стороженко В. и Стороженко С. психиатрическими заболеваниями не страдали и были признаны вменяемыми.

Пока братья Стороженко пребывали под стражей, умерла их мать. Зная о привязанности Владимира Стороженко к матери, я имел намерение сообщить ему о ее смерти, однако Костоев рекомендовал мне промолчать, полагая, что такое известие отрицательно скажется на нашей работе. Во время ознакомления с материалами дела Стороженко всё-таки узнал об этом обстоятельстве, на что отреагировал очень бурно. Он вспыхнул, заплакал и стал метаться по кабинету, а затем закричал: «Где Костоев? Я убью его! С материалами дела я больше знакомиться не буду! Отправьте меня в камеру!» Мои попытки как-то успокоить его ни к чему не привели.

Отправив его в камеру, я связался с Иссой Магометовичем и сообщил о происшедшем. Он сразу же примчался в «Лефортово» и после того, как я рассказал ему обо всех обстоятельствах, потребовал привести к нему Стороженко. Далее Костоев потребовал снять с обвиняемого наручники и оставить их вдвоем. Охрана подчинилась, но я всё-таки остался в кабинете. Костоев в резкой форме заявил Стороженко: «Ты хотел меня убить? Я здесь перед тобой. Действуй!» Подобного поведения следователя Стороженко явно не ожидал и застыл в оцепенении, а Костоев продолжал: «Я перевел тебя в «Лефортово», чтобы тебя не убили смоленские уголовники. Я организовал охрану твоей несчастной жены и ребенка, чтобы их не растерзали родственники жертв, которых ты убил. Ну что же ты стоишь – вот я перед тобой!» Поступок Костоева произвел на Стороженко сильное впечатление: он упал на табурет и, уронив голову на стол, заплакал в бессилии, а потом попросил увести его в камеру. В последующем он извинился за свою несдержанность, и мы продолжили работу по ознакомлению с материалами дела.

При рассмотрении этого уголовного дела Судебной коллегией Верховного Суда РСФСР Стороженко В.В. и Стороженко С.В. полностью признали себя виновными в предъявленном обвинении и рассказали о совершенных ими преступлениях. 12 апреля 1982 г. Стороженко В.В. был приговорен к исключительной мере наказания – смертной казни, а его брат Стороженко С.В. – к 15 годам лишения свободы. 22 сентября 1982 г. приговор в отношении Стороженко В.В. был приведен в исполнение⁴.

Костоев И.М. за проделанную следственную работу весной 1982 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени. С тех пор нас с Иссой Магометовичем связала многолетняя тесная дружба, за что я благодарен судьбе. После того, как я

4. На момент расстрела безжалостному убийце и насильнику Владимиру Стороженко было 29 лет. – *Прим. ред.*

перешел на работу в следственную часть Прокуратуры Союза ССР, наши пути неоднократно пересекались при расследовании ряда уголовных дел. Несомненно, Костоев является одним из лучших следователей нашей страны – таких, как он, называют следователями от Бога. Где бы он ни работал и чем бы ни занимался, ему всегда были присущи напористость, нестандартность мышления, умение действовать в критической ситуации, хорошее знание психологии и строгое следование Закону. Благодаря этим качествам именно Костоев в ноябре 1990 г. выследил и обезвредил самого известного маньяка СССР Андрея Чикатило.

Стороженко Сергей, отсидев свой срок, вышел на свободу и сменил имя и фамилию. Однако в 2012 г. за совершение ряда вооруженных ограблений на территории Смоленской области он вновь оказался в руках правоохранительных органов и был осужден.

Судьба прокурора Гончарова Н. сложилась драматично. Обвинение в убийствах и изнасилованиях женщин с него было снято, но, чтобы как-то оправдать пребывание под стражей, он был осужден за какое-то незначительное преступление. После отбытия наказания вернуться на работу в прокуратуру он, конечно, уже не смог. Судьба парня была сломана и спустя некоторое время он умер.

Опыт работы, приобретенный во время расследования этого дела, в последующем пригодился мне при раскрытии убийств, совершенных Михаилом Попковым, получившим печальную известность как «Ангарский маньяк»⁵, и Сергеем Головкиным, прославившимся под именем «Фишер»⁶.

5. См. В.Е. Костарев «По следу «Ангарского маньяка»» // «Следствие сквозь годы... Вспоминания ветеранов следствия», выпуск 5. Москва, Издательский дом «Славянка», 2025.

6. Рассказ об этом расследовании будет опубликован в одном из следующих выпусков книги «Следствие сквозь годы... Вспоминания ветеранов следствия».

Крах синдиката убийц

В 1992-1995 гг. в промышленном гиганте Кузбасса г. Новокузнецке прокатилась волна кровавых разборок. В то время население крупных городов уже привыкло к подобным явлениям, сопровождавшим свободные рыночные отношения. Жители Новокузнецка были шокированы не столько наглостью и жестокостью, с которой совершались убийства, сколько тем, что их жертвами стали «неприкасаемые» – «новые русские», имеющие тесные связи как с криминалом, так и с милицией, а также лидеры местных преступных группировок, которых начали убивать с пугающе нарастающим темпом. Ни занимаемое положение, ни связи, ни деньги, ни усиленная охрана не могли гарантировать этим людям не только былое спокойствие, но и саму жизнь.

Банда, о которой пойдет речь, действовала довольно длительное время и имела межрегиональный характер – преступления совершались в Новокузнецке, Кемерово, Москве, Санкт-Петербурге и других городах. При этом деятельность ее складывалась из самых разнообразных по характеру преступных нападений, но «особым почерком» были именно убийства, в том числе и своих собственных членов.

Первоначальное расследование

На первоначальном этапе расследования меры, принятые сотрудниками правоохранительных органов Новокузнецка для раскрытия убийств, положительных результатов не дали. Преступники были неуловимы. После того, как среди бела дня на глазах десятков людей на кладбище в г. Прокопьевске был убит один из авторитетнейших воров в законе по кличке «Коростыль» – «смотрящий» по Кузбассу, по городу поползли провокационные слухи, что он стал очередной жертвой дея-

тельности совместного секретного подразделения МВД и ФСК «Белая стрела», специально созданного для устранения наиболее авторитетных криминальных лидеров. В охватившей криминальные круги панике некоторые «авторитеты» спешно покинули Кузбасс в надежде, что им удастся затеряться и пережить тревожные времена.

Вскоре из Москвы также стали приходить нерадостные вести о том, что кемеровских и новокузнецких «пацанов» в столице находят и убивают с той же методичностью, что и на родине. Свидетельством тому стала расширяющиеся Аллеи павших героев на местных кладбищах.

1 января 1995 г. в 22 часа в Новокузнецке на лестничной площадке у своей квартиры неизвестными преступниками было совершено покушение на умышленное убийство лидера одной из местных организованных преступных группировок Иванова. По данному факту прокуратурой г. Новокузнецка было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст.ст. 15 и 103 УК РСФСР.

Благодаря своевременному оказанию квалифицированной медицинской помощи жизнь Иванову удалось спасти. Однако рано утром 9 февраля 1995 г. в палату реанимационного отделения новокузнецкой Первой городской больницы, где после хирургической операции находился Иванов, под видом сотрудников ОМОНа ворвались неизвестные преступники, которые, разоружив охрану, выстрелами из пистолетов на глазах жены совершили его умышленное убийство. По данному факту прокуратурой г. Новокузнецка было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «н» ст. 102 УК РСФСР. Указанные уголовные дела были соединены в одно производство.

Незадолго до убийства Иванов успел сообщить одному из оперативных работников местного УБОПа о том, что буквально накануне Нового года к нему домой неожиданно с непонятной целью зашел один из местных коммерсантов, некий Анга-

ков, с которым у него сложились неприязненные отношения. На вопрос следователя о том, кто же был заинтересован в его убийстве, Иванов заявил: «Разберемся сами».

Допрошенный в качестве свидетеля сосед Иванова Севостьянов подтвердил факт посещения Иванова Ангаковым накануне нападения. В разговоре Иванов пояснил ему, что Ангаков приходил похвастаться своей новой автомашиной.

При изучении личности Ангакова и его окружения удалось установить, что тот совместно со своими компаньонами Ганичевым, Томаком, Ботвиньевым и Нужиным занимается коммерческой деятельностью и имеет обширные связи в криминальных кругах Новокузнецка. После того, как на Иванова было совершено покушение, он куда-то исчез. Из оперативных источников были получены данные, что он скрывается, опасаясь мести со стороны группировки Иванова. Не появлялись на людях и его компаньоны. По оперативным данным, Томак и Ботвиньев выехали в Москву.

В то же время путем зашифрованного опроса Нужина удалось установить, что в конце декабря 1994 г. в офисе их фирмы между Ангаковым и его компаньонами состоялся разговор, касающийся Иванова: якобы тот мешает им в открытии казино, являясь конкурентом. Ганичев предложил под каким-либо предлогом вызвать Иванова за город и там убить в безлюдном месте. Ангаков позвонил какой-то женщине и установил адрес места жительства Иванова, а спустя несколько дней Нужин узнал из газет, что 1 января 1995 г. Иванова пытались убить в его доме. На допросе у следователя Нужин подтвердил свои показания.

Была выдвинута версия о причастности Ангакова к убийству Иванова, и 9 февраля 1995 г. после установления его местонахождения Ангаков был задержан в порядке Указа Президента РФ № 1226 от 14 июня 1994 г. «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и других проявлений организованной преступности». После долгих запирательств Ангаков

вынужден был признать свою причастность к покушению на Иванова, а также причастность членов одной из преступных группировок Новокузнецка, известных ему по кличкам «Свисток» (Реутов), «Женя-мясник» (Саночкин), «Саха» (Кудрявцев) и «Молчун» (Овчинников), ранее входивших в группировку Владимира Гнездича. Ангаков также сообщил, что приказ убить Иванова поступил через Ганичева из Москвы от некого «Игары». После неудачного покушения исполнители были вызваны в Москву. Больше в Новокузнецке он их не встречал.

Был объявлен розыск. Установили, что Овчинников скрывается в Новосибирске, а Саночкин – в Барнауле. 23 февраля 1995 г. они были задержаны, а затем арестованы. И если сначала Овчинников отрицал свое участие в совершении преступления, то Саночкин подробно рассказал об обстоятельствах покушения на Иванова и сообщил, что в Иванова стреляли Кудрявцев и Реутов. За совершение этого убийства им были обещаны 10 миллионов рублей и новая автомашина ВАЗ-2109. После неудачи некий «Игара» всех участников данной акции вызвал к себе в Москву для «разбора полетов». Реутов и Кудрявцев за неисполнение приказа ликвидировать Иванова были убиты, а Саночкину и Овчинникову после серьезного внушения было приказано исчезнуть из Новокузнецка.

К этому времени оперативные сотрудники УВД г. Новокузнецка получили информацию о том, что в Москве на протяжении ряда лет действует бригада киллеров из Новокузнецка, созданная неким Владимиром Лабощим, но теперь возглавляемая Игорем Барыбиным, имевшим две клички – «Шкраб» и «Игара». Именно эта бригада причастна к совершению ряда громких убийств в Москве, Московской области, Новокузнецке и Кемеровской области. Однако эта информация до сведения следствия доведена не была.

В это самое время в Москве произошли события, которые в значительной степени повлияли на ход расследования по делу об убийстве Иванова.

Вечером 1 марта 1995 г. в Москве в подъезде своего дома был убит известный тележурналист Владислав Листьев. Приметы и фотороботы лиц, подозреваемых в совершении этого преступления, были растиражированы по всей стране. Днем 4 марта 1995 г. в одно из московских отделений милиции позвонил некий гражданин и сообщил, что в подмосковном санатории «Пушкино» проживают несколько молодых людей, которые, возможно, причастны к убийству Листьева. Эти люди, предъявившие администратору санатория чужие паспорта, а также две сопровождавшие их девушки были доставлены в штаб по расследованию убийства Листьева. Казалось, сама удача сопутствовала сотрудникам милиции: фактически ими были задержаны главарь одной из самых кровавых банд Барыбин и самые активные ее члены: Цыганов, Сладков и Шкряда. Однако в их документах были указаны совсем другие фамилии и несмотря на то, что фотографии в предъявленных ими паспортах разительно отличались от внешности бандитов, их всех, за исключением одного, отпустили, не проведя необходимой в таких случаях элементарной проверки.

В это время в Москву из Новокузнецка для проверки полученной информации о банде новокузнецких киллеров и их предводителе Барыбине прибыли два сотрудника уголовного розыска. Примчавшись вместе с работниками МУРа в отделение милиции, они застали там лишь одного Сладкова. Тот запыряться не стал. Для поиска бандитов были подняты на ноги сотрудники московской и новокузнецкой милиции.

6 марта 1995 г. в результате спланированной операции в Москве были задержаны Барыбин, Цыганов, Шкряда и Кулешов, а в Новокузнецке – Ганичев, Ботвиньев, Томак; к концу марта – еще четыре члена банды.

Безотлагательно были проведены обыски, которые дали ошеломляющие результаты. В московских квартирах, где проживали члены банды, было обнаружено и изъято большое количество огнестрельного оружия: четыре автомата Калаш-

никова, четыре пистолета ТТ, пистолет «Беретта», револьвер «Наган», карабин иностранного производства, значительное количество боеприпасов к ним, взрывчатка, средства взрывания, взрыватели, портативные радиостанции, спецсредства, прослушивающие устройства, большое количество радиоэлектронной аппаратуры. В Новокузнецке в слесарной мастерской ЖЭКа у брата Ботвиньева были обнаружены и изъяты три пистолета ТТ с боеприпасами.

Во время допросов члены банды признались в совершении 11 преступлений на территории Москвы и Московской области, в причастности к убийству Иванова в Новокузнецке и ряду других преступлений. Также они указали места сокрытия трупов убитых ими Реутова и Кудрявцева. В свое время по части этих преступлений соответствующими прокуратурами уже были возбуждены уголовные дела, однако их раздельное расследование ни к чему не привело – преступники установлены не были.

В дело вступает Генеральная прокуратура России

Преступная деятельность банды велась на территории нескольких регионов и складывалась из многочисленных нападений на граждан и организации, сопряженных с умышленными убийствами, покушениями на убийства, вымогательством и иными преступлениями. Уже первые результаты расследования свидетельствовали о преступном профессионализме, очень высоком уровне материально-технической оснащенности, хорошей организованности, наличии развитой криминальной инфраструктуры, позволяющей обеспечить мобильность непосредственных исполнителей заказных убийств. Это существенно осложняло следствие и требовало привлечения мощных сил органов правопорядка.

Старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре России Костарев В.Е.

С учетом большого объема предстоящей работы была создана следственно-оперативная группа, в состав которой вошли следователи ряда территориальных прокуратур, а также оперативные сотрудники ГУБОП МВД России и его подразделений на местах. Мне, как старшему следователю по особо важным делам при Генеральном прокуроре Российской Федерации, было поручено руководство этой группой

Изучение материалов приостановленных уголовных дел показало, что в основной своей массе они практически не расследовались, ни одна из выдвинутых версий до конца не была проверена. Из-за беспечности отдельных следователей ряда вещественных доказательств, изъятых с мест происшествий, в делах не оказалось. Потребовалось много времени и усилий для того, чтобы привести указанные ма-

териалы в надлежащий вид. Была проведена полная ревизия уголовных дел и вещественных доказательств, некоторые из которых в ходе служебных расследований удалось отыскать в моргах, отделениях милиции, экспертных учреждениях или у родственников потерпевших. Были истребованы и изучены все имеющиеся оперативные материалы по этим преступлениям. Кроме того, были изучены и проанализированы уголовные дела о нераскрытых убийствах на территории Москвы, Московской и Кемеровской областей, а также отдельные розыскные дела о гражданах, пропавших без вести в интересовавший нас период.

После анализа имеющейся информации был составлен план расследования, предусматривающий исследование общих вопросов, касающихся организации и деятельности банды, взаимоотношений между ее членами. Также детальные планы были составлены по каждому конкретному эпизоду преступной деятельности. Ввиду сложности и большого объема работы был создан штаб, занимавшийся накоплением, обработкой и анализом материалов следствия.

Полученные в ходе допросов данные после соответствующей обработки и анализа позволили следствию составить четкую картину процесса формирования банды: выяснить ее численность, структуру, обстоятельства, представляющие интерес для следствия.

Было установлено, что в 1990-1991 гг. в Новокузнецке из числа спортсменов, занимавшихся в залах Новокузнецкой детской юношеской спортивной школы, в просторечии именуемых «ангарами», сложилось несколько организованных преступных группировок (ОПГ), возглавляемых наиболее авторитетными лицами, добившимися заметных успехов на спортивном поприще. Первоначально их деятельность ограничивалась вымогательством денежных средств у коммерческих структур города под видом ежемесячной оплаты за принудительно навязываемую охрану.

Владимир Лабоцкий

Понять, что из себя представляла Новокузнецкая ОПГ, возникшая в начале 1990-х гг., невозможно без изучения личности ее лидера и создателя Владимира Лабоцкого. История этого борца с Кузбасса, мастера спорта по вольной борьбе характерна для переходных «девяностых» – перспективный спортсмен плавно перевоплотился в лидера преступной группировки и закончил свой путь раньше срока, в могиле в результате криминальных разборок.

Владимир Лабоцкий родился в 1965 г. в г. Белово Кемеровской области. В шесть лет родители привели маленького Володю в секцию по вольной борьбе к известному тренеру Леониду Киселёву, благодаря которому беловская школа в середине 1970-х гг. считалась одной из самых сильных в СССР. Леонид Петрович привил ребенку серьезный интерес к спорту, что сыграло в дальнейшем важную роль. В последствии тренер отзывался о Лабоцком как о милом и добром мальчишке и долго потом не мог поверить, что тот стал кровавым криминальным «авторитетом».

Сначала Лабоцкий искал себе только одну славу – спортивную. Знавшие его лично подчеркивали его железный характер в достижении цели. На ковре он показывал отличные результаты, всего за пару лет выполнил норматив кандидата в мастера спорта, постоянно брал награды областных турниров. По рассказам товарищей, молодой Лабоцкий всегда мог постоять за себя, но палку не перегибал, жестокостью не отличался. Когда через десять лет бригада Лабоцкого начнет зверскими методами запугивать жителей Новокузнецка, шокированы будут даже прошедшие суровую «пацанскую школу» беловские спортсмены.

Владимир был отличным бойцом, побеждал на различных соревнованиях, включая союзные, в начале 1980-х гг. получил звание мастера спорта. Когда подошел призывной возраст, Лабоцкий на два года отправился в армию. Информации

об этом периоде его жизни крайне мало. Насколько известно, он служил во внутренних войсках в Сибири, где, вероятно, прошел специальную подготовку. Подельники рассказывали, что Владимир мог изготовить взрывчатку, используя только средства бытовой химии. После армии Лабоцкий успел выиграть все-союзное первенство общества «Спартак», после чего поставил задачу взять золото на чемпионате Советского Союза, который должен был состояться в 1987 г. Он поступил заочно в педагогический институт в Новокузнецке на факультет физкультуры, женился, родил двоих детей.

Однако до всесоюзного чемпионата Лабоцкий так и не доехал, а вскоре у него завертелась совсем другая жизнь.

Новокузнецк конца 1980-х был мрачным местом. Шахтерский город тяжело переживал перестроечные времена – задержки зарплаты на многочисленных предприятиях Кузбасса и забастовки шахтеров стали обыденным явлением. Людям катастрофически не хватало денег на жизнь, при этом стали появляться бизнесмены-коммерсанты, дела у которых на фоне общего обнищания населения неприкрыто шли в гору.

Чтобы хоть как-то прокормить семью, Лабоцкий занялся спекуляцией. В то время в моде был бартер, поскольку живых денег в стране не хватало и заработную плату рабочим зачастую выдавали продуктами или техникой – телевизорами, соковыжималками и так далее. Граждане пытались это добро реализовать и тут им «на помощь» приходил Лабоцкий, который

Владимир Лабоцкий

организовал на территории местного металлургического комбината пункт приема техники. Брал с хорошим дисконтом, а продавал потом по рыночной цене. С точки зрения закона всё было легально. Также он пробовал продавать металл с металлургического завода, однако этот бизнес у него не пошел.

Многие спортсмены, объединившись, «крышевали» коммерсантов и собирали с них дань, конкурируя на этом поле с криминальными «авторитетами». Лабоцкого неоднократно приглашали в различные банды, но идти в подчинение к кому-либо самоуверенный борец отказался и, собрав весь свой опыт и знания, изучив подноготную криминальной среды Новокузнецка, расстановку сил и основные группировки, сформировал собственную бригаду. Изначально в нее вошли жители г. Белово Гольцов А.В., Гончаров С.Ф., Синельник О.Н., Зацепилов И.А., Савелькаев А.Ю., Щеглов Е.А. и другие.

Недолго думая, Лабоцкий предложил своей бригаде заняться рэкетом и собирать дань с коммерсантов. Первой базой группировки стал спортзал одной из школ Новокузнецка. Арендовав помещение, участники группировки собирались там, тренировались, устраивали поединки, а главное – обсуждали свои планы. Постепенно люди Лабоцкого собрали всю информацию о том, как поделены сферы влияния на местном криминальном рынке и какой «авторитет» крышует ту или иную точку. Был сделан вывод, что для захвата своего места под солнцем следует убрать самые слабые группировки, прибрав к рукам их объекты.

В родном Новокузнецке они заявили о себе в 1991 г. Лабоцкий отдавал себе отчет, что ни пистолетом, ни гранатой теперь никого не удивишь. Поэтому инвентарий бандиты выбрали специфический, чтобы по городу пошли разговоры о беспредельщиках, способных на всё. Первые нападения они совершили, вооружившись заточенными до звона туристскими топориками. Действовали беспощадно и

жестоко, никому не давали отсрочек, не принимали никаких объяснений, калечили и убивали людей. По Новокузнецку долго ходила страшилка, как одному бизнесмену, не выплатившему долг вовремя, отрубили ступню таким «фирменным» топориком. Позже, когда этот человек всё-таки отдал требуемые с него деньги, бандиты вручили его жене ключи от инвалидного автомобиля со словами: «На, будешь своего Маресьева катать».

После этого запугивать коммерсантов стало проще. На встречу с новоявленным бизнесменом «крышевальщики» приносили кейс, где лежала отрубленная человеческая кисть. Далее звучало жуткое предупреждение: «Не будешь платить – положишь сюда и свою». Молва об этом ходила по всему городу. К сожалению, установить потерпевшего, у которого была отрублена та самая кисть, следствию не удалось.

Однажды разухарившиеся молодчики остановили автобус с австрийскими горными специалистами, которые ехали на шахту «Абашская» для заключения производственного контракта. Пятерых пассажиров искалечили, отобрали имевшиеся у них деньги и ценности. Вскоре похищенные у иностранцев доллары всплыли у перекупщика, через которого милиция быстро вышла на бандитов. Всех повязали, однако сам Лабоцкий сумел выйти сухим из воды. На некоторое время он залег, но потом, набрав новую бригаду, продолжил свою преступную деятельность с еще большей изощренностью.

Игорь Барыбин (Шкабара)

Одним из новых участников банды Лабоцкого стал Игорь Барыбин, носивший тогда фамилию Шкабара (пытаясь уйти от ответственности, в июне 1994 г. он зарегистрировал фиктивный брак с валютной проституткой Барыбиной Л.Б. и взял ее фамилию).

Игорь Барыбин (Шкабара)

Игорь Шкабара родился в 1969 году в Новокузнецке. В детском и юношеском возрасте проявил особый интерес к спорту, к различным видам борьбы, имел неплохие результаты, на соревнованиях занимал призовые места, имел звание мастера спорта по классической борьбе. После окончания школы поступил в Новокузнецкий педагогический институт на спортфак на дневное отделение – мечтал стать учителем физкультуры в школе. В 1988-1989 гг. служил в войсках ВДВ, в учебном центре г. Каунаса.

Весной 1991 г. Игорь Шкабара был арестован за мошенничество при перепродаже видеомагнитофонов. С помощью Лабоцкого, с которым они были знакомы по спортзалу, за взятку ему удалось избежать уголовной ответственности за это преступление. Спустя короткое время он стал правой рукой Лабоцкого, а после ряда проведенных «спецакций по устранению неугодных» – его заместителем.

На этом этапе между шефом и заместителем сложились дружеские отношения. Они общались семьями, вместе отмечали праздники, строили рядом коттеджи. Барыбин буквально боготворил Лабоцкого. Вот что рассказала об этом сожительница Барыбина Колдина А.Н.: «Игорь был очень привязан к Лабоцкому, стремился на него походить. Он часто говорил мне: «Кто не с Лабоцким, тот против нас». Лабоцкий оказал сильное влияние не только на Игоря, но и на всех ребят, с которыми он общался. Они беспрекословно выполняли все его команды. Я удивлялась,

с каким почтением они слушали все разглагольствования Лабоцкого, стояли перед ним чуть ли не на вытяжку».

После того, как Барыбин вместе с Синельником О.Н. попал в автокатастрофу и получил травму, Лабоцкий, человек очень щепетильный по отношению к своей семье и никого близко не подпускавший к своему дому, сам привез Барыбина к себе домой и оставил на попечение своей сожительницы Брюховой Ю.Н., которая около полутора месяцев выхаживала раненого.

Связавшись с Лабоцким, Барыбин сильно изменился. По отзывам своих «коллег» он стал «отмороженным», то есть человеком, не знающим жалости, способным совершить любое преступление. Ему нравилась жестокость – молодых членов банды он заставлял постоянно смотреть на видеомагнитофоне иностранные фильмы ужасов, в которых убивают и расчленяют трупы, для того, чтобы те привыкли к крови. В то же время Игорь был труслив – в одиночку преступления совершал лишь в тех случаях, когда не на кого было надеяться, стремился остаться в тени.

Будучи довольно неглупым, он был хитер, жаден и честолюбив. Внешне держался просто, что иногда подкупало, был очень общителен, но, что бы он ни делал, во всем искал личную выгоду. Был мастером закулисных операций, преступных интриг и шантажа. Барыбин был не лишен и актерских способностей: так, когда в ходе лишения жизни Реутова Е.А. лопнула удавка, он сумел убедить потерпевшего, что это всего лишь проверка его поведения в экстремальных ситуациях.

Становление банды

Планируя в перспективе превратить банду в мощную преступную группировку, Лабоцкий поручил Барыбину создать в Новокузнецке особую группу для выполнения его поручений. Исполняя это указание, Барыбин привлек неоднократно судимого Гнездича С. по кличке «Суска», перевербованного

им из противоборствующей преступной группировки «Фетиса», и совместно с ним создал и лично возглавил устойчивую вооруженную огнестрельным и холодным оружием, взрывчатыми веществами и специальными средствами группу в целях нападения на граждан и организации, вошедшую в качестве структурного формирования в банду Лабоцкого. В состав банды в различное время входили и участвовали в совершенных ею нападениях не менее 50 человек.

Теперь Лабоцкий мечтал о славе Аль Капоне. Свою банду он строил по образцу и подобию преступной организации американских гангстеров, возглавляемой известным мафиози Лаки Лючиано, принципы деятельности которой были почерпнуты им из фильма-боевика американского режиссера Д. Ингвардсена «Преступный синдикат» («The outfit»). Члены банды идеологически обрабатывались в духе этого боевика: беспрекословное подчинение руководителям банды, недоверие друг к другу, безжалостность по отношению к своим жертвам и соучастникам, нарушившим установленные главарем правила. Убийство человека ставилось ими в ряд обычных производственных задач. Каждого, вступающего в банду, в обязательном порядке знакомили с этим фильмом.

Возглавляемое Лабоцким и Барыбиным устойчивое преступное формирование, созданное ими специально для занятия преступной деятельностью, обладало высокой степенью внутренней организации с момента образования и до момента разоблачения. Оно имело в своей основе постоянный состав и иерархическую структуру, состоящую из руководителей банды, активных и второстепенных членов. Роли среди боевиков распределялись следующим образом: исполнители убийств, телохранители, сборщики денег, хранители оружия, курьеры, лица, осуществляющие негласную слежку за жертвами и членами противоборствующих группировок, специалисты по прослушиванию телефонных разговоров и водители.

Огнестрельное оружие, изъятое у банды Лабоцкого

В банду принимались «проверенные» люди, которые в большинстве своем и до этого вели антиобщественный образ жизни, некоторые привлекались к уголовной ответственности и имели судимости. «Профессиональная пригодность» кандидатов на вступление в банду проверялась «в деле», во время совершения реальных преступлений.

После вступления в банду ее новым членам, как правило, поручалось совершение какого-либо убийства в составе группы, с тем, чтобы, запятнав себя кровью жертвы, они лишались возможности прекращения преступной деятельности и самовольного выхода из состава банды. Внутри банды существовала жесткая система подчинения. Все требования и задания Лабоцкого и Барыбина беспрекословно выполнялись. Любое неповиновение, ненадлежащее выполнение приказов, разгла-

шение сведений о деятельности банды и выход из нее карались смертью. Практически никто из членов банды не работал, хотя для конспирации они числились сотрудниками коммерческих структур. Используя членов банды как профессиональных наемных убийц и исполнителей задуманных ими преступлений, Лабоцкий и Барыбин выплачивали им денежное содержание в виде зарплаты и разовых выплат за участие в бандитских нападениях.

Оружие хранилось в тайниках либо на конспиративных квартирах банды и выдавалось непосредственным участникам нападений накануне их совершения, а затем вновь изымалось. В арсенале имелись автоматы, пистолеты, ружья, винтовки и обрезы, а также боеприпасы к ним, взрывчатые вещества, взрывные устройства, приборы для бесшумной стрельбы (ПБС), холодное оружие, топоры, специальные средства и другое вооружение.

Для слежки за жертвами и членами конкурирующих преступных группировок применялась специальная техника – прослушивающие устройства, радиомикрофоны, электронный стетоскоп, портативные магнитофоны, видеокамеры, магнитный искатель, портативные радиостанции. Связь с руководителями банды осуществлялась по пейджинговой связи.

Для обеспечения мобильности при подготовке и совершении преступлений бандиты имели в своем распоряжении легковые автомашины отечественного и иностранного производства. Также банда располагала двумя десятками квартир в Москве и Новокузнецке, где хранилось оружие и имущество, организовывались сходки, а также нелегально проживали находящиеся в розыске члены банды. Квартиры и автомашины, задействованные в организации преступлений, периодически менялись; слепообразующие детали оружия, использовавшегося при совершении убийств, заменялись на другие, либо видоизменялись. В целях конспирации члены банды активно использовали средства маскировки: парики, пастижорные изделия, грим, носили маски и камуфляжную форму.

При общении между собой в присутствии посторонних бандиты называли друг друга заранее условленными вымышленными именами-кличками.

Так, Лабоцкий В. имел клички «Вася», «Бухгалтер»; Барыбин И. – «Игара», «Шкраб», «Черный киллер»; Гнездич С. – «Суска»; Кондрашов Д. – «Боб»; Кривицкий В. – «Коля», «Марчелло»; Тертышный А. – «Голубь»; Кудрявцев А. – «Саха»; Реутов Б. – «Свисток»; Гнездич Д. – «Епифан»; Демидов В. – «Петя», «Петруха», «Ушастый»; Макеев А. – «Саша Большой»; Григорьев С. – «Стас»; Заводчиков А. – «Тоха»; Шитов Н. – «Грузин»; Гнездич О. – «Грязный», «Гриша»; Поветкин И. – «Молодой»; Цыганов С. – «Москвич»; Званский И. – «Акула», «Зван»; Сладков С. – «Сласть», «Малёк»; Саночкин Е. – «Мясник», «Джексон»; Гнездич В. – «Сёма»; Болтруков С. – «Болт»; Ботвиньев О. – «Родинка», «Афганец»; Шкрыда А. – «Хацик»; Якунин В. – «Вовчик».

Каждое бандитское нападение разрабатывалось и тщательно планировалось: производилась предварительная разведка места предстоящего нападения, в необходимых случаях осуществлялось скрытое наблюдение за будущей жертвой, распределялись роли между участниками нападения, подбирались соответствующее оружие.

Тщательно осуществлялся сбор информации об интересующих банду коммерческих структурах и противоборствующих преступных группировках, их составе, связях, мобильности, дислокации, сферах влияния, совершенных и совершаемых правонарушениях, полученных доходах, а также сбор компрометирующих материалов на их руководителей и отдельных членов. Всё это заносилось Лабоцким в специальный журнал, который хранился на конспиративной квартире.

Исходя из полученных данных, ряд коммерческих структур облагался регулярной «данью». Средства шли на текущие нужды: приобретение автомашин, оружия, специальной техники, оплату аренды квартир, выдачу денежного содержания,

приобретение бензина, ремонт автомашин, поездки в различные регионы страны. Нужны были деньги и на оплату услуг отдельных представителей правоохранительных органов, которые в обход закона предоставляли бандитам интересующие их сведения и «отмазывали» в тех ситуациях, где это было возможно (это нашло свое подтверждение в добытой оперативным путем аудиозаписи разговора члена банды Томака с одним из сотрудников ОУР УВД г. Новокузнецка; материалы в отношении продажных правоохранителей были выделены в отдельное производство и направлены для расследования в прокуратуру Кемеровской области).

Передел сфер влияния

Лабоцкий поставил перед собой цель объединить все преступные группировки Кузбасса под своим началом и захватить сырьевой рынок региона. Во имя этого велись переговоры между «авторитетами» преступного мира и коммерсантами различных уровней. Лица, которые отказывались от сотрудничества, физически устранились.

В тот период в Новокузнецке кроме банды Лабоцкого действовали преступные группировки «Шипы», «Фетиса», «Елистрата», «Запсибовские» и др. Каждая группировка имела свои зоны влияния, за которые велись постоянные войны. Главари и члены этих группировок смертельно ненавидели друг друга, поэтому в основе начавшихся между ними кровавых разборок лежала также личная неприязнь: каждый из главарей стремился показать, что он круче других и пользуется значительно большим влиянием в городе.

Группировки «Фетиса» и «Шипы», названные по именам возглавлявших их криминальных «авторитетов» Фетисова и Шипилина, считались воровскими. Они стремились подчинить себе все остальные группировки и заставить их жить по воров-

ским законам: платить деньги в «общак», заниматься вымогательством денег у коммерсантов только в своей зоне влияния, все свои «наезды» согласовывать с ворами. Им покровительствовал «вор в законе» Коростылёв по кличке «Коростыль». Однако остальных это не устраивало, поскольку каждый хотел урвать себе кусок пожирнее.

Первой под удар людей Лабоцкого попала группировка Николая Селиванова. Несколько «селивановских» бойцов были порублены топориками в одном из кафе в пос. Заречном. Лабоцкий действовал жестко и бескомпромиссно. С простыми бригадами он не разговаривал, выходя на «стрелку» только с «авторитетами». Он предпочитал сразу показать себя. Однажды, в начале 1990-х, когда его бригада только захватывала под себя новые объекты, Лабоцкий и его люди прибыли на встречу с другой «крышей» с гранатами с выдернутой чекой. Связываться с такими отморожками мало кто горел желанием. При этом в банде были как люди с самых низов, циничные и не знающие жалости, там и выходцы из приличных семей.

«Селивановские» уступали одну точку за другой. Тогда же к Лабоцкому пришел Дмитрий Кондрашов, в последующем ставший первым киллером банды. Позже в качестве «второго номера» к нему присоединится Вячеслав Кривицкий. Когда все объекты Селиванова оказались в руках Лабоцкого, тот наметился на новую группировку – «авторитета» Шипилова. Главарь был убит, а его территории были поглощены «лабоцкими». «Воры в законе», курировавшие регион, разумеется, были в курсе появления новой банды и ее действий. Но не вмешивались, пока их интересы не страдали. Постепенно территория «лабоцких» росла, и Владимир стал заглядываться на центр города, находившийся под контролем «Шмеля» и «Коростыля».

Лабоцкий принял решение устранить «Коростыля». Для начала он лично предложил «законнику» убраться из города. Разумеется, Коростылёв и не подумал отступить и попытался урезонить «спортсмена». Закончилось это тем, что в октябре 1992 г.

Коростылёв был расстрелян на кладбище г. Прокопьевска двумя киллерами во время похорон родственницы. После его смерти «вором в законе» стал Шмелёв. Впечатлившись жестким разговором с Лабоцким, «Шмель» решил на время отойти в сторону, у воровского сообщества было полно и других проблем.

В итоге за бандой Лабоцкого осталась половина Новокузнецка, включая самые доходные объекты малого и среднего бизнеса. Кроме того, под их контролем были мелкие поселки и городки в округе. Крупные предприятия и шахты контролировались более серьезными людьми, туда Лабоцкий не совался, ему платили дань лишь так называемые «черные копатели», ведущие промысел угля недалеко от официальных шахт и разрезов.

По приказу Лабоцкого участники его банды стали выслеживать и устранять наиболее активных членов противоборствующих преступных группировок.

Весной 1992 г. на одной из заправок Новокузнецка члены группировки Лабоцкого были обстреляны. Удалось установить, что к этому причастны «фетисовцы», среди которых был Гнездич С. Банда Лабоцкого его отловила и «расколола». Тот назвал всех участников нападения, многое рассказал о группировке Фетисова, всех сдал. Разговор был записан на видеопленку, затем показан Гнездичу, после чего его тут же перевербовали и заставили шпионить среди «фетисовцев». Тот собрал компромат на свою группировку, записав на видеопленку откровения наиболее активных ее членов. В одном из таких видео Мальцев, заместитель Фетисова и ближайший друг Гнездича, делился планом ликвидации наиболее активных членов банды Лабоцкого. Ознакомившись с видеозаписями этих откровений, Лабоцкий поручил Барыбину организовать убийство Мальцева. Чтобы окончательно связать Гнездича с бандой, Барыбин поручил именно ему вместе с Кондрашовым для проверки их деловых качеств совершить нападение на Мальцева и убить его. Гнездич согласился.

Около 8 часов утра 2 июня 1992 г. в г. Новокузнецке Гнездич и Кондрашов, вооружившись пистолетом иностранного производства, обрезом охотничьего ружья 16-го калибра и двумя ножами, проникли в квартиру Мальцева. Гнездич выстрелил из пистолета, а Кондрашов из обреза. Мальцев был убит. Чтобы запутать следствие и создать видимость большого количества участников преступления, бандиты нанесли потерпевшему еще несколько ударов разными ножами и поспешно скрылись.

Трудно представить их нечеловеческую жестокость и лицемерие. Так, Гнездич, будучи убийцей Мальцева, проявил истинные артистические данные. Чтобы отвести от себя подозрение, он организовал пышные похороны и поминки, во время которых по-настоящему плакал, клялся найти убийц и отомстить за смерть «друга»...

11 августа 1992 г. в г. Новокузнецке по приказу Лабоцкого Кривицкий совершил покушение на убийство Московкина, возглавившего после убийства Мальцева преступную группировку «Фетиса».

Стремясь укрепить свое положение в банде Лабоцкого и заслужить доверие ее главарей, Гнездич (попутно преследуя цель завладения ведущими позициями среди преступных группировок в Новокузнецке, а также на почве мести за то, что потерпевший одно время сожительствовал с его женой) организовал убийство Мокроусова, возглавлявшего одну из противоборствующих преступных группировок. Зная о том, что между Мокроусовым и членом банды Кондрашовым сложились неприязненные отношения (Мокроусов неоднократно избивал Кондрашова), Гнездич разработал план убийства Мокроусова и поручил Кондрашову осуществить его. Кондрашов, стремясь отомстить потерпевшему за избиение, а также преследуя корыстные мотивы (получение материальных благ и денежного содержания от руководителя банды за свою преступную деятельность), охотно взялся за подготовку этого преступления.

Далее события опять приобретают театральный характер. Преступники не просто убивают друг друга, но и делают это «со вкусом». В течение нескольких дней Кондрашов следил за жертвой с целью выбора места и времени, наиболее благоприятных для совершения убийства. Опасаясь, что Мокроусов может его узнать, Кондрашов загримировался под старика-бомжа, приклеил бороду и усы, надел очки, переоделся в старую одежду и надвинул на лоб шапку. Вооружившись обрезом двустольного охотничьего ружья, вечером 7 января 1993 г. он пришел во двор дома, где проживал потерпевший, и стал его поджидать. Когда около 18 часов там появился Мокроусов, Кондрашов под видом просящего милостыню приблизился к нему. Мокроусов, не узнав Кондрашова, дал ему 50 рублей. Тут же Кондрашов достал обрез и двумя выстрелами в спину убил его.

Вошедшие во вкус бандиты не только расширяли сферы своей деятельности, наращивали темпы и масштабы преступных действий, но и занимались кадровыми вопросами, заботясь о своей смене. Более того, они пытались идейно обосновать свою деятельность, внушая определенные моральные (вернее, аморальные) установки молодым членам банды.

Так, в 1993 г. по указанию Барыбина Гнезнич С. поручил своему племяннику Гнезничу Денису создать в Новокузнецке преступную группировку из числа своих сверстников, которых в дальнейшем можно было использовать в качестве резерва банды. Под руководством Гнезнич Д. и под присмотром Гнезнич С. члены группировки проходили своеобразную школу, получали необходимые для дальнейшей «работы» навыки.

По свидетельству Олега Гнезнич (еще одного представителя этого семейного клана), «Денис Гнезнич требовал, чтобы дисциплина была железной: нельзя ходить на дискотеку чтобы не светиться, нельзя пить водку, курить, не говоря уже о наркотиках. Надо было жить так, чтобы не попасть в милицию и не иметь с ней никаких проблем. Нельзя задавать лишние вопросы в отношении других, каждого должна интересовать только его работа».

Внушение ненависти к врагам «организации» также являлось одним из основных пунктов обработки сознания. Членам банды объясняли, что враги – это главным образом представители организованной преступности, которые не имеют здравого рассудка, так как в основном являются наркоманами и прогнившими бывшими зеками, которые привыкли к своей безнаказанности, поэтому лезут туда, куда не следует, мешая всем жить. Они считают себя представителями преступного мира, перед которыми все должны встать на колени, пытаются уничтожить тех, кто не платит деньги в их «общаки» и не подчиняются их законам и «авторитетам». «Пока они не поймут, что в этой жизни им не всё позволено, пока они будут посягать на наши интересы, мы будем их сначала предупреждать, а кто не поймет, того уничтожать», – так Олег Гнезнич резюмировал «миссию» банды в своих показаниях.

Особый интерес представляет письмо Олега Гнезнич, которое он написал на мое имя, описав, как менялись его взгляды за время пребывания в банде. Приведу его практически полностью, потому что оно очень верно отражает сложившуюся ситуацию.

На тот момент я уже видел в «организации» не простую преступную группировку, а что-то похожее на спецподразделение из фильмов про контрразведку. Эта неординарность, а также перспективы манили меня, и я окончательно решил следовать законам «организации» и беспрекословно выполнять все приказы... Будь я старше тогда и поумнее, я бы не совершил эту неправую ошибку – ошибку, которая сгубила мне жизнь.

Будучи одержимым этой философией, я в какой-то мере ощущал себя не грязным убийцей, а борцом с преступностью, и это помогало мне оправдывать перед самим собой свои поступки, считая их правильными. Это мне помогало сгладить в своей душе, насколько это возможно, чувство вины от содеянного. Кроме всего, во мне появилась ненависть к врагам «организации», я был зол на них за то, что они есть, за то, что они встают на

пути «организации» из-за своей глупости, а мне приходится из-за них против них же самих совершать преступления.

Мы не имели много денег, выдаваемую нам заработную плату можно было потратить только на питание. Соблюдался принцип «Голодный человек – хищник, сытый – жертва». Всё нажитое добро, автомобили, видео, аудиотехника, принадлежало якобы всем, а на самом деле всё это принадлежало лишь руководителям «организации», а не «народу».

В конечном итоге страх за свою жизнь перевоплотился во мне в расчет. Я просто знал: совершу ошибку – умру, но паники от этого не испытывал, потому что осознавал безысходность своего положения. По конкретным примерам видно, что даже когда люди знали, что умрут через несколько часов, они не пытались противостоять этому, не сопротивлялись, потому что у них преобладало чувство безысходности. Почему люди не видели выхода? Потому что им внушили, что его нет, и они в это верили.

Я боялся того, что у «организации» есть связи, благодаря которым меня либо выдадут в руки «организации», либо повесят на меня все нераскрытые убийства. Такая практика, увы, существует в нашей правоохранительной системе. Итог этого – смерть.

Страшно то, что в состоянии безысходности я не испытывал жалости к кому-либо и смотрел, как вокруг гибнут близкие мне люди, без каких-либо эмоциональных чувств. Думая об этом сейчас, я ужасаюсь, но понимаю, что человек, стоящий в очереди, ведущей в печи крематория, не может жалеть стоящих впереди людей, он понимает, что обречен на смерть и завидует тем, кто уже сгорел, для них весь ужас ожидания смерти окончился.

Психологический климат в банде, несмотря на видимую сплоченность ее членов, был крайне нездоровым. Так, характеризуя сложившуюся атмосферу в банде, Олег Гнездищ указал: «Отношения между членами банды были построены на недоверии друг к другу: сегодня мы могли сидеть за дружеским столом, а завтра, получив приказ Барыбина, убить один другого, в противном случае другие убьют нас обоих».

Так, при вступлении в банду Демидова, Сладкова и Званского Гнездищ Д. потребовал в качестве «вступительного взноса» в течение трех дней убить их товарища Лищенко, одного из лидеров преступной группировки, в которой они ранее состояли. Вечером 3 июня 1993 г. Лищенко был ими убит. На его могиле во время похорон все трое поклялись найти убийцу и отомстить за смерть «друга».

В процессе расследования этого эпизода следственной группе удалось добыть материалы о том, что вышеуказанное убийство могло быть раскрыто по горячим следам, поскольку практически сразу после его совершения в ходе оперативно-разыскной деятельности было получено сообщение о причастности к этому преступлению Демидова, однако оно осталось без внимания.

Спустя полгода такая же участь постигла еще одного видного воровского «авторитета» – Шипилова.

Значительную помощь в раскрытии преступлений, совершенных членами банды Лабощкого-Барыбина, сыграла судебно-баллистическая экспертиза. К моменту принятия уголовного дела к своему производству Генеральной прокуратурой РФ ряд судебно-баллистических экспертиз был уже проведен. Следует отметить довольно низкую квалификацию судебных баллистов местного УВД, в связи с чем ряд существенных вопросов был разрешен неверно, а часть из них и вовсе не разрешена. Направляемые в федеральную пулегильзотеку образцы стреляных пуль и гильз, изъятых с мест происшествий, не исследовались. Поэтому после принятия дела к своему производству, очертив примерный круг преступлений, к совершению которых, по моему мнению, были причастны члены банды, я назначил повторную комплексную судебно-баллистическую экспертизу, производство которой поручил экспертам Российского федерального центра судебных экспертиз МЮ РФ.

Перед этим была проведена большая работа по отысканию необходимых для исследования объектов – пуль, гильз, пыжей,

изъятого оружия и сохранившихся слеодообразующих частей от него. Причем на экспертное исследование были направлены объекты, изъятые не только на территории Кемеровской области, но и на территории Москвы и Московской области. Вскоре правильность этого решения получила свое подтверждение: были получены данные о том, что эти объекты «грязные», то есть использовались при совершении преступлений на территории других регионов.

Так, патроны, использовавшиеся при убийстве Лищенко, также использовались при убийствах Тарнопольского, Когтева, Умеренкова, Усенковой. Об этом помимо внешних совпадающих признаков свидетельствовала и своеобразная смесь дробы, применяемая преступниками. Кроме того, по заключению биологической экспертизы в микрочастицах с пыжей, извлеченных из трупов Лищенко и Мокроусова, были выявлены ботанические таксономические признаки, имеющие общую родовую принадлежность.

Оружие, использовавшееся во время убийства Шипилова и покушения на убийство Трусова, применялось и при покушении на убийство лидера чеченской диаспоры Демельханова. Пистолет Макарова, части которого были обнаружены в отстойнике шахты им. Дмитрова, был использован при убийстве Гнездича С., совершенном в Москве, и Иванова и Тищенко, совершенных в Новокузнецке. Оружие, изъятое у Ботвиньева, использовалось при совершении убийств Лабоцкого, Тертышного и Бурова.

Выводы судебно-баллистических экспертиз также подтвердили факты замены бандитами стволов и слеодообразующих деталей используемого оружия: следы на пулях были различные, а на гильзах – идентичные.

Не знали пощады члены банды и к своим оступившимся «коллегам».

В январе 1993 г. Саночкин, Кудрявцев и Абрамов, узнав о том, что Якимов (все – члены одной банды) утаивает часть денежных средств, собираемых в качестве «дани» с отдельных

лиц, занимающихся коммерческой деятельностью в Новокузнецке, с одобрения Гнездича С. путем обмана заманили его в безлюдное место и убили. С целью сокрытия трупа преступники перетащили его в лес, облили бензином и подожгли, а затем забросали снегом, а сами скрылись с места преступления, не забыв снять с трупа золотой крест на цепочке.

Московский период банды

В это время в Москву для захвата рынков сбыта природных ресурсов Кузбасса за границу и получения неконтролируемой прибыли из Кемерово приехали лидеры преступного мира Безруков, Климов, Шишкин, из Новокузнецка в Москве оказались Мисюрин, Фетисов, братья Воробьевы и другие.

В начале своей деятельности все выходцы из Кемеровской области объединились для противодействия столичному преступному миру. С этой целью пошел активный подбор боевиков с мест, откуда они прибыли. Так, Мисюриным и Фетисовым в Москву был приглашен Лабоцкий со своей преступной группировкой.

Собрав значительные силы, обзаведясь коррумпированными связями в органах власти и управления, «авторитеты» преступного мира Кузбасса начали делить сферы влияния, как у себя на родине, так и в Первопрестольной.

Лабоцкий, приглашенный в Москву для «черновой» работы, почувствовав значимость, стал требовать свою долю в прибыли. Таким образом интересы Мисюрина, Фетисова и их группировок переклестнулись с интересами Лабоцкого. Он поставил перед собой цель объединения всех преступных группировок Кузбасса под своим началом и захвата сырьевого рынка региона. Для этого им велись переговоры с «авторитетами» преступного мира и коммерсантами различных уровней. Лица, которые отказывались от сотрудничества, физически устранялись.

Лабоцкий был очень жесток и расчетлив. Он всегда находился на шаг, а то и на два шага впереди своих конкурентов. Мог заранее тщательно подготовить место встречи с конкурирующей бандой и отправиться на переговоры без оружия в обманчивом одиночестве (тогда как численность активных членов преступной группировки Лабоцкого-Барыбина в 1995 г. составляла 53 человека, на различных этапах принимали участие еще 25 человек).

Так было и с «люберецкими». Лабоцкий пришел на «стрелку» вроде бы один и без оружия. Выслушав всё, что о нем и его бандитах думают «люберецкие», Лабоцкий предложил им оглядеться по сторонам. Со всех сторон из кустов на участников встречи были направлены стволы. После этого «люберецкие» молча сели в свои иномарки и поспешили скрыться. Больше они никогда не имели претензий к Лабоцкому. Своим напором Лабоцкий сумел потеснить даже «Солнцевскую» братву.

Лабоцкий ни во что не ставил московских «авторитетов», открыто называл их белоручками и всерьез собирался со временем взять под контроль все столичные ОПГ. Возможно, у него были на это шансы. О банде Лабоцкого рассказывали такое, что люди, столкнувшись с его бандитами, впадали в состояние, близкое к анабиозу. Говорили, что члены его команды настолько вымуштрованы главарем, что не смеют ему перечить ни в чем, зная, что за непослушанием последует жестокая кара вплоть до расстрела. Лабоцкий привез из Англии какую-то супернавороченную технику для прослушки и знает всё, что о нем говорят приближенные и конкуренты, а также устраивает видеослежку за «клиентами», которых собирается убить. К жене Лабоцкого приставлен телохранитель, без которого она не выходит на улицу, ей даже запрещено посещать подруг – она имеет право лишь гулять с ребенком.

Сам лидер в столице постоянно не жил, а бывал время от времени, соблюдая конспирацию. В Москве постоянно остава-

лись остальные участники банды, разбитые на «пятерки». Члены каждой группы получали указания от своего бригадира и не общались друг с другом. Бригадиры же, в свою очередь, общались с заместителями Лабоцкого, но никогда с ним самим.

Следует отметить, что при совершении убийств члены банды в ряде случаев, чтобы отвести от себя подозрения, подбирали улики, указывающие на то, что это преступление совершили члены других преступных группировок. А чтобы не вызвать подозрение у своих жертв, маскировались под проституток, пьяных бомжей, семейные пары, прогуливающиеся с детской коляской, в которой прятали автоматы. По свидетельству Землянского А. в Москве было несколько случаев, когда Кондрашов вплотную подходил к нему загримированным, и узнавал он его лишь только тогда тот в шутку заявлял: «Вот ты и попался».

Именно так 22 января 1994 г. в Москве у здания Центра международной торговли было совершено покушение на убийство Мисюрина, Валеева, Заславского и Сафонова.

Лабоцкого считали кем-то вроде супермена. Для него были нормой ежедневные 15-километровые кроссы, занятия на тренажерах и в бассейне, а курение, алкоголь и наркотики были абсолютным табу.

Осенью 1993 г. Барыбин из корыстных побуждений в дальнейшем получать материальные блага от действовавшего в интересах банды ТОО «АЕС Триплекс», организовал в Москве бандитское нападение и умышленное убийство бывшего сотрудника КГБ СССР Розенберга, являвшегося соучредителем и финансовым директором этого ТОО и потребовавшего после своего увольнения раздела имущества общества и выдачи его доли.

По указанию Барыбина Гнездич, Кондрашов и Кривицкий в г. Красногорске Московской области утром 21 ноября 1993 г. застрелили Розенберга из обрез на глазах его жены и родственников.

Убийство Владимира Лабоцкого

К лету 1994 г. Барыбин, пройдя школу Лабоцкого по руководству бандой и набравшись опыта организации преступлений, почувствовал за собой силу. Аппетиты его значительно возросли, он оброс нужными связями, многие вопросы мог уже решать самостоятельно. По сути, он созрел для самостоятельной деятельности.

В это же время началось тесное сотрудничество Барыбина с руководителями фирм «ФУС Триплекс» Мустафаевым и Розенбергом, Буровым из «Метрофарма» и Шишковым из «Русикона». Спустя некоторое время указанные коммерсанты, познакомившись поближе и поняв, что на самом деле представляет из себя Барыбин, перестали один за другим иметь с ним какие-либо дела. В ответ на это Барыбин стал действовать своими методами – последовали убийства Бурова, Шишкова и Розенберга.

Но на пути Барыбина к «главной роли» стоял Лабоцкий, который его контролировал. Всё настойчивее стали распространяться слухи об интригах, которые Барыбин плел в отсутствие шефа – такого «сепаратизма» со стороны своего зама Лабоцкий вынести не мог. Он сделал из этого определенные выводы и, хотя и продолжал общаться с Барыбиным, решил держаться от него подальше. Это выразилось в том, что весной 1994 г. он переехал на постоянное место жительства в Санкт-Петербург и перевез туда свою семью. В Москве он бывал теперь только наездами, и никто, кроме родного брата, не знал его нового адреса (однако накануне своей последней поездки Лабоцкий, никогда не сообщавший своей сожительнице Брюховой Ю. куда и зачем он едет, оставил ей телефон, по которому следовало его искать в критической ситуации).

Барыбин же, оставаясь безнаказанным и почувствовав «вкус крови», уверовал в свою силу. Иного пути к достижению безраздельного властвования в банде и получению единолично

Труп В. Лабоцкого на месте преступления

всех доходов от преступной деятельности, кроме физического устранения Лабоцкого, у него не было.

Он нашел единомышленников в лице Гнездича С. и Кривицкого. По его предложению Кривицкий изготовил и испытал взрывное устройство, взорвав полгаража. Затем было изготовлено еще одно устройство, несколько меньшей мощности, которого хватило бы на убийство Лабоцкого и его телохранителей. Оставалось дожидаться появления Лабоцкого.

21 июля 1994 г. в московской квартире Барыбина, расположенной в конце Ленинского проспекта появился Лабоцкий. Он намеревался поговорить с Барыбиным наедине, поэтому, зайдя в подъезд дома, на время отпустил телохранителей. Около 16 часов Барыбин предложил Лабоцкому продолжить разговор на улице, где в укромном месте их поджидал вооруженный пистолетом Гнездич. Перед тем, как выйти из квартиры, Барыбин под благовидным предлогом передал

*Удостоверение Мастера спорта по вольной борьбе,
по которому была установлена личность В. Лабоцкого*

Лабоцкому целлофановый пакет с замаскированным взрывным устройством, который тот положил в свой портфель. На улице Лабоцкий что-то заподозрил и попытался уйти, но тут раздался взрыв. В результате взрыва Лабоцкому были причинены множественные ранения конечностей и передней поверхности груди, однако он остался жив. Тогда Барыбин при подстраховке Гнезди-ча двумя выстрелами из пистолета в голову добил его.

При осмотре места происшествия у потерпевшего было найдено несколько документов на разные фамилии. Среди них – удостоверение мастера спорта СССР по вольной борьбе на имя Лабоцкого В.А. Благодаря этому документу удалось установить, что Лабоцкий является не только жителем города Новокузнецка, но и лидером одной из его преступных группировок.

Гражданская жена Лабоцкого Брюхова Ю. опознала мужа по шрамам на правом колене и ключице.

Стремясь хоть как-то реабилитировать себя, Барыбин распустил слухи о том, что за убийство одной важной персоны Лабоцкий должен был заплатить членам банды крупную сумму денег, но этого не сделал. Рядовым членам банды его версия была представлена проще (в соответствии с их пониманием справедливости): как месть за смерть одного из членов их группировки – Дениса Гнезди-ча, к которой якобы был причастен Лабоцкий. Такое объяснение всех устроило, и Барыбин стал безраздельным главарем банды.

В ходе расследования данного эпизода меня смутил один факт: в дневное время в густонаселенном московском дворе не оказалось ни одного очевидца данного преступления. Об этом же свидетельствовали многочисленные рапорты и справки сотрудников милиции, проводивших оперативно-разыскные действия в ходе первоначального расследования. Перед членами следственно-оперативной бригады была поставлена задача произвести повторный поквартирный обход близлежащих домов. И эта работа принесла самые неожиданные результаты. Нам удалось найти не только очевидцев данного преступления, но и ряд вещественных доказательств. В частности, были установлены свидетели, которые рассказали об обстоятельствах убийства и описали одежду, в которую был одет убийца. Впоследствии это позволило опровергнуть версию Барыбина о том, что всё было наоборот и это Лабоцкий пытался его подорвать, но не рассчитал и подорвался сам. Более того, один из свидетелей прямо опознал Барыбина как убийцу Лабоцкого. У Барыбина была изъята одежда, в которую он был одет в момент убийства.

Еще в январе 1993 г. Гнезди-ч С. по указанию Лабоцкого и Барыбина «подтянул» к «лабоцким» преступную группировку Тертышного, действовавшую в Новокузнецке. Эта группа вошла в состав банды Лабоцкого и совершала различные преступления в Новокузнецке. После ареста членов группы

Тертышного осенью 1993 г. по указанию Гнездича Тертышный переехал в Москву, где до августа 1994 г. выполнял различные указания руководителей банды и принимал участие в совершении преступлений.

В конце августа 1994 г. Барыбин и Гнездич, заподозрив Тертышного в нарушении установленной в банде дисциплины, а также с целью сокрытия ранее совершенных с его участием преступлений, разработали план ликвидации «отступника». По их замыслу, убийство планировалось совершить в присутствии Кулешова, занимавшегося коммерческой деятельностью. Они хотели оказать на предпринимателя психологическое воздействие, чтобы затем использовать его в своих интересах.

Днем 29 августа 1994 г. Барыбин и Гнездич обманным путем вывезли Тертышного и Кулешова на территорию Дмитровского района Московской области, где в лесном массиве Гнездич на глазах Кулешова трижды выстрелил в Тертышного из пистолета ТТ. Когда тот пытался бежать, Барыбин выхватил у Гнездича пистолет и выстрелом в голову убил Тертышного.

В ходе расследования следователям не удалось разыскать гипсовые слепки с обнаруженных рядом с трупом следов протекторов покрышек автомашин, ранее они были утеряны, но в деле имелись фотографии этих следов. Трасологическая экспертиза позволила установить, что один из следов оставлен колесом автомобиля «Мерседес-500», на котором в то время ездил Гнездич. Судебно-биологическая экспертиза подтвердила, что сигарета, окурок которой был обнаружен на месте происшествия, могла быть выкурена Гнездичем. При обысках у членов банды было обнаружено принадлежавшее Тертышному имущество, которое после его смерти неожиданно исчезло.

Под руководством Барыбина было организовано несколько бандитских нападений и умышленных убийств, в частности заместителя генерального директора АО «Русикон» Шишкова (за то, что тот пытался ликвидировать МП «Интема», которое действовало в интересах банды). При этом использовалась

связь с коррумпированным старшим оперуполномоченным 7 отдела РУБОП ГУВД Москвы подполковником милиции Солдатовым А.Н., выполнявшим отдельные поручения Барыбина в интересах банды за крупные взятки.

Еще одной жертвой безжалостной бригады Лабоцкого стал директор филиала Московского кожевенного завода. Бандитам понравился офис предприятия, а тот категорически отказался уступать им помещение. Тогда отморозки по старинке решили ликвидировать неговорчивого бизнесмена. Правда, сначала, по ошибке, допущенной Солдатовым, они перерезали горло обычному слесарю Меньшенину, внешне похожему на коммерсанта. Впрочем, немногим позже киллеры выследили настоящего директора на западе Москвы и застрелили во время прогулки.

В процессе работы по делу я хорошо изучил психологию арестованных бандитов, состав которых был далеко не однозначным. Одни интересовались литературой, музыкой, искусством, спортом, другие, хотя и скрывая это, были привязаны к семье и т.п. Мне и некоторым следователям следственной бригады удалось установить хороший психологический контакт с рядом обвиняемых. Воздействуя на положительные черты их характера, нам удалось убедить их дать правдивые показания по делу, а также рассказать о преступлениях, неизвестных следствию.

Гнездичи

Несколько слов о семействе Гнездичей, некоторые члены которого были активными участниками этого бандитского формирования. Глава семейства Гнездич Вильгельм Дмитриевич был действующим сотрудником милиции. Его отцом был известный в свое время липецкий художник Гнездич Дмитрий Иванович, работавший под псевдонимом Гнездич-Гнездилов-Елецкий. Свободное от работы время живописец любил заниматься антиквариатом. Свою любовь к антиквариату он

Сергей Гнезди́ч (Никонов)

передал старшему сыну Александру Землянскому, известному в Новокузнецке бизнесмену.

Средний сын Владимир (кличка «Семён») с 1984 г. возглавлял преступную группировку, известную в Новокузнецке как «Семёновцы», занимавшуюся рэкетом. В конце 1980-х был осужден к лишению свободы за причинение тяжких телесных повреждений. Ему передан дар деда к рисованию.

Младший сын Сергей (кличка «Суска») тоже создал свою преступную группировку, занимавшуюся рэкетом, а затем перешел в банду Лабощкого и возглавил силовой блок банды. Именно его «бойцы» совершили практически все «акции» по устранению неугодных. По отзывам знавших его, характеризовался как харизматичный, расчетливый, наглый человек, готовый к любому риску и предпочитавший силу любому разговору. С криминальными «авторитетами» не считался. С целью избежать уголовной ответственности за прежние преступления Сергей Гнезди́ч сменил свою фамилию на Никонов.

По стопам родителей также пошли сын Александра Олег и сын Сергея Денис.

Все Гнезди́чи имели негласные отношения с местными сотрудниками милиции, в том числе и с начальником местного уголовного розыска.

О том, что его сыновья и внуки занимаются бандитизмом, глава семейства узнал только после их арестов и до конца своей жизни так и не простил их за это.

Во время одного из допросов ко мне с неожиданной просьбой обратилась сестра Гнезди́чей – Байбердина Екатерина. Она попросила раскрыть убийство ее племянника Дениса, возглавлявшего так называемую «молодежную группировку» банды Лабощкого, пообещав за это оказать негласно определенную помощь в расследовании основного уголовного дела. Я истребовал приостановленное уголовное дело об убийстве Гнезди́ча Дениса, изучил его и поручил расследование одному из следователей группы. Вскоре это убийство, совершенное одним из членов противоборствующей группировки, было раскрыто и направлено в суд. Екатерина сдержала свое слово, сообщив ряд ценных сведений, сыгравших положительную роль в расследовании.

Убийство Сергея Гнезди́ча

В начале декабря 1994 г., находясь в Москве, Барыбин, опасаясь, что Гнезди́ч С. выйдет из-под его контроля, в целях усиления своего авторитарного руководства бандой, а также для сокрытия преступлений, совершенных бандой с участием Гнезди́ча, решил его ликвидировать.

Утром 7 декабря 1994 г., вооружившись пистолетом Макарова с прибором для бесшумной стрельбы, Барыбин проник в квартиру на ул. Айвазовского, снимаемую Гнезди́чем. Воспользовавшись тем, что теща потерпевшего Ищук находилась на кухне, а жена Грекова спала, он пробрался в ванную комнату, где мылся Гнезди́ч, и двумя бесшумными выстрелами из пистолета в голову и ударом ножа в область шеи убил его. Выйдя из ванной комнаты, Барыбин не мог сдерживать эмоций и выкрикнул: «Я тебя убил!»

После этого, стремясь избежать огласки обстоятельств совершения этого убийства, Барыбин предложил Ищук и Грековой немедленно покинуть Москву. Поскольку ближайший авиарейс на Новокузнецк был только вечером, он, стремясь

ограничить контакты Ищук и Грековой, отвез их к себе на квартиру. Туда же Барыбин вызвал Цыганова и Заводчикова и вместе с ними поехал в школу № 158, где во втором классе учился сын Гнездица Миша. Представившись отцом, Барыбин забрал ребенка и его документы, сославшись на необходимость срочного выезда в Новокузнецк по семейным обстоятельствам, затем доставил ребенка к его матери и бабушке и привез с квартиры убитого их личные вещи.

Предупредив Ищук и Грекову, что им следует молчать о его причастности к этому убийству, Барыбин отвез их в аэропорт, купил билеты и проследил, чтобы они улетели в Новокузнецк.

В ходе следствия Барыбин дал противоречивые показания о мотивах этого убийства. Сначала он утверждал, что совершил его в состоянии аффекта, затем – в состоянии необходимой обороны, затем – из опасения, что Гнездиц убьет его. Будучи уличенным во лжи, Барыбин и вовсе заявил о своей не причастности к этому убийству и отказался давать показания.

Допрошенный Цыганов показал, что после убийства Гнездица Барыбин рассказал ему следующее: знакомый шаман предупредил Барыбина о том, что скоро его убьет лучший друг, причем не сам, а с помощью двоих подручных, и посоветовал ему уехать из города. Барыбин решил, что эти люди – Гнездиц С., Кондрашов и Кривицкий. С этого момента их участь была решена. Самому Цыганову Барыбин при этом заявил, что если бы он заподозрил и его в каком-либо злом умысле, то также убил бы, не раздумывая.

«Шаманом» оказался Гончаров, который подтвердил свою встречу с Барыбиным накануне. Он нашел его очень взвинченным и нервным – наряду с манией величия у него проявлялись признаки мании страха. Барыбин высказывал ему опасения в отношении какого-то своего конкурента, с которым имеет общее дело. Каких-либо предсказаний о предстоящих угрозах он Барыбину не делал, но сказал, что весной 1995 г. у него будет тяжелый период в жизни.

Брат Сергея Гнездица Владимир («Семён») в ходе допроса заявил, что Барыбин убил Сергея из-за его возросшего авторитета в Москве – к нему стали обращаться, минуя Барыбина. Прослушивая телефонные разговоры, Барыбин понял это и не захотел мириться с перспективой отойти на «вторые роли».

Мотивом убийства Гнездица С. явилась ожесточенная борьба за лидерство в банде, жертвами которой уже стали Лабоцкий и Тертышный. Кроме того, устранив Гнездица и Тертышного, Барыбин избавлялся от свидетелей, хорошо осведомленных о его преступной деятельности, а в глазах оставшихся членов банды создавал образ жестокого руководителя, не останавливающегося даже перед принятием крутых мер, вплоть до убийства самых активных и авторитетных членов банды.

Убийство Кондрашова и Кривицкого

Барыбин остался в Москве. Опасаясь мести со стороны Кондрашова и Кривицкого за убийство Гнездица и стремясь уничтожить следы других преступлений, совершенных этими лицами в интересах банды, он решил их убить. С этой целью вечером 9 декабря 1994 г. он вызвал их к себе на квартиру, расположенную на Литовском бульваре. Там он в присутствии членов банды Цыганова и Заводчикова, а также своей сожительницы Колдиной и малолетней дочери стал обвинять их в убийстве Гнездица. Затем он выстрелом в голову из пистолета ТТ убил Кондрашова, а следом тремя выстрелами из того же пистолета убил Кривицкого. Во время стрельбы им был ранен в правое предплечье Заводчиков.

С целью сокрытия следов убийства Барыбин приказал Цыганову, Заводчикову и Колдиной завернуть трупы в простыни и пледы, смыть многочисленные пятна крови и уничтожить другие следы преступления, сам же собрал и выбросил в контейнер все стреляные гильзы. Под предлогом перевозки вещей

Барыбин попросил своего знакомого Горшкова на следующее утро представить ему грузовую автомашину. Днем 10 декабря 1994 г. Барыбин с участием вышеперечисленных членов банды вывез трупы Кондрашова и Кривицкого на автомашине ГАЗ-33073 на пустырь в районе ул. Саморы Машела, где они и были впоследствии обнаружены.

Колдина, придя в себя от шока, вспомнила, что трупы потерпевших были завернуты в простыни, на которых имелись метки прачечной, по ним можно было легко установить владельца. Барыбин, опасаясь разоблачения, заставил ее пойти вместе с ним в приемный пункт фабрики-прачечной № 24 и указать в бланках заказа ложную фамилию заказчика, вымышленные адрес и номер домашнего телефона. После этого они срочно сменили место своего проживания.

Следствие установило работницу фабрики-прачечной, у которой сохранились черновые рабочие записи с адресом Васильевой, на чье имя Колдина оформила бланки заказов. Эти записи, заявление от имени Васильевой с просьбой о выдаче заказа в связи с утратой квитанции, а также 6 бланков заказа с меткой «690329», идентичной метке, обнаруженной на постельных принадлежностях, в которые были завернуты трупы Кондрашова и Кривицкого, были изъяты. С помощью судебно-почерковедческих экспертиз удалось установить, что эти документы выполнены Колдиной. Также судебно-техническая экспертиза документов установила ранее зачеркнутый адрес, который оказался адресом Барыбина.

При обыске квартиры, где ранее проживал Барыбин, на внутренней стороне входной двери квартиры, обоях кухни, обшивке спинки стула и домашних тапочках были обнаружены следы крови. По заключению судебно-биологической экспертизы была установлена их групповая принадлежность, которая соответствовала группам крови Кондрашова и Кривицкого.

Судебно-медицинская экспертиза трупов потерпевших опровергла утверждения Барыбина о том, что те якобы пыта-

лись напасть на него и убить. Согласно заключению, вначале выстрелом в затылок был убит Кондрашов, а затем в упор был убит Кривицкий, что полностью соответствовало показаниям очевидцев. Кроме того, при обысках у членов банды были обнаружены ювелирные изделия потерпевших, принадлежавшая им радио- и электронная аппаратура, похищенные у них после убийства.

За время существования банды ни один из членов не вышел из нее живым, при этом всего за те или иные проступки было убито не менее 15 человек. Но, даже зная о возможности скорой «ликвидации», бандиты не пытались ее избежать, потому что не верили в такую возможность.

Расследование

Во время работы по делу у меня неоднократно возникал вопрос, почему банда Лабоцкого-Барыбина, действовавшая в Новокузнецке так нагло и открыто, не была разоблачена местными правоохранительными органами. Спустя некоторое время от двух оперативных работников, с которыми у меня сложились дружеские отношения, я узнал, что Лабоцкий и Барыбин являлись агентами Кемеровского ГУВД, имели агентурные псевдонимы «Владимиров» и «Сергеев» соответственно и находились на связи у первого заместителя начальника ГУВД. После того, как уголовное дело было принято к производству Генеральной прокуратурой России, их личные дела и все документы об их негласном сотрудничестве были сотрудниками Кемеровского ГУВД уничтожены.

Поскольку местные преступные группировки были разобщены и враждовали между собой, фактически уничтожали друг друга в междоусобной борьбе, руководство ГУВД, по всей видимости, решило противопоставить «спортсменов Лабоцкого» воровским формированиям и использовать их для борьбы

Пластиковая взрывчатка в виде скотча

с последними, т.е. справиться с организованной преступностью. Поэтому на противоправную деятельность Лабощкого закрывали глаза. По имеющимся оперативным данным члены банды регулярно получали от местных работников милиции предупреждения о готовящихся у них обысках. О том, каким беспределом это закончится, никто не мог и подумать.

Ходили слухи, что Лабощкий и в Москве был на агентурной связи у спецслужб. Якобы у него и лидера Ореховской ОПГ «Сильвестра» (Тимофеева С.И.) был один и тот же куратор из спецслужб. Именно поэтому между их группировками не было никаких разборок. Лабощкий получал долю даже от клуба «Арлекино», контролировавшегося «ореховскими» и «курганскими». Их судьбы были схожи: оба спортсмены, старались не иметь дел с блатными. Однако каких-либо весомых доказательств такой версии во время расследования нам до-

Взрывное устройство

быть не удалось. Правда, некоторые лица, приближенные к Лабощкому, рассказывали мне, что тот неоднократно заявлял им, не вдаваясь в подробности, что в Москве их никто не посадит. А Барыбина неоднократно снимали с федерального розыска. Техническое оснащение банды было достойно современных острорсюжетных боевиков – во время одного из обысков были изъяты взрывчатые вещества и секретные приспособления для взрыва, которые использовались в деятельности ГРУ, а для прослушивания телефонных разговоров использовалась самая современная подслушивающая аппаратура, которую Лабощкий якобы привез из Англии (с ее помощью прослушивался в том числе домашний телефон одного из заместителей министра внутренних дел России).

В процессе работы по данному делу, вскоре после принятия мною его к своему производству, был выявлен один неприят-

ный факт, связанный с входившим в группу следователем по особо важным делам Новокузнецкой прокуратуры Александром Канайловым.

В Новокузнецке, занимаясь на первоначальном этапе расследованием отдельных эпизодов по этому делу, он договорился с родственниками некоторых арестованных бандитов о том, что готов их отпустить из-под стражи под денежный залог. Получив от родственников задержанных преступников 175 миллионов рублей, якобы предназначенных для выпуска их под залог, он освободил бандитов из-под стражи, а деньги присвоил. После соответствующей проверки мною было возбуждено уголовное дело, выделенное в отдельное производство и направленное для дальнейшего расследования следователем Генеральной прокуратуры РФ. Канайлов был арестован и впоследствии осужден к длительному сроку лишения свободы.

С учетом того, что с изменениями в законодательстве предельный срок содержания под стражей обвиняемых сокращался до полутора лет и срок содержания под стражей не прерывался, 19 июля 1996 г. я был вынужден выделить для направления в суд уголовное дело в отношении 28 обвиняемых по 46 эпизодам. 11 июля 1997 г. данное уголовное дело было направлено в суд.

Ни один суд Кемеровской области не мог вместить всех потерпевших и обвиняемых по этому делу и обеспечить безопасность присутствующих, поэтому заседания проходили в здании Новокузнецкого следственного изолятора при значительном усилении охраны помещения и участников процесса.

В судебном заседании Барыбин, в отличие от остальных подсудимых, виновным себя в предъявленных обвинениях не признал и отказался от своих прежних показаний, в которых признавался в совершении ряда преступлений. Симулируя психическое заболевание, он демонстративно не узнавал своих соучастников и потерпевших. Но это ему не помогло.

Большинство же подсудимых говорили о раскаянии, о своих загубленных судьбах, о детях, которые не помнят или не знают отцов. Поветкин И. благодарил судей за то, что те «разобрались в наших делах, дали возможность увидеть, кто есть кто». Демидов В. позавидовал убитым, потому что им не удалось пройти через доставшиеся ему испытания, и просил для себя высшую меру.

Благодаря следователям следственной группы, собравшим огромный фактический материал, изобличающий подсудимых в совершении тяжких преступлений, судебной коллегии удалось объективно и довольно полно исследовать доказательства по делу в совокупности с показаниями, полученными в суде. Прокурор, поддерживающий в судебном процессе государственное обвинение, просила приговорить шестерых членов банды к исключительной мере – смертной казни (к этому моменту высшая мера наказания в России еще не была окончательно запрещена, но на практике уже не применялась).

Суд объединил это дело с ранее направленным в суд уголовным делом по обвинению 5 человек из ОПГ Блинова (один из обвиняемых, Саночкин, также входил в банду Лабоцкого-Барыбина). Таким образом, общее количество обвиняемых составило 32 человека (один из обвиняемых, Ангаков скончался во время процесса от имевшегося у него заболевания). 27 декабря 1999 г., по истечении двухлетнего судебного рассмотрения, все они были осуждены к длительным срокам лишения свободы.

Тем не менее работа по раскрытию преступлений, совершенных бандой, продолжалась. Были установлены и арестованы ранее не известные, а также скрывавшиеся от следствия члены банды, раскрыты убийства Умеренкова, Усенковой, Мальцева, Когтева, Гнездича Д. и покушение на братьев Оздобовых – в Кемеровской области, О Иль Кея, Пака, Измайлова и покушения на убийства Байкова, Чакветадзе, Рябого – в Москве.

Помимо 32 осужденных в 1999 г., еще 6 человек, входивших в банду, были осуждены в 2000-2002 гг.

В общей сложности следственной группой по делу Барыбина и других было раскрыто свыше 100 преступлений, в том числе более 40 умышленных убийств, совершенных как членами банды, так и другими лицами, попавшими в поле зрения следствия.

К сожалению, в связи со смертью ряда членов банды нам не удалось обнаружить трупы убитых ими подельников Сушкова и Посульченко. Также из-за недобросовестного проведения первоначальных следственных действий и утери ряда вещественных доказательств местными следователями мы не смогли раскрыть убийства создателя Российской профессиональной лиги кикбоксинга «КИТЭК» Ступенькова Ю. и некоторых других потерпевших.

Бандитское нападение на физкультурно-оздоровительный комплекс

Хочется остановиться еще на одном ярком эпизоде преступной деятельности банды Лабощкого, который в свое время взбудоражил Москву и не вошел в основное дело в связи с незавершенностью расследования. Расследовался он в числе других эпизодов после направления основного уголовного дела в суд.

Летом 1992 г. в Москве в районе Астраханских бань, расположенных по адресу Астраханский пер., д. 5/9, неизвестными было совершено вооруженное нападение на членов банды Лабощкого Барыбина и Зацепилова, однако последним удалось скрыться.

Барыбин убедил Лабощкого в том, что нападение было организовано лидером одной из межрегиональных организованных преступных групп Шишкиным, выходцем из Кемеровской области, который хотел убить Лабощкого, зная, что тот придет

в баню. Стремясь укрепить свое влияние в криминальных кругах Кузбасса и Москвы, а также с целью мести за совершенное нападение, Лабощкий решил организовать нападение на членов этой ОПГ и убить ее лидеров Шишкина А. и Климова В.

В ходе подготовки данного преступления осенью 1992 г. Лабощкий, зная о том, что члены группировки Шишкина посещают гостиницу, расположенную в Москве по адресу Сверчков пер., д. 8, поручил члену банды Поветкину И. наблюдать за ней, фиксируя на видеокамеру всех посещающих ее мужчин. В течение нескольких дней Поветкин скрытно наблюдал за гостиницей из приспособленного для этой цели автофургона «Москвич», припаркованного напротив входа, фиксируя на видеопленку всех посетителей. В ходе просмотра произведенных видеозаписей Барыбин опознал одного из участников нападения у Астраханских бань Белунова Л., входившего в ближайшее окружение Шишкина и известного под кличкой «Лёня-макинтош».

Спустя некоторое время Лабощкий, сообщив Поветкину госномер автомашины ближайшего помощника Шишкина Брыкина А. и ее марку, поручил путем скрытого наблюдения за ним установить место сбора членов ОПГ Шишкина. В течение осени-зимы 1992 г. Поветкин установил, что члены группировки во главе с Шишкиным в определенное время регулярно собираются в арендуемом ТОО «Рост» физкультурно-оздоровительном комплексе (ФОК), расположенном в помещении московской средней школы № 1006 по ул. Шолохова, д. 9 в Солнцево.

Проанализировав результаты наблюдений Поветкина, Лабощкий поручил Барыбину и Гнездицу С. приступить к подготовке нападения на Шишкина и Климова, а Поветкину – показать им местонахождение этой школы, а также автомашины «Москвич», из которой он вел наблюдение за лицами, посещающими комплекс, и оставленной там до особого распоряжения.

В течение нескольких дней Барыбин и Гнездич также вели скрытое наблюдение за посетителями ФОКа, изучали окружающую обстановку и иные обстоятельства, необходимые для подготовки задуманного нападения. На основе полученных данных Барыбин с Лабощким разработали план нападения на членов группировки Шишкина во время пребывания в ФОКе с целью убийства Шишкина и Климова. Совершение данного нападения Лабощкий поручил Барыбину и Никонову, распределив между ними роли.

В начале января 1993 года накануне нападения Барыбин и Гнездич, получив от Лабощкого два автомата Калашникова, доставили их к месту планируемого нападения и спрятали в фургоне стоявшей там автомашины «Москвич», из которой ранее вели наблюдение. Зная о том, что Лабощкий запретил Поветкину участвовать в этом нападении, Барыбин под благовидным предлогом обратился к последнему с просьбой отвезти его и Гнездича к школе в Солнцево. Полагая, что им с его помощью необходимо что-то уточнить на месте, Поветкин согласился.

8 января 1993 г. около 20 часов Поветкин на автомашине «Тойота-Королла» отвез Барыбина и Никонова в Солнцево и высадил неподалеку от школы № 1006. По дороге Барыбин сообщил Поветкину о подготовленном ими нападении на ОПГ Шишкина и склонил его к участию в нем, поручив следить за прилегающей территорией и в случае возникновения опасности предупредить об этом. Действуя согласно разработанному плану, Барыбин и Гнездич, вооружившись автоматами и оставив Поветкина напротив входа, в масках проникли в здание школы. На лестничном марше, ведущем в помещение ФОКа, Барыбин ударами автомата по голове оглушил охранника ТОО «Рост» Ясинского К.В., причинив ему ушибленную рану правой теменно-затылочной области.

Затем, беспрепятственно поднявшись на второй этаж, Барыбин ворвался в спортивный зал, примыкающий к помещению ФОКа, где в это время играли в футбол Матренин С., Заволокин Н., Бойков И., Климов В., Чакветадзе Д., Попов В. и др.

Полагая, что среди игравших в футбол могут находиться Шишкин и Климов, с целью их убийства в условиях ограниченного пространства способом, опасным для жизни многих людей, Барыбин открыл из автомата беспорядочную стрельбу очередями по играющим. В результате этого Бойков И. получил слепое огнестрельное ранение мягких тканей левой ягодицы.

В это время Гнездич ворвался в тренажерный зал ФОКа, где находились Измайлов В., Пак О., несовершеннолетний Чакветадзе В. и другие лица, и открыл по ним беспорядочную стрельбу очередями из автомата. В результате этого Измайлов и Пак были убиты, а Чакветадзе причинены огнестрельные раны головы, брюшной полости и верхних конечностей.

Разыскивая Шишкина и Климова, Барыбин вошел вслед за Гнездичем в тренажерный зал, где подошел к лежащему Измайлову и выстрелом из автомата добил его. Находясь в комнате отдыха О Иль Кей и Рябой О., услышав выстрелы и пытаясь спастись от нападавших, разбили оконное стекло и выпрыгнули со второго этажа на улицу. При этом Рябой О. получил множественные резаные раны и царапины обеих кистей и голеней, а О Иль Кей в результате падения получил тупую травму костей таза в виде переломов крыла подвздошной и лобковой костей слева, разрыва лонного сочленения с разрывами печени, вследствие чего он не мог самостоятельно передвигаться на ногах.

Преследуя выскочивших из здания школы лиц, Барыбин и Гнездич выбежали во двор с автоматами и с целью убийства открыли стрельбу по убегающим Чакветадзе Д. и Рябому О., однако из-за дальнего расстояния в условиях плохого освещения не смогли в них попасть. После этого, заметив пытавшегося встать О Иль Кея, Барыбин подошел к нему и, несмотря на беспомощное состояние потерпевшего, застрелил его.

Поветкин в процессе вооруженного нападения находился во дворе школы и, выполняя отведенную ему роль пособника, обеспечивал безопасность нападавших. Затем на автомашине

«Тойота-Королла» под управлением Поветкина участники нападения, бросив во дворе школы автоматы, скрылись с места совершения преступления. В одном из близлежащих дворов выбросили плащи, в которые они были одеты во время нападения.

Приговором Московского городского суда за совершение этого преступления Барыбин повторно был осужден к 15 годам лишения свободы, а Поветкин – к 8 годам лишения свободы.

Гнездищ С. к моменту завершения расследования по этому делу был уже убит.

Эпилог

В процессе проведения оперативно-разыскных мероприятий по делу банды Лабозского-Барыбина оперативными сотрудниками группы было получено значительное количество информации о совершении ряда других тяжких преступлений, оставшихся за рамками расследуемого уголовного дела (в частности, убийств, исчисляемых несколькими десятками), однако каких-либо материалов об их расследовании, к сожалению, нам обнаружить не удалось.

После отбытия меры наказания несколько членов банды по собственной инициативе встречались со мной и следователями группы, высказывали признательность за объективное расследование, рассказывали о некоторых эпизодах деятельности банды, оставшихся за рамками дела, делились планами дальнейшей жизни.

В то же время отсидевшие свой срок и вернувшиеся в Новокузнецк Поветкин, Шкряда и некоторые другие бандиты были убиты местным криминалом в отместку за совершенные ранее убийства местных «авторитетов».

Так закончилась история одной из самых кровавых банд России.

Небывалое – бывает

В процессе расследования уголовных дел иногда создаются различные удивительные ситуации, возникновения которых следователь не может предвидеть, но их, казалось, случайное разрешение дает неожиданный эффект, положительно сказываясь на результатах следствия. Об одном таком случае из моей следственной практики и пойдет речь.

Во второй половине ноября 1977 г. меня, старшего следователя прокуратуры Северо-Казахстанской области, вызвал к себе начальник следственного отдела. Он был явно не в духе. Вручил мне небольшой том уголовного дела, пояснив, что данное уголовное дело о совершении убийства с особой жестокостью в колонии особого режима отозвано прокурором области из областного суда со стадии предания суду по согласованию с руководством областного суда. Причиной такого решения явилась неполнота произведенного расследования. Собранные доказательства не дают возможности достоверно установить, кто из двух обвиняемых, особо опасных рецидивистов, совершил это убийство. Не обошел он вниманием и следователя, расследовавшего это дело, и прокурора района, и надзирающего за ходом расследования зонального прокурора, высказав ряд нелестных реплик в их адрес. На вопрос, почему так вышло, он ответил, что во время направления этого дела в суд находился в очередном отпуске.

Получив напутствие как следует разобраться в сложившейся ситуации, я вернулся в свой кабинет и приступил к изучению материалов. Из них следовало, что вечером 4 июля 1977 г. в одной из камер ИТК-27 УВД Северо-Казахстанского облисполкома между осужденными особо опасными рецидивистами Лымаевым А.Л. и Подземаиным А.Д. произошла ссора. Во время ссоры физически сильный Лымаев избил Подземаина, и, когда сокамерники стали высказывать свое возмущение его действиями, тот оскорбил их нецензурной бранью.

В этот скандал вмешался осужденный Бощанов Т., ранее находившийся в неприязненных отношениях с Лымаревым, он возмущился действиями Лымарева и оскорбительно выразился в его адрес. В ответ на это Лымарев в дерзкой форме заявил, что завтра во время работы он расправится с Подземным и Бощановым. Тогда Бощанов заявил, что он не будет дожидаться завтрашнего дня, и сегодня во время вечерней оправки отрежет Лымареву голову и выбросит ее в выгребную яму. Затем он схватил хлебный нож и попытался его рукояткой нанести удар по шее Лымарева, но тот успел уклониться, однако Бощанову всё-таки удалось нанести ему ссадину на передней поверхности шеи. Вмешавшиеся сокамерники разняли их.

По версии следствия, Подземин и Бощанов, затаив злобу, договорились в ближайшее время расправиться с Лымаревым.

В тот же день во время вечерней оправки, когда Подземин, Бощанов и Лымарев вошли в туалет второго барака, Подземин нанес Лымареву два удара кулаком в лицо, причинив ему травматическое кровоизлияние в желудочки головного мозга, относящееся к категории тяжких телесных повреждений, опасных для жизни в момент причинения. Затем, прижав его своим телом к стене туалета, стал удерживать, лишив возможности оказывать сопротивление. В это время к ним с ножом в руках подскочил Бощанов и из-за спины Подземина стал наносить ему удары в различные участки тела. В результате этих своих действий он причинил 14 ножевых ран, в том числе проникающее ранение грудной клетки с повреждением правого предсердия, проникающее ранение брюшной полости и паховой области, относящиеся к тяжким телесным повреждениям, опасным для жизни в момент причинения, а также множество ссадин. После этого Бощанов и Подземин скрылись. Лымарев выбежал из туалета вслед за ними и, пройдя несколько метров, упал. Несмотря на оказанную медицинскую помощь, 5 июля 1977 г. он, не приходя в сознание, скончался.

4 июля 1977 г. сотрудниками оперативной части ИТК-27 было возбуждено уголовное дело по признакам причинения Лымареву телесных повреждений.

Допрошенный Подземин показал, что вечером 4 июля после окончания работы в 18 часу, когда он вернулся в свою камеру, между ним и Лымаревым произошла ссора из-за браслетов для наручных часов, которые он изготовил и сбыл без ведома Лымарева. Во время этой ссоры Лымарев избил его, а затем начал оскорблять. Когда сокамерники заступились за него, Лымарев стал нецензурно оскорблять их. В ссору вмешался находившийся рядом Бощанов, состоящий во враждебных отношениях с Лымаревым, и также начал его оскорблять, а тот в свою очередь – угрожать ему и Бощанову расправой. Тогда возмущенный Бощанов заявил, что он не будет дожидаться завтрашнего дня, а сегодня же вечером отрежет ему голову и выбросит в туалет. Затем схватил хлебный нож и тупым концом нанес Лымареву удар в шею, причинив ему ссадину, поскольку тот успел увернуться от удара. В завязавшейся драке сокамерники разняли их.

Вечером во время вечерней оправки Лымарев вызвал его в туалет, заявив, что расправится с ним. Войдя в туалет, он, полагая, что Лымарев начнет его избивать, нанес ему кулаком два удара в лицо. Тот, отпрянув к стене, пытался ударить его, но он перехватил его руку и прижал ее к телу Лымарева с тем, чтобы он не смог нанести ему удар. В это время оказавшийся здесь Бощанов из-за его спины нанес ножом удар Лымареву в область живота. Он, увидев это, отпустил руку Лымарева и отпрыгнул в сторону, а Бощанов продолжал беспорядочно наносить удары ножом Лымареву. Выскочить из туалета он не мог, так как Лымарев и Бощанов своими телами перекрыли ему дорогу к выходу. Лымареву удалось выбежать из туалета на улицу, где он, пройдя несколько метров, упал. За ним с окровавленным ножом в руке вышел Бощанов, а следом он. Лымарева он убивать не собирался. Кровь Лымарева на его одежду

попала в то время, когда Бощанов нанес тому несколько первых ударов ножом. Во время нанесения этих ударов Лымареву, у него на пальце лопнула ранка, поэтому его руки оказались в крови. Происходившее в туалете видели находившиеся там другие осужденные.

Бощанов же заявил, что к нанесению ножевых ранений Лымареву он не причастен, их нанес «Москвич» (кличка Подземина в криминальном мире). Этому предшествовала ссора, возникшая между ними из-за браслетов для наручных часов, во время которой Лымарев избил «Москвича» и угрожал ему расправой. В эту ссору он не вмешивался, с Лымаревым не ругался. Во время вечерней оправки, когда он зашел в туалет, то увидел, что «Москвич» одной рукой держал вырывавшегося окровавленного Лымарева, а второй пытался нанести ему удар ножом. Он отобрал нож у Подземина, вытолкнул Лымарева из помещения, где тот прошел несколько метров и упал на землю. После этого, держа окровавленный нож в руке, вышел он, а следом за ним – Подземин.

Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть Лымарева наступила от острой кровопотери, возникшей вследствие проникающего ранения грудной клетки с повреждением правого предсердия. У трупа также обнаружено травматическое кровоизлияние в желудочки головного мозга, травматическое удаление переднего зуба на верхней челюсти справа, 14 прижизненных ножевых ран, из которых ранение грудной и брюшной полости и рана паховой области, каждая из которых в отдельности, а также как и кровоизлияние в желудочки головного мозга, относятся к категории тяжких телесных повреждений, как опасные для жизни в момент причинения. Остальные телесные повреждения относятся к категории легких телесных повреждений, как не вызывающие у живых лиц длительного расстройства здоровья.

Данные телесные повреждения возникли от действия колюще-режущего предмета с односторонней заточкой клинка,

а травматическое кровоизлияние в желудочки головного мозга и травматическое удаление зуба – от действия твердого тупого предмета.

Вся одежда Подземина, как и брюки Лымарева, были обильно пропитаны кровью. Одежда Бощанова не осматривалась и не изымалась. Произвести смывы крови с рук Бощанова и Подземина никто не удосужился.

Мое удивление вызвал тот факт, что очевидцев момента нанесения ударов ножом Лымареву в деле не оказалось. Имелся только ряд свидетелей возникшей ссоры между Лымаревым и Подземиным и факта избиения им последнего, а также выхода окровавленного потерпевшего и его падения после нескольких шагов. Все они утверждали, что вслед за Лымаревым вышел Бощанов с окровавленным ножом в руке, а следом за ним Подземин, вся одежда которого была в крови. Два свидетеля видели завязавшуюся драку между Подземиным и Лымаревым, но кто нанес смертельные удары ножом, они не видели. Один из осужденных видел лежавшего на полу туалета окровавленного Лымарева и стоявших напротив него Подземина и Бощанова, в руках один из них держал нож.

Вот в таком виде данное дело попало мне для дальнейшего расследования.

Полагая, что обвиняемые будут придерживаться прежней позиции о своей непричастности к совершенному убийству потерпевшего, я решил более тщательно изучить личность каждого из обвиняемых и их взаимоотношения между собой и с потерпевшим.

Я выехал на Жаман-сопку, где находилась колония особого режима. На встрече с начальником ИТК и руководителем оперативной части высказал свои сомнения по поводу отсутствия очевидцев совершения этого преступления во время вечерней оправки в присутствия там других осужденных. Выяснил близкий круг общения фигурантов, их взаимоотношения между собой и с другими осужденными.

Со слов присутствующих Подземин – профессиональный вор-карманник, придерживающийся традиционного «кодекса вора-карманника», нарушений режима содержания не имел. Свободное время уделял изготовлению разных поделок (в том числе, плетеных браслетов для наручных часов), пользующихся популярностью у осужденных. Бощанов и Лымарев, неоднократно судимые за совершение насильственных преступлений, дерзкие по натуре, конфликтные, неоднократно нарушавшие режим содержания, возникающие конфликты старались решать силовым путем. Лымарев пытался подмять Подземина под себя, требовал реализовывать изготовленные им браслеты только нужным ему людям, в связи в чем между ними неоднократно возникали конфликты. Между Бощановым и Лымаревым сложились неприязненные отношения на почве стремления последнего взять верх над другими осужденными.

Сотрудникам оперативного отдела я поручил установить очевидцев убийства. Определил порядок доставки осужденных для допроса в выделенный мне для работы кабинет. На следующий день начал допросы.

Лымарева характеризовали как беспредельщика, который жил по своим понятиям, не считаясь с мнением окружающих. Окружение же Бощанова состояло в основном из осужденных казахской национальности, которые всячески стремились как-то облегчить его участь после убийства Лымарева.

Во время одного из допросов произошла неожиданная накладка. С целью избежания возможных контактов между допрашиваемыми лицами, я дал указание доставлять для допроса ко мне осужденных после того, как очередной свидетель покинет сектор, где находился мой кабинет. По окончании одного из допросов, осужденный, казах по национальности, входивший в круг общения Бощанова, при выходе из кабинета встретился с другим осужденным-казахом и, пока его выводили, воспользовался замешательством сопровождающих конвоиров и бросил несколько фраз на казахском языке.

После того, как я предложил доставленному для допроса осужденному сесть за стол напротив меня, он, улыбаясь, на казахском языке спросил меня:

– Как дела?

Поскольку это была довольно распространенная фраза, я ему произвольно ответил по-казахски:

– Хорошо!

Мой ответ по-казахски произвел на него неожиданное действие.

– Так вы поняли, что товарищ только что мне сказал? – изумленно спросил он.

Я, улыбнувшись, ответил:

– А как вы считаете?

Он начал извиняться и стал меня убеждать, что тот таким образом хотел помочь своему товарищу Бощанову – попросив дать на него только положительно характеризующие его показания.

Во время допроса он очень негативно отзывался о Лымареве, характеризовав его как «отморозка», способного совершать самые мерзкие и гнусные поступки, плюющего на неписанные законы криминального мира. По его мнению, Бощанов ввязался в драку с Лымаревым, заступившись за физически более слабого Подземина. самого момента убийства он не видел, знает об этом со слов Бощанова. Понимая, что Бощанову может грозить смертная казнь, заключенные договорились всячески его выгораживать, всё валить на Подземина, у которого и был конфликт с Лымаревым. Скорее всего, это убийство совершил Подземин, поскольку ему ничего не оставалось, как применить нож для своей защиты. Когда они выходили из туалета, у Подземина вся одежда и руки были в крови. По его мнению, изложенные им обстоятельства с большей вероятностью позволили ему сделать вывод, что убийство Лымарева совершил именно Подземин.

Примерно такие же показания дали и другие осужденные.

Несмотря на то, что администрацией колонии Подземину была дана отрицательная характеристика, допрошенные свидетели отзывались о нем как о бесконфликтном человеке. Физически сильный Лымарев постоянно притеснял его, придирался по малейшему поводу. Угрожал ему расправой. Неудивительно, что симпатии большинства допрошенных были на стороне Подземина и Бощанова.

К этому времени сотрудникам оперативной части удалось установить осужденных, которые были очевидцами этого убийства.

Так, осужденный Добрынин В.С. показал, что вечером во время оправки он видел, как в туалет зашли Подземин, Лымарев и Бощанов. Между Лымаревым и Подземиным произошла стычка, во время которой Подземин нанес удар Лымареву в лицо. Подбежавший Бощанов сделал то же самое. После этого Подземин, схватив Лымарева за грудь, отбросил его к противоположной выходу стене и прижал его руками. Бощанов в это время выхватил из кармана брюк раскрытый складной нож с темной ручкой и стал наносить из-за спины Подземина удары Лымареву в область печени, живота и сердца. Осужденные, находившиеся в туалете, увидев это, стали выбегать оттуда. Вместе с ними выбежал и он. Через некоторое время из туалета вышел окровавленный Лымарев и, пройдя метров шесть, упал. За ним из туалета с окровавленным ножом вышел Бощанов, а следом – Подземин.

Осужденный Иванов В.Н. рассказал, что в тот вечер во время оправки он через щель перегородки видел, как в туалете второго барака в углу возле стены Бощанов ножом наносил удары в лицо и туловище Лымарева, а стоявший рядом Подземин удерживал руки потерпевшего. Лымарев же отталкивал их от себя, пытался вырваться, но его сопротивление слабело с каждым наносимым ему Бощановым ударом ножа. Выбежав из туалета, он увидел, как оттуда вышел окровавленный Лымарев и, пройдя несколько метров, упал. Следом за ним из туалета вышел Бощанов с окровавленным ножом в руке.

Свидетель Ахмиров Ш. показал, что во время вечерней оправки он, увидев, что из туалета второго барака выскакивают испуганные осужденные, бросился в туалет. Там он увидел стоявшего в углу окровавленного Лымарева. Его рубашка, особенно в области левой части груди, была пропитана кровью. Напротив него стояли Подземин и Бощанов. Через некоторое время Лымарев вышел из туалета и, пройдя пять-шесть метров, присел на корточки, а затем упал на спину.

Таким образом, мне удалось восстановить действительную картину произошедшего убийства потерпевшего и можно было приступать к допросам обвиняемых.

Подземин придерживался своих прежних показаний и ничего нового не сообщил.

Я тщательно подготовился к допросу Бощанова, определил последовательность своих вопросов и порядок предъявления изобличающих его доказательств. Но осуществить задуманное мне не довелось.

А произошло следующее.

Доставленный для допроса Бощанов с порога спросил меня: «Вы следователь Костарев?» Естественно, я назвал свою должность, фамилию, имя и отчество. Сев на указанное ему место, Бощанов, не дожидаясь моих вопросов, заявил: «Валерий Евгеньевич, убийство Лымарева совершил я, Подземин удерживал его, лишив возможности оказывать нам сопротивление». Несколько ошарашенный этим неожиданным признанием, я предложил ему рассказать по порядку о том, как было совершено это убийство. Его показания полностью соответствовали показаниям Подземина.

После соответствующего оформления протокола допроса я задал вопрос, почему он решил дать признательные показания. Его ответ еще более удивил меня. Он сообщил, что в следственном изоляторе рядом с камерой, где он содержался, находилась камера смертников, в которой сидел осужденный к смертной казни Салимьянов Рашид, по возрасту годившийся

ему в отцы. Установив с ним контакт, в ходе последующего общения он рассказал ему, за что привлекается к уголовной ответственности, и попросил его совета, как ему себя вести в создавшейся ситуации. Салимьянов, после некоторого раздумья, сказал: «Если твое дело будет вести старший следователь прокуратуры области Костарев, расскажи ему всё, как было на самом деле. Он порядочный человек. Построй с ним нормальные отношения, он во всем объективно разберется. А уж суд решит, как поступить с тобой дальше...»

Я вообще-то не впечатлительный человек, но этот его ответ взволновал меня. Действительно, некоторое время назад я расследовал уголовное дело по обвинению Салимьянова Рашида и его сына в нескольких убийствах, совершенных в ссоре, возникшей при распитии спиртных напитков. Отца приговорили к исключительной мере наказания, а сына – к длительному сроку лишения свободы.

На последующих допросах Бощанов рассказал о том, как сложилась его жизнь, вспоминал отдельные эпизоды. В 16-ти летнем возрасте за совершение хулиганских действий он был осужден к лишению свободы и больше из мест заключения не выходил. В период отбывания наказания он еще трижды совершил насильственные преступления, в том числе и покушение на умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, за которые был осужден к длительным срокам лишения свободы и признан особо опасным рецидивистом.

В период отбывания меры наказания значительную часть времени он посвящал чтению. Не терпел беспредельщиков, вступал с ними в конфликты. Мог за себя постоять. Одним из таких оказался и Лымарев, который, будучи физически сильным, старался подчинить своему влиянию физически слабых осужденных. Но авторитетом среди осужденных не пользовался. Когда произошел конфликт, Подземин не смог постоять за себя и был избит Лымаревым. Тогда, вступившись за Подземина, Бощанов нанес Лымареву несколько ударов ножом.

Тот прекратил сопротивление и стал слезно умолять его: «Тутлеген, не надо, не надо...»

Для него не было секретом, какую меру наказания ему вынесет суд за совершенное преступление. Относился к этому спокойно. Снисхождения не ждал. Сожалел, что значительную часть своей жизни провел в местах лишения свободы.

Допросить Салимьянова по поводу сообщенного Бощановым факта мне не удалось – он убыл к месту исполнения вынесенного судом приговора. В душе я был благодарен этому человеку, который не озлобился после того, как его приговорили к смерти, и при этом положительно отзывался обо мне, человеку, который приложил свою руку к решению его судьбы. Более того, он, не подозревая этого, оказал мне существенную помощь в установлении фактических обстоятельств совершения убийства Лымарева. Оказывается, бывает и такое...

Областным судом Бощанов был осужден к исключительной мере наказания, а Подземин – к 15 годам лишения свободы с содержанием в колонии особого режима.

А случай этот навсегда остался у меня в памяти.

Р.Р. Туктаров

Тяжелая неделя

Утро 4 июня 1989 года. Теплый, солнечный воскресный день обещает спокойный отдых. На окне дачного домика работает транзисторный приемник. Вдруг диктор, читающий утренние новости, меняет интонацию и озабоченным голосом сообщает о железнодорожной катастрофе на территории Башкирской АССР, произошедшей ночью. Есть жертвы.

На фоне тревожных новостей конца 1980-х о разных катастрофах в СССР с большими жертвами: затоплении теплохода «Нахимов», взрыве железнодорожного состава с грузом взрывчатого вещества и других больших и малых случаях эта новость прозвучала как-то обыденно. Страна уже будто привыкла, что что-то в нашей жизни идет не так, но никто еще не знает, чем всё это кончится.

Про себя я отметил, что от Казани это далеко, железную дорогу обслуживает местная транспортная прокуратура и вот у них и будет много работы, и забыл эту новость. Но не тут-то было. Масштабы катастрофы оказались так велики, что потребовали привлечения дополнительных сил следователей...

В понедельник, не успев войти в свой кабинет, в коридоре я был встречен начальником следственной части прокуратуры Татарской АССР Загидуллиным Ф.Х., который тоном, не терпящим возражений, сообщил, что у меня в распоряжении 30-40 минут, чтобы оформить командировочное удостоверение на неделю и купить зубную щетку, пасту и мыло. Цель моей срочной командировки – г. Уфа, где вчера произошла железнодорожная катастрофа. Со мной едут помощник Зеленодольского прокурора, следователь районной прокуратуры из Казани, одного следователя мы заберем по пути в Альметьевске и еще одного в Бугульме.

Прямого железнодорожного сообщения между Казанью и Уфой не было и нам надо было доехать сначала до железнодорожной станции Бугульма. Сопровождавший нас до Бугульмы заместитель прокурора Республики Татарстан М. Мусин знал о произошедшем не больше нас: под Уфой произошел взрыв газовой смеси, в который попали два пассажирских поезда Новосибирск-Адлер и Адлер-Новосибирск. Служебный микроавтобус РАФ быстро проехал 320 км до Бугульмы и далее мы продолжили путь до Уфы на поезде.

Катастрофу и ее размеры мы представляли приблизительно, но, чем будем заниматься не знали, и задача, которую нам поставили в Уфе, заставила нас внутренне содрогнуться.

В прокуратуре Башкирской АССР нам сообщили, что в ночь на 4 июня 1989 г. в районе г. Аша около железнодорожной станции Улю-Теляк пассажирские поезда Новосибирск-Адлер и Адлер-Новосибирск встретились в низине, заполненной газовой смесью, вытекшей из поврежденного газопровода, расположенного недалеко от путей. От случайной искры произошел взрыв, в результате которого по разным версиям от 575 до 645 человек погибли, более 600 человек были ранены и лишь 10-15 человек чудом уцелели.

Нас привезли на территорию Уфимского мясокомбината, где в здании профессионально-технического училища был организован штаб, а рядом на одной из веток железнодорожного пути уже стояли четыре вагона-холодильника с работающим дизель-вагоном посередине, еще два автомобиля-тягача «Шкода» с фурами-рефрижераторами стояли на дороге. Чуть дальше располагалась ритуальная служба, которая около своего временного павильона оперативно сложила большим штабелем несколько десятков гробов, транспортировочных ящиков и цинковых оболочек.

Были организованы и палатки скорой помощи, где всем нуждающимся оперативно оказывалась как медицинская, так и психологическая поддержка.

Как мы далее убедились, местные власти, руководство прокуратуры БАССР, заместитель прокурора РСФСР И.С. Землянушин и приехавшие с ним сотрудники прокуратуры РСФСР в короткий срок с момента взрыва (за 36 часов), сумели организовать первоначальные следственные действия по расследованию катастрофы, повлекшей многочисленные человеческие жертвы.

Перед нами поставили задачу: провести опознание погибших людей. Мне достался один вагон-холодильник и одна автомобильная фура. Судебно-медицинские эксперты с Поволжья прибыли на место раньше нас и уже сутки исследовали останки, которые и находились теперь в вагонах-холодильниках и авторефрижераторах.

Взрыв произошел ранним утром, когда все пассажиры спали. Документов при людях не было и одежды на них практически не было. Температура в эпицентре взрыва составила свыше 1000 градусов Цельсия, а взрывные травмы настолько обезобразили тела, что идентифицирующие и опознавательные признаки были минимальны.

С Новосибирска и области уже съезжались родственники погибших, чтобы опознать своих близких. Так как всем опознающим не было возможности предъявить все тела погибших из-за их большого количества и необходимости соблюдения температурного режима, был определен следующий алгоритм.

Трупы после судебно-медицинской экспертизы поступали упакованные в простыни и пронумерованные полиэтиленовые мешки. В штабе были копии заключений судебно-медицинских экспертиз, из которых несколько следователей выписывали идентификационные признаки, составляя на каждого справку, которая вывешивалась на большую доску объявлений. Справка выглядела примерно так: «№ 123, женщина, 25-30 лет, рост около 162 см, в ушах сережки из желтого металла с прозрачным камнем». Также были составлены опознавательные альбомы с фотографиями вещей.

Место катастрофы

Вся доска объявлений была увешана такими справками, и несчастные родственники по перечисленным признакам пытались определить своих погибших родственников. Так как похожих справок-описаний было много, то люди выбирали номера нескольких из них, после чего обращались к находившимся в штабе судебно-медицинским экспертам, чтобы уже осмотреть конкретные останки.

В то время билеты на железную дорогу продавались без предъявления документов и не были именными, а представляли собой маленький кусок твердого картона размером примерно в половину визитной карточки. То есть имена погибших пассажиров могли знать только родственники. Генетических исследований тогда не проводили и приходилось безоговорочно верить опознающим.

На борту каждого вагона-холодильника мелом были написаны номера останков, которые находились внутри. Тут не

было арифметической последовательности – в каждом вагоне было от 70 до 75 тел, каждый день шло их движение, одних опознавали и забирали, других привозили из больниц. Специалисты, организовавшие опознание, уже имели опыт подобной скорбной работы на месте затопления теплохода «Нахимов» в 1986 г., поэтому за неделю никаких проблем в рамках примененного алгоритма не возникло.

Железнодорожный путь, на котором стояли вагоны-холодильники, превращенные в морги, представлял собой высокую насыпь. Чтобы попасть в вагоны, были устроены широкие деревянные трапы. Для соблюдения температурного режима каждые 2 часа двери холодильника необходимо было открывать на 15-20 минут, тогда эти трапы поднимались. Поднимали их несколько добровольцев из числа демобилизованных воинов-«афганцев», и надо сказать, что именно от них мы получили на месте первую психологическую помощь. Один из них, обдав нас легким запахом спиртного, сказал: «Мы в Афгане привыкли, и вы привыкнете, только эмоций не позволяйте себе...»

Действительно, когда я в первый раз зашел в вагон-холодильник, было ощущение легкой жути: свертки, мимо которых ты идешь по узкой части железного пола, прижимаясь к холодной стене, еще позавчера были людьми, которые радовались жизни.

Каждое опознание, которое мне пришлось наблюдать, было тихой или громкой драмой. Опознающий в сопровождении следователя и судмедэксперта и поддерживаемый «афганцами» поднимался по крутому трапу в вагон, и мы начинали искать нужный номер среди свертков. Простыня разворачивалась, если тело опознавалось, составлялся протокол опознания, «афганцы» несли тело в павильон ритуальной службы, где оно в зависимости от состояния одевалось в одежду, укладывалось в гроб и в транспортный ящик. Другие следователи допрашивали родственников и признавали их потерпевшими.

Тела погибших, в зависимости от удаленности пассажиров от эпицентра взрыва, находились в разном состоянии и были разного цвета, от угольно-черного до бронзового, что приводило в шок родственников. Были и отдельные части тел, опознать которые не представлялось возможным.

Неприятный момент случился, когда одна из опознающих потеряла сознание в тесноте вагона и, падая, начала перебирать ногами, наступая на тела, а затем упала на них. Покойники как будто раздвинулись и дали ей место между собой. Женщине пришлось оказать медицинскую помощь.

В ряде случаев опознающий не мог назвать характерные признаки, по которым он опознал свего близкого, а просто утверждал: «Это он/она», «Похож/похожа». У меня так было с молодым женским телом, у которого взрывом снесло верхнюю часть головы, так, что осталась только нижняя челюсть...

Были споры между родственниками из разных семей, когда при отсутствии характерных опознавательных признаков они оспаривали одно и то же тело. Так, две семьи эмоционально и агрессивно сошлись у женского тела, которое хотели забрать, ссылаясь на схожесть фигуры. Одна из родственниц, ссылаясь, что у ее покойницы должна быть внутриматочная спираль, умоляла судмедэксперта еще раз осмотреть тело, которое имело признаки тяжелой травмы в области брюшины. Женщина-судмедэксперт молча погрузила руки в разбитое тело и откуда-то из-под печени извлекла оторвавшуюся матку, в которой действительно оказался спираль.

В поезде было несколько детских групп, едущих на отдых в черноморские пионерские лагеря. К сожалению, многие дети погибли. Окаменевшие от горя матери группами подходили к вагонам-моргам и не показывая эмоций ждали, когда очередная опознающая выйдет из вагона. Трудно было представить, что происходило в душе этих женщин, если даже приблизительное опознание тела прекращало для них этот кошмар и позволяло покинуть территорию мясокомбината.

Несмотря на шум двигателей, стук молотков, разговоры и плач было ощущение какой-то звенящей тишины большого горя. Яркая зелень и теплое солнце не украшали день, это не мешало людям горевать. Озабоченные люди с потухшим взглядом растерянно читали справки на стенде, одна женщина, побывавшая на месте взрыва и нашедшая лишь один обгорелый лист паспорта своего ребенка с фотографией, ходила от вагона к вагону, показывая это фото и спрашивая, нет ли у нас ее сына. «Афганец», полковник-танкист, отправивший всю семью на отдых в Анапу, с каменным лицом осматривал детские и женские останки.

После окончания первого дня опознаний мы приехали в гостиницу «Башкирия», где нас поселили в большой, почти казарменный номер. Все молча сидели, не желая ни о чем говорить, переживая весь увиденный ужас. Гнетущую тишину нарушил стук в дверь и в обнимку с трехлитровой банкой к нам зашел известный казанский судмедэксперт Александр Маркович Ширяк, вторые сутки находившийся в Уфе. Со словами: «Ребята, давайте пить, иначе с ума сойдете...», он поставил на стол полную банку спирта. Спирт выпили, но он никого не опьянил; эмоции превратились в констатацию фактов, а последствия катастрофы – в статистику погибших. Алкоголь сделал свое дело, и до конца командировки опознания шли в штатном режиме. Вот только в глаза опознающих мы старались не смотреть.

На второй или третий день опознаний нам сообщили, что могут быть факты мошенничества и хищения тел погибших, и потребовали усилить бдительность. Якобы, один гражданин, с целью получения денежной компенсации за погибшего, «опознал» чужой труп, и даже вывез его. Надо сказать, что компенсации погибшим состояли из выплат от Министерства путей сообщения СССР, газовиков, чей продуктопровод взорвался, профсоюзов, а также от властей Башкирии, и составляли значительную для 1989 г. сумму в размере от 3 до 5 тысяч рублей.

Часть пассажиров, оказавшихся в эпицентре взрыва, просто без следа испарились от высоких температур. Было несколько опознающих, чьи близкие точно находились в поезде, которые, по несколько раз обойдя вагоны-морги, делали свой выбор «приблизительно». На это и возразить было нечего, потому что главными для нас являлись их слова: «Мой... Опознаю...»

К шестому дню опознающих уже почти не было, вагоны опустели, и руководители следствия приняли решение все неопознанные останки кремировать, для чего их отправили в Свердловск.

Тяжелая неделя закончилась. Посттравматический синдром настиг меня в Казани, где я получил первый в жизни больничный. У меня началась бессонница – перед глазами стояли эпизоды опознаний.

Как и кем расследовалось уголовное дело о причинах катастрофы, сказать не могу, может быть, подробно напишет другой следователь. Но из открытых источников известно, что причиной утечки газовоздушной смеси широкой фракции углеводородов стало повреждение металлической трубы при ее укладке. Легкая царапина на трубе, оставленная ковшем, и нарушение технологий при изоляции создали слабое место, которое через несколько лет эксплуатации разорвало металл и тяжелый газ начал выходить из разрыва и собираться в низине. Именно в этой низине, где газ собрался как туман, почти на уровне окон тепловоза, и встретились два поезда... Часть обвиняемых были амнистированы в ходе следствия, а под суд пошли два строителя, занимавших небольшие должности и непосредственно работавших с этой злополучной трубой. Суд над ними начался в дни августовского путча 1991 г., а закончился лишь в 1994 г., когда они были осуждены на небольшие сроки в колонии-поселении.

Сорвался

В октябре 1987 г. я работал в должности старшего следователя прокуратуры Татарской АССР в городе Казани. В один из рабочих дней утром меня пригласил к себе в кабинет начальник следственной части Загидуллин Фарид Хабибуллович (теперь легендарная личность татарстанского следствия, а тогда – просто хороший человек и начальник) и, выяснив текущие вопросы по уголовным делам, находящимся в моем производстве, дал указание оформить командировку и выехать в Тюлячинский район Татарстана сроком на 5 дней.

Загидуллин сообщил следующее: «Там, на центральной усадьбе одного из совхозов, неделю назад произошло убийство. Местные что-то тормозят, не могут раскрыть. Вместе с тобой поедет Ильдар Шагидуллин из убойного отдела Управления уголовного розыска МВД Татарской АССР. На месте разберетесь».

Тюлячи – это чисто татарский сельскохозяйственный район, расположенный примерно в 100 километрах от Казани. Положительная сторона таких командировок в сельские районы в том, что ты там всегда будешь сытно накормлен отменной деревенской татарской кухней и вымыт в жаркой бане. К нашему приезду совхоз уже закончил уборочные работы, и многочисленная сельхозтехника рядами стояла на временной стоянке на окраине села.

А случилось вот что: в конце сентября, вечером, когда уже опустилась темнота, а колхозники отдыхали дома у телевизоров, со стороны стоянки сельхозтехники раздался громкий женский крик. Через некоторое время между комбайнами обнаружили женский труп с разбитой головой и рядом лежало, видимо, орудие преступления: окровавленный диск луцильника с приваренной к нему трубой длиной около полутора метров. Это было приспособление-подставка, используемое механизаторами при ремонте техники.

Убитой оказалась некая Н., женщина 65-ти лет, проживавшая в совхозном Доме престарелых и одиноких. Причиной смерти стала черепно-мозговая травма, нанесенная двумя ударами предметом с ограниченной поверхностью. Признаков других преступлений на теле обнаружено не было.

В материалах уголовного дела было несколько протоколов допросов свидетелей, из которых следовало, что покойная была одиноким, безобидным, бедным человеком, проживавшим в совхозном Доме одиноких и престарелых, ни с кем конфликтов не имела. В этот вечер под предлогом прогуляться перед сном ушла на улицу, денег или иных ценностей с собой не имела. Плана расследования преступления в деле не имелось, внятные версии не выдвигались и не отрабатывались. Единственное, что сделала местная милиция – безуспешно проверила на причастность к убийству местных пьяниц и хулиганов.

Складывалась ситуация, схожая с сюжетом известных английских детективов – убийство произошло вечером в селе, где проживает около тысячи человек, и среди них, в ограниченном коллективе и месте, надо искать человека, имевшего мотив совершить такое, на первый взгляд, безмотивное злодеяние.

Когда в сельском районе случается тяжкое преступление, что бывает максимум один-два раза в год, то весь состав районной милиции бросают на раскрытие. В первую очередь привлекают сотрудников из числа уроженцев данного села, знающих людей и имеющих возможность доверительно общаться с ними.

В татарских районах такая же специфика, как и в Средней Азии, когда местные жители могут уклоняться от контакта с незнакомым следователем, тем более не говорящем на их языке. Делается это элементарно. На вопрос: «Что произошло?», тебе могут ответить: «Не видел, спиной стоял...» И тут хоть кол у него на голове теши, ничего не добьешься.

И вот, на первой оперативке встает молодой парень – инспектор пожарного надзора, и говорит: «В селе проживает

гражданин Р., около двух лет назад отслуживший в рядах Советской Армии и вернувшийся из Афганистана. Ни в чем плохом он не замечен, но имеет странности. Когда выпьет, начинает «ходить в разведку», крадется по кустам, пугает людей».

Ранее этот гражданин уже был допрошен и, примерно указывая время, сообщил, что в день происшествия вечером выходил из дома покурить и погулять по деревне.

В тот вечер по телевизору показывали детективный сериал, который смотрело большинство жителей села. После его окончания молодежь начала собираться в клубе, часть из них проходила мимо стоянки с сельхозтехникой.

Мы начали новый этап допросов свидетелей с фиксацией, кто в какое время откуда вышел, каким маршрутом и куда направлялся, кого и где видел, сужая фиксацию поближе к месту преступления. Одна из свидетельниц, которая слышала женский крик, даже сообщила, на каком эпизоде фильма это произошло. Мною был сделан срочный запрос на телестудию, и нам дали ответ о времени показа с точностью до секунды, когда в эфире был этот эпизод. Так у нас появилось точное время преступления.

Снова начали уточнять, кто из жителей села в это время был на улицах и около стоянки сельхозтехники. Из протоколов следовало, что Р. никто на улице не видел примерно за 15 минут до убийства и столько же после убийства. А у стоянки сельхозтехники его вообще никто не заметил.

Так как личность Р. нас заинтересовала, то мы стали подробнее собирать информацию о нем, допрашивая жительниц Дома престарелых и одиноких. Неожиданно, во время допроса одной из соседок покойной, она упомянула о Р. как о человеке, который бывал у них и однажды, несколько месяцев назад, совершил странный поступок. Она рассказала буквально следующее: «Я была в комнате, когда кто-то постучал в дверь. Когда я открыла, на пороге стоял Р., которого я знала как односельчанина. Он был немного нетрезв. Неожиданно он накинулся

на меня, повалил на пол, хватал за шею и, засунув пальцы в рот, повредил десну. Другие места тела не трогал».

Можно было по-разному оценивать эти показания, но так как бабушка утверждала, что с травмой десны ей пришлось обращаться к врачу-стоматологу в райцентре, этот факт решили проверить. Врач подтвердил обращение этой женщины за медицинской помощью. В изъятый нами медицинской карте действительно в анамнезе обстоятельств травмы было написано точно так, как она нам рассказала.

Р. по данному факту был допрошен, но нападение отрицал, ссылаясь на состояние опьянения и травмы головы во время службы. По данному эпизоду было возбуждено уголовное дело, после чего Р. был задержан и увезен в Казань.

Подозреваемому Р. было 22 года, он был самым младшим, десятым ребенком в семье, невысокого роста, неказистой внешности, немногословный, при беседах старался в глаза не смотреть, особых эмоций не показывал. Причастность к убийству он отрицал.

Разговорил его начальник убойного отдела УУР МВД Татарской АССР, недавно вернувшийся из длительной командировки в Афганистан. Оказалось, что они одновременно служили в одной местности, это способствовало сближению, и Р. признался, что после того, как он немного выпьет, у него появляется желание ощущать те же эмоции, что он испытывал в Афганистане. Поэтому он «играл в разведчиков», пугал людей, а в тот вечер, будучи также нетрезвым, прятался среди комбайнов, воображая их танками, а себя охраняющим их. Неожданное появление старушки, укутанной в платок, по силуэту похожей на афганскую женщину, испугало его, и он ударил ее стоявшим рядом диском с приваренной к нему ручкой. Зачем он это сделал, объяснить не смог, но сожалел о содеянном.

О службе в ограниченном контингенте советских войск в Афганистане, где он прослужил полтора года, Р. рассказывал как о тяжелом физическом и моральном испытании. Он мно-

го болел, неоднократно подвергался физическому насилию со стороны сослуживцев. Рассказал, что однажды во время боевого выхода в горы ему было поручено нести большой бак с водой. Было тяжело и он бросил этот бак, а когда это обнаружилось, он был избит сослуживцами и поставлен на ночной пост, охранять ночлег. Стоя на посту с боевым оружием, он испытывал острое желание расстрелять своих обидчиков, потому что не мог дать им отпор.

Очень быстро из воинской части пришла запрошенная мною подробная характеристика и медицинская карта Р., где сообщалось, что он за время службы переболел тифом, дизентерией, гепатитом, а также имел травмы головы.

Из справки Информационного центра МВД ТАССР следовало, что Р. числится привлеченным весной 1987 г. к уголовной ответственности следственным отделом ЛОВД станции Казань за хулиганство. Решения по делу не было. Розыск дела дал интересный результат. Оказалось, что оно было направлено в Бауманский районный суд г. Казани. Суд назначил Р., находящемуся под подпиской о невыезде, амбулаторную судебно-психиатрическую экспертизу, но по причине беспорядка в канцелярии суда дело лежало без движения до нашего запроса. Фабула дела также была интересна – потерпевшей оказалась старушка 83 лет. Из показаний бабушки следовало, что весенним вечером она шла из церкви домой и, проходя мимо железнодорожной платформы, откуда уходили электропоезда в сторону Тюлячей, подверглась нападению. С платформы прыгнул парень. «Как обезьянка бросился на меня и начал меня душить. Я начала кричать, и Бог спас меня, а парня задержали».

Из собранных материалов следовало, что Р. в течение 1987 г. совершил три немотивированных нападения на престарелых женщин, после чего возник вопрос срочной оценки его вменяемости. Амбулаторная судебно-психиатрическая экспертиза «пятиминутка» затруднилась дать заключение и предложила

провести судебно-психиатрическую экспертизу в стационаре. Стационарная экспертиза за 30 суток обследования Р. также затруднилась оценить его психическое состояние, поэтому было решено провести экспертизу в столичном Институте социальной и судебной психиатрии им. Сербского.

Состояние дела на тот момент не вызывало опасений и ожидалось, что при такой документально зафиксированной последовательности нападений на беспомощных бабушек и описании обвиняемым своих состояний, похожих на сумеречное сознание, он будет признан невменяемым и мои хлопоты с этим делом закончатся.

Но не тут-то было, объемное заключение московских экспертов-психиатров меня удивило. Эксперты указали, что Р. заявил им, что убийство Н. он не совершал. Далее на целую страницу были перечислены его многочисленные диагнозы и расписано его болезненное состояние. Но главный вывод свидетельствовал о том, что тем не менее его следует признать вменяемым. Ознакомившись с экспертным заключением, я понял, что впереди у нас еще масса проблем.

Эпизод убийства держался только на признании Р., отпечатки на металлической трубе в ходе первоначальных следственных действий не идентифицировались и были утрачены, отпечатки резиновых сапог, в которых ходила вся деревня, на месте происшествия никто не фиксировал, на месте преступления Р. не видели. Два эпизода нападения на бабушек создавали «улик поведения», но доказательствами убийства не являлись.

Когда дело направляли в Верховный Суд ТАССР, все мы, работники прокуратуры, понимали, что многое будет зависеть от позиции судьи.

Дело принял к производству судья Г. В его практике в 1985 г. фигурировала отмена приговора, вынесенного им в 1981 г. парню, осужденному за убийство – тот признал свою вину на следствии, но отказался от своего признания на суде. Основание для отмены было весомое: в 1984 г. задержали группу лиц,

которые признались в совершении ряда тяжких преступлений, в том числе и том убийстве.

Судья, что называется, обжегшись на молоке, дул на воду. Он осторожничал, внимательно и тщательно рассматривал материалы дела, затем вернул дело на дополнительное расследование для назначения и проведения повторной стационарной судебно-психиатрической экспертизы в Институте им. Сербского.

Институт им. Сербского подтвердил ранее выданное заключение о вменяемости обвиняемого. Окрыленный Р., уже прошедший тюремные и этапные «университеты», спокойно ждал своей участи, не признавая вины в убийстве Н.

В итоге Верховный Суд ТАССР оправдал Р. по эпизоду убийства, но осудил его по двум эпизодам хулиганства в отношении бабушек, и скоро он освободился из мест лишения свободы.

Через несколько лет заместитель начальника Тюлячинского РОВД при нашей встрече на мой вопрос: как поживает Р., ответил, что как только тот выпьет и «выходит на разведку», деревня пустеет, все прячутся по домам.

Согласно сведениям Книги памяти воинов-афганцев Республики Татарстан, Р. скончался в 2001 году.

Вот так закончилось это на первый взгляд несложное, но, как оказалось, и не простое уголовное дело.

Разговоры со смертником

С декабря 1987-го по сентябрь 1988 года, я, будучи старшим следователем прокуратуры Татарской АССР, расследовал уголовное дело в отношении Акимова Сергея Александровича, итогом которого был приговор Верховного Суда Татарской АССР о высшей мере наказания, приведенный в исполнение за несколько лет до введения моратория на смертную казнь.

Сюжет этого дела подробно описан Беляевым М.В. в книге «Бандитский Татарстан», в телепередаче «Тайны Черного озера» на канале «ТНВ» (Казань) и в сериале «Следствие вели...» с Леонидом Каневским на канале «НТВ» (серия «Профессор любовных дел»).

Хочу попробовать взглянуть на это дело и личность Акимова немного с другой стороны.

Следователь, утром придя на работу, не знает, какой жизненный и преступный сюжет сегодня ляжет к нему на стол, и чья судьба пересечется с его судьбой.

В 1980-е годы кошмарным ожиданием казанских следователей было принять к производству уголовное дело по факту убийства или нанесения тяжких телесных повреждений в ходе массовой молодежной драки, где с обеих сторон участвовало до 50 человек – такие побоища регулярно происходили в разных районах города.

Расследуя несложное дело типа сопротивления работнику милиции, следователь общается с подследственным 4-5 раз и через какое-то время и сюжет дела, и личность фигуранта исчезают из его памяти. При расследовании же тяжких преступлений следователю приходится много и долго общаться с подследственным, «лезть в его голову», потому что о мотиве преступления может рассказать только сам преступник. Такие дела остаются в памяти надолго.

Итак, утром 8 декабря 1987 г., подойдя к зданию прокуратуры ТАССР, я почувствовал запах пожара. В конце улицы Ленина (сейчас Кремлевская) на фоне Спасской башни Казанского Кремля я увидел несколько пожарных автомобилей, стоявших напротив старинного четырехэтажного здания Гостиного двора, на двух этажах которого размещался Государственный музей, а на других этажах – разные конторы, в том числе и военная кафедра Казанского университета. Хотел было пойти туда, посмотреть на студентов – не радуются ли они внезапному освобождению от занятий, припевая «Гори, гори ясно, чтобы не погасло...»

Однако, чтобы не опоздать к началу рабочего дня, я поднялся в свой кабинет и сразу получил приглашение начальника следственной части Загидуллина Ф.Х. зайти к нему. В кабинете кроме него был молодой человек, следователь Октябрьской районной прокуратуры г. Москвы. Загидуллин познакомил меня с ним и рассказал, что на днях в Казани задержали особо опасного рецидивиста, который совершил два убийства в Казани, а ранее одно убийство в Москве. Фарид Хабибуллович велел мне начать работать по московскому и казанским убийствам.

Передавая толстый том уголовного дела и коробку с вещдоками, московский коллега рассказал, что убийство Рябовой было совершено в конце сентября 1987 г. На месте преступления, в квартире убитой, на бутылке со спиртным были обнаружены отпечатки пальцев, которые были идентифицированы как принадлежащие ранее судимому Акимову С.А., задержанному в Казани, поэтому дело было срочно привезено к нам. Это было свежее, но уже достаточно полно и качественно расследованное уголовное дело, с подробным описанием многочисленных ювелирных изделий, похищенных у убитой, и описанием личности подозреваемого, которого подруги убитой знали как Геннадия Толмачёва.

В тот же день я получил материалы уголовного дела по факту убийства 2 ноября 1987 г. в Казани Афанасьевой Светланы

и Халиуллиной Татьяны и разбойного нападения на Садыкова Р., совершенного также в Казани 3 декабря 1987 г.

Пока я читал новые дела, ко мне зашел оперативник ОУР УВД г. Казани Володя Зайцев, назначенный для оперативного сопровождения дела, и поделился своими впечатлениями от короткого общения с Акимовым и того «шороха», который он навел в эти дни своими признаниями о совершенных убийствах.

Со слов Зайцева, вечер 3 декабря 1987 г. выглядел примерно так: Акимов решил завладеть автомобилем для совершения преступления и, остановив первый попавшийся автомобиль ВАЗ-2106, с ножом напал на водителя. Однако, водитель Садыков Р. оказался тренированным парнем, с навыками борьбы каратэ и несколько раз крепко ударив Акимова, обездвижил его и передал подъехавшему патрулю ОВО Бауманского РОВД г. Казани.

В РОВД, помятый и слегка контуженный Акимов на вопрос дежурного опера, кто он такой, гордо ответил: «Я особо опасный рецидивист Акимов Сергей Александрович, нахожусь в розыске, совершил ряд убийств, в том числе два убийства в Казани...» Услышав такой ответ, в РОВД съехалось руководство уголовного розыска.

Об этом общении с операми Акимов потом мне рассказывал: «Я им объявился... Они возбудились, засуетились и один из них подсел ко мне с листком бумаги, где был перечень 5-6 не раскрытых убийств, и так ласково спрашивает, какие из них я возьму... А я им говорю: нет, ребята, это не мое, сами раскрывайте. А сейчас давайте мне прокурора, сажайте в автомобиль, и я сам покажу, где трупы. Они слегка напряглись и стали расспрашивать, где конкретно находятся трупы, чьи трупы, а я им говорю: я не здешний, названий не знаю, но на местности ориентируюсь и могу показать, а пока заварите мне чифирия...»

Из протоколов проверки показаний на месте от 4 и 5 декабря 1987 г., составленных Загидуллиным Ф.Х., следовало, что, по указанию Акимова, труп Афанасьевой Светланы был обна-

ружен в заснеженном овраге около 32-го км автодороги Тюлячи-Богатые Сабы, труп Халиуллиной Татьяны – под снегом, в районе автодороги Казань-Горький, около перекрестка пос. Залесный-Осиново. Расстояние между этими двумя точками – 45-50 км. Причем Афанасьева находилась в розыске как без вести пропавшая с конца ноября 1987 г., а Халиуллину никто даже не искал.

Читая эти протоколы, я понял, куда на днях отлучался мой начальник, и вечером выглядел, как будто вернулся с лыжной прогулки.

Справка информцентра МВД на Акимов С.А., 10 июля 1948 года рождения, была на 2 листах и содержала сведения о его пяти судимостях в 1964, 1968, 1971, 1976, 1979 гг. за хулиганство, кражи, грабежи, разбой, мошенничество и подделку документов. В 1979 г. он был признан особо опасным рецидивистом. Посчитав по справке, что Акимов более 23 лет провел по тюрьмам, я понял, что с таким типажом мне еще дела иметь не приходилось и надо подумать, как с ним поаккуратнее работать.

Я решил спланировать первый допрос как ознакомительный, расспросить о семье, детстве, болезнях, а далее по ситуации, и пошел в СИЗО № 1 МВД Татарской АССР, расположенный на ул. Красина (сейчас ул. Япеева), куда был помещен арестованный Акимов.

Об этой тюрьме надо сказать отдельное слово, так как СИЗО на Япеева – это тюремная и историческая достопримечательность Казани, как «Кресты» в Санкт-Петербурге и «Бутырка» или «Лефортово» в Москве. Светло-серый фасад тюрьмы, выходящий на улицу Япеева, представляет собой двухэтажное здание с редкими окнами между двух башен типа крепостных. За фасадом и за стеной расположено несколько корпусов.

Казанский тюремный замок был построен в 1802 г. по проекту архитектора Якова Шелковникова, который также был архитектором Казанского Богородицкого монастыря, чьи стены, похожие на крепостные, возвышались напротив тюрьмы.

Когда-то это была окраина, но потом здесь стали строиться усадьбы дома казанских помещиков. Так, на другой стороне улицы располагался дом Юшковых-Горталовых – когда-то здесь жила Пелагея Ильинична Юшкова, родная тетя Льва Толстого. Можно предположить, что студент Казанского университета Лев Толстой именно здесь наблюдал какие-то сцены тюремной жизни, чтобы через много лет описать их в своем романе «Воскресенье». Тюрьма и по сей день выполняет свои функции, и если на ее стены вешать мемориальные доски об исторических личностях и достойных сынах Отечества, побывавших в ее стенах в разное время, на всех не хватит места.

Когда осенью 1981 г. я, молодой следователь, впервые там побывал, то попал в хорошо сохранившуюся казенную атмосферу начала XX века: деревянная лестница в спецчасть на 2-й этаж с протертыми толстыми деревянными ступенями и многократно перекрашенными толстыми балясинами и перилами, филенчатые двери грязно-белого цвета, стены, выкрашенные в серый, а местами синий цвет, остатки дореволюционной керамической плитки на полу. Еще там стоял особый, ничем неистребимый дух – ароматы старого дерева и бумаги переплетались с запахами табачного дыма и тюремной кухни.

Мне стала так интересна история этого заведения, что я пошел в национальную библиотеку и выписал для чтения 5-ти томный труд профессора Гернета «История царской тюрьмы». Узнав историю тюрем Москвы, Владимира, Тобольска и т.д., добрался до Казанского тюремного замка и с удивлением обнаружил, что план тюрьмы с XIX века мало чем изменился. Стража (дежурная часть) и другие службы как сидели в давние времена в помещениях, обозначенных на плане, так и сидят. Только в квартире смотрителя в наши дни расположилась спецчасть.

Позже чтение книги «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург (матери писателя Василия Аксёнова), где она описывает эту тюрьму в 1937 г., подтвердило мои наблюдения: тюрьма не-

зыблема, и мы, советские следователи, ходим одними и теми же коридорами по следам целых поколений ее обитателей. Но это – тема для отдельного рассказа.

Итак, я пришел в СИЗО для встречи с Акимовым. После оформления бумаг на вызов, контролер выпустил меня во внутренний двор. Громко играла музыка из репродуктора. Молодые парни из хозобслужки, одетые в черные бушлаты и шапки, выкатывали тележки с буханками хлеба и 40-литровыми кастрюлями, издававшими запах щей. Они внимательно осматривали каждого человека с воли, а девушек-следователей еще и провожали долгими взглядами.

Я прошел в одноэтажный корпус, примыкающий к кухне. Шесть следственных кабинетов площадью чуть больше купе поезда когда-то были одиночными камерами. В некоторых из них сохранились ниши в стене и обломки кованых петель, к которым крепились цепи, поднимавшие в нишу спальное место, а также кованые скобы, фиксирующие поднятые койки. Историю этих камер я толком не знаю, кроме того, что после войны здесь сидели немецкие генералы, с которыми работали казанские чекисты.

В камере, отведенной для допроса, стоял небольшой стол и три табурета, прикованных к полу, дверь была фанерной, без замков. Женщина выводной инспектор привела молодого мужчину среднего роста, одетого в «чебурашку» – шубу из черного искусственного меха, легкого в движениях, с быстрым, цепким, внимательным взглядом. Сейчас могу сказать, что чертами лица он напоминал артиста Домогарова в молодости.

Акимов был старше меня на 10 лет, и его процессуальный статус и фабула дела не давали мне повода ему «тыкать» или как-то показывать свое превосходство. Обратившись я к нему по имени-отчеству, я представился и попросил рассказать о себе, о семье, о том, как попал в Казань.

На допросе следователь и подследственный сидят буквально «нос к носу». Мимика, движения рук и глаз собеседников,

интонации характеризуют их психическое состояние. При этом следователь – хозяин положения, карты дела раскладывает он, правда, зачастую не зная, что имеет в прикупе подследственный. Поэтому в диалоге надо следить за реакциями собеседника. Лучше дать ему выговориться самому.

Арестованный напряжен: мир его перевернулся, весь прошлый опыт подсказывает – следователю доверять нельзя, но и игнорировать его вопросы тоже ни к чему хорошему не приведет. Его охватывают неопределенность, страх за содеянное, желание что-то скрыть, но при этом думать, что еще есть надежда...

Попросив разрешения, Акимов закурил. Глядя в сторону и вниз, он зажимал сигарету пальцами, на одном из которых была старая, поблекшая татуировка-«перстень». Кивнув на татуировку, я спросил: «По малолетке, что ли, дело было?»

Выдохнув дым, Акимов ответил: «Да». И начал рассказывать про Саратов, где он родился и жил с отцом, участником войны, полковником, командиром строительной части, мамой – начальником ОРСа (отдел рабочего снабжения) большого предприятия и младшим братом.

Рассказ был схематичным, без подробностей: семья была состоятельной, отец много работал, иногда выпивал, мать, распоряжаясь разным торговым дефицитом, имела широкий круг знакомых и мало им занималась. У обоих родителей были связи на стороне, что служило причиной скандалов и взаимной отчужденности. Рождение братишки, который был младше него на 7 лет, не сплотило семью. Учился он легко, но цели получать знания и достигнуть успехов в учебе не было. Дома было неуютно, были случаи, когда приворовывал по мелочам у родителей. Его ругали, иногда били, но стыда не было, потому что родительский пример противоречил тому, что пытался ему внушить на словах.

В дворовой компании Акимов чувствовал себя хорошо. Был заводилой и подстрекателем – ограбить пьяного, взломать

ларек и украсть сигареты или шоколад. Ему нравилось быть ловким и дерзким, находиться в центре внимания. Но в один злосчастный день преступная удача отвернулась, и он, 15-ти летний подросток, с соучастниками был осужден за совершенные кражи, грабежи, разбой и хулиганство на 6 лет лишения свободы. В заключении пробыл 3 года и освобожден условно-досрочно в феврале 1967 г., потому что отец, наладив отношения с руководством областного Управления исправительно-трудовых учреждений, поставил им такое количество дефицитного кирпича, что был построен целый корпус саратовской тюрьмы.

На свободе мать с отцом попыталась вернуть его к нормальной жизни, отправили учиться в техникум, который он не закончил. Пробовал работать, даже женился, но семья не сложилась. С женой отношения давно не поддерживает, остался только штамп в паспорте, который ему никак не мешает и его жене, видимо, тоже.

Впоследствии регулярно совершал разные преступления, как в одиночку, так и в компаниях. Осуждался к лишению свободы в Саратове, Пензе, в последний раз в Кировской области, где, отбывая наказание, пытался бежать и был признан особо опасным рецидивистом.

Из родственников остались только мать и младший брат, который ранее работал оперуполномоченным УУР Саратовского облисполкома, перенес инсульт и теперь на инвалидности. Отношения с ними не поддерживает из-за того, как они отказались принять его в Саратове после последнего освобождения в феврале 1987 г. и поэтому он был вынужден остаться под административным надзором в поселке Лесной Верхнекамского района Кировской области, откуда в итоге он убежал.

Рассказывал спокойно, последовательно, как оперативники докладывают про чужую жизнь и преступления, иногда поднимая серые холодные глаза.

Для первого допроса и знакомства было достаточно. Расстались мы с ним на том, что на следующей встрече он подробно расскажет об убийстве в Москве и о казанских убийствах.

По этому делу также был арестован ранее судимый казанский таксист Галиаскаров Наиль, 1946 года рождения, соучастник Акимова в эпизодах казанских убийств и других преступлений, совершенных в городе. С ним тоже надо было работать.

Я доложил Загидуллину о первом допросе Акимова и о своем впечатлении от общения. Фарит Хабибуллович был опытным старшим товарищем. Он успешно расследовал сам и руководил расследованием громких и сложных дел, в том числе казанской банды «Тяп-ляп» и людоеда Суклетина. Обсуждая со следователем ситуацию, он всегда давал дельные советы, ссылаясь на личный опыт, высказывал свое мнение, но не навязывал его, не нервировал следователя мелочной опекой и вопросами типа «Где был?» и «Что делал?» 3 декабря 1987 г. Загидуллин лично принял от Акимова явку с повинной, общался с ним 4 и 5 декабря при проверке этой явки касавшего убийств Афанасьевой С. и Халиуллиной Т., участвовал в поиске трупов, занесенных снегом, и сказал мне: «Это сложный и ушлый парень, с ним ухо надо держать востро и закреплять его признание...»

Мы решили на следующий день подробно допросить Галиаскарова, который, со слов оперативника Зайцева, трясся от страха и неопределенности и был готов сотрудничать. Надо было определиться и закрепить роли Акимова, признающего убийство Афанасьевой С. и Халиуллиной Т., и Галиаскарова, бывшего за рулем такси, где были убиты девушки, и послушать, что он расскажет о жизни Акимова в Казани.

Галиаскаров был плотным, круглолицым мужчиной среднего роста. Его типаж метко определил Акимов, отвечая на мой вопрос, как они познакомились: «Когда я сошел с горьковского поезда на станции Казань, на площади стояли автомобили такси, но чутье мне подсказывало, что в городе что-то случи-

лось и кого-то ищут, поэтому я, пройдя между автомобилями, сел в машину, где водитель был самый жуликоватый на вид». Чутье Акимова не обмануло – действительно, в этот период было совершено два нападения на водителей такси и милиция проводила соответствующие мероприятия.

Они совпали как два пазла – оба с тюремным прошлым, ведущий Акимов и ведомый Галиаскаров. Новый знакомый обеспечил Акимова транспортом и жильем, познакомив с одинокой женщиной, а также ввел его в круг людей, скупавших краденые вещи. В течение двух месяцев они совместно совершили целый ряд правонарушений. Галиаскаров был «бесцветной личностью» – такие часто попадают под влияние психологически и административно доминирующих опытных преступников. Это подтвердила и позже проведенная судебно-психологическая экспертиза.

Галиаскаров был чрезвычайно удручен, что стал соучастником тяжких преступлений, и старался быть полезным следствию. Он подробно рассказывал, как он оказался под влиянием Акимова. В квартирах у указанных им официанток ресторана «Казань» были изъяты вещи, ранее похищенные Акимовым, а затем им проданные, и другие вещественные доказательства. В том числе и часть ювелирных изделий, похищенных в Москве у убитой Рябовой.

Жена Галиаскарова, задержанная на трое суток, тоже поведала много интересного из жизни Акимова в Казани.

На следующем допросе Акимов поведал об обстоятельствах знакомства с Рябовой и ее и убийства в Москве. Его рассказ о том, как случайно сев в такси, где уже ехала Рябова, он за три минуты ее очаровал, подарив кольцо с красным камнем, ранее украденное в Саратове, а она тут же пригласила его к себе домой, сначала воспринимался как хвастовство. Однако протоколы допросов свидетелей по этому эпизоду, привезенные московским следователем, подтверждали, что Рябова действительно была в восторге от знакомства в такси с «Геней Толмачёвым» из Саратова.

Далее, по многим эпизодам, где потерпевшими были женщины, в основном средних лет, данный способ знакомства и моментального входа в контакт и доверие нашел неоднократное подтверждение.

В ориентировке прокуратуры г. Москвы, опубликованной в газете, было указано следующее: «Акимов эрудирован, контактен, легко вступает в контакт с незнакомыми людьми, хорошо чувствует собеседника, знакомится с женщинами, дарит дорогие вещи и обещает жениться».

Рябова была разведенная жена крупного московского чиновника, проживала в богато обставленной квартире на ул. Большая Полянка, куда и привела своего нового знакомого. Погостив несколько дней, Акимов рано утром задушил ее полотенцем, забрал многочисленные ювелирные изделия и предметы одежды, всего на сумму более 9 000 рублей, и на автобусе выехал в г. Горький.

На вопрос: «Зачем вы убили Рябову, если могли просто украсть золото и вещи?», Акимов ответил примерно так: «Убийство – не моя тема, я бы и украл, но Рябова не оставляла меня одного дома, когда уходила на работу, а уводила с собой. Но когда она похвалилась, что на ней золото по цене «Жигулей» и я увидел у нее шкатулку золотых украшений с бриллиантами, у меня как будто закружилась голова и я сгибом руки душил ее до потери сознания, а потом, схватив полотенце, задушил окончательно...»

Потом он пояснил, что уже полгода был в розыске и в бегах, жил по документам Геннадия Толмачёва, так как во время одной из квартирных краж в Саратове он похитил удостоверение электромеханика ОВО на это имя. Удостоверение было коричневого цвета с тиснением золотыми буквами «Управление внутренних дел Саратовского облисполкома» и помогало ему производить впечатление на собеседников. Жить в розыске приходилось в постоянном нервном напряжении, и в Москве у него произошел нервный срыв.

Следующий допрос был посвящен казанским убийствам. У следствия уже была наработана определенная база: явка с повинной Акимов, протоколы проверки показаний с его участием и обнаружением трупов, выдачи чехла с заднего сидения автомобиля со следами крови. Нужно было выслушать Акимов о мотиве преступления и о роли в нем Галиаскарова.

Убийства Афанасьевой С. и Халиуллиной Т. в Казани произошли через месяц после убийства Рябовой в Москве. До этого Акимов в автомобиле Галиаскарова уже обворовал пьяного пассажира и совершил кражу в квартире знакомой таксиста.

1 ноября 1987 г., катаясь по городу с Галиаскаровым в его такси, у автовокзала они познакомились с Афанасьевой, которая собиралась ехать на свидание в ИТК в г. Менделеевск (250 км от Казани), но не смогла купить билет на поезд. Из разговора Акимов понял, что Афанасьева должна передать в колонию крупную сумму денег. Тюремная тема ему была очень близка и ранее он уже совершал мошенничества в отношении родственников осужденных, которые пытались передать деньги на зону. Акимов проявил радужное участие и предложил на следующий день отвезти девушку в Менделеевск на такси, а Галиаскаров подтвердил свою готовность.

Утром 2 ноября 1987 г. Акимов и Галиаскаров подъехали к дому, где проживала Афанасьева, но она вышла не одна, а с проживавшей вместе с ней подругой Халиуллиной, которую пришлось отвезти на работу на ул. Максимова в северную часть города.

Выехав на автодорогу в сторону Набережных Челнов (тогда г. Брежнев), Акимов попросил Галиаскарова съехать с дороги на пустынном месте и погулять. Афанасьеву он задушил ее же шарфом, труп, с помощью Галиаскарова, выбросил в заснеженный овраг. Ожидаемой большой суммы денег при женщине не оказалось. Всю добычу составили 40 рублей, золотой перстень, дешевые сережки и сумка с продуктами и вещами. Акимов постигло разочарование, но еще больше был страх за разоблачение, ведь подруга видела и их самих, и автомобиль.

Преступники вернулись в Казань, дождались окончания рабочего дня в хозмаге на ул. Максимова, где работала Халиуллина, и Акимов забрал подружку убитой под предлогом «погулять-покататься». Прогулка закончилась на окраине города. Татьяна так же была задушена и выброшена на заснеженной обочине. Была похищена ее дешевая сумка из искусственной кожи.

Для протокола сам Акимов изложил события так: «Причины и мотивы убийств в Москве и Казани – трудный вопрос для меня. В Москве Рябову я мог обокрасть, не лишая ее жизни. Но когда я увидел ее золотые изделия, во мне что-то произошло, и я задушил Рябову. Мотив был, конечно, корыстный, но и тут не преследовал наживу, потому что бриллианты в Казани были проданы очень дешево. Так же неожиданно для себя я задушил Афанасьеву, рассчитывая получить крупную сумму денег. Убийство Халиуллиной, конечно, было спланированным и обдуманым, и здесь не преследовался корыстный мотив, а была необходимость устранить свидетеля, который мог разоблачить меня и Галиаскарова. Совершая убийства, я рассчитывал, что их будет невозможно раскрыть, поскольку нет логики в действиях: в разных концах города, даже за городом, обнаруживают два трупа, причем труп Афанасьевой найдут только весной-летом, когда кто-то по нужде зайдет в этот овраг. К этому времени трупы разложатся, трудно будет установить их личность. Я не входил в круг знакомых этих девушек, никто меня с ними не видел, и ни в одну версию я не попадаю. Когда убивают молодых девушек, можно предполагать, что угодно. Но эти убийства не прошли для меня бесследно, и я начал пить...»

Правильная литературная речь, кругозор и интеллект, логическое изложение, знание законодательства и анализ предполагаемых следственных версий мало увязывались с 23-х летним тюремным стажем рецидивиста. Я решил расспросить Акимов об источнике его знаний.

Оказалось, что среднюю школу он закончил в колонии для малолетних, учеба в техникуме на свободе «не пошла», он снова начал совершать преступления. Отбывая наказание в колониях, он никогда не работал на производстве, а всегда был санитаром, медбратом в тюремной больнице, библиотекарем или в худшем случае завхозом-дневальным. В больнице общался с врачами и интересовался медициной, работая в библиотеке, читал русскую и зарубежную классику, историческую литературу. Отбывая наказание в ИТК в Кировской области, учился вместе с начальником отряда – заочником юридического института и выполнял за него задания и курсовые работы. По этому поводу Акимов сказал: «Диплом получил майор, а я получил знания».

Акимов не скрывал от меня, что он состоял в агентурной сети в колонии и оперативная работа для него не секрет. Более того, после допросов по эпизодам убийств, когда между нами сложился психологический контакт и мы начали говорить о том, где и какие преступления он совершил на территории СССР, я почувствовал: что-то в его поведении начинает влиять на меня в плане организации расследования, видимо, он пытался применять какие-то психологические приемы.

С помощью географического атласа СССР он назвал свой примерный маршрут по стране, но о том, что он натворил в этих городах, говорил избирательно. На эти допросы он приходил с листком бумаги, где аккуратным мелким почерком были записаны эпизоды преступлений. Причем каждый эпизод был поименован, как оперативное дело, например, «Ученая», «Саратов, июль 1987 г., кража магнитофона».

Заранее продуманных маршрутов у него не было. В Саратове он купил газету, где были брачные объявления. В период перестройки это было новое явление – во многих газетах рядом с объявлениями о купле-продаже появились объявления под рубрикой «Знакомство». Среди вещей, изъятых у Акимова, была одна такая газета с его пометками. Прочитую одно

из объявлений: «Народная мудрость гласит: женщина счастлива, когда у нее есть диктатор. Хочется, чтобы этот диктатор был добрым, спокойным, образование и профессия значения не имеют. О себе: 42 года, рост 165, волосы, глаза светлые, добрая, детей нет. Прошу откликнуться мужчине от 37 лет. Писать: Куйбышев, ул. Тушинская, дом такой-то».

В этой газете были подобные наивные призывы о знакомстве от одиноких женщин из Москвы, Казани, Хабаровска и других городов. Время было непростое, и женщинам приходилось жить в этом времени – все они ждали чуда в отношениях, но на деле чаще всего на их призывы откликались именно такие «добрые и спокойные», как Акимов. Кому-то он написал, а к кому-то поехал без предупреждения.

Например, в г. Шарья Костромской области Акимов приехал под видом проезжего отпускника-северянина, продемонстрировал свои заработки, показав украденные чужие сберегательные книжки. Про этот эпизод сам он рассказал так: «В начале сентября я приехал по адресу, указанному в объявлении. Женщина, очень даже ладненькая тетя, жила в своем доме и копала картошку в огороде. Мы вместе выкопали 10 мешков. Она была в восторге и всё удивлялась, что я на Севере сохранился как в вечной мерзлоте. Я пожил там 2-3 дня, украл немного денег и золотые украшения, которые нашел у нее».

На мой вопрос, почему он не задержался или даже не осел в Шарье, если был так радушно встречен, Акимов совершенно серьезно ответил: «Я так наломался, таская мешки с картошкой, что нисколько не хотел пилить бревна и рубить дрова на зиму».

И так было по каждому эпизоду в разных городах: несколько часов или несколько дней знакомства с женщинами от 30 до 45 лет, участливое обхождение, затем кража денег, золота и вещей, после чего Акимов покидал место преступления и садился на ближайший рейс в любой город. Все женщины были примерно одного психологического типа и социального по-

ложения – разведенные и, что называется, «в поиске». Дурами и непорядочными большинство из них назвать было нельзя. Похищенные вещи и золото Акимов или продавал, или дарил очередной жертве.

Так, после убийства Рябовой в Москве, он приехал на автовокзал и уехал в Горький. В Горьком, не задерживаясь, купил билет на первый же поезд и оказался в Казани.

При общении с Акимовым меня нервировало, что во время длительных допросов он, глядя мне прямо в лицо своими холодными глазами, предлагал, что мне дальше делать, куда ехать, что у кого изъять и т.д. То есть, он начал самостоятельно планировать выезды из СИЗО для проверки его показаний. Это становилось опасно, и я решил сократить время общения с ним до двух часов в день, чтобы избежать какого-либо влияния, и работать четко по своему плану.

За декабрь он мне рассказал несколько десятков эпизодов краж, разбоев и мошенничеств, совершенных им по городам РСФСР, Белоруссии и Казахстана. Так как только в одном Саратове и Саратовской области было совершено более 10 преступлений, то, по согласованию с УВД Саратовского облисполкома, их расследование было поручено следователю Энгельского РОВД Альхову В. В остальные области были посланы подробные отдельные поручения.

На одном из допросов, слушая и протоколируя похождения Акимова, я спросил у него, почему он ничего не рассказывает про свою почти новую шубу из искусственного меха, в которой он ходит – было очевидно, что шуба краденая. Акимов начал отнекиваться и заявил, что расскажет об этом весной, потому что иначе я у него эту шубу заберу и он будет мерзнуть. Мы договорились, что он всё расскажет сейчас, а ему взамен шубы выдадут бушлат.

Так я услышал казанский эпизод разбойного нападения с использованием алкоголя и снотворного. 19 ноября 1987 г. Акимов и Галиаскаров, катаясь в такси, на железнодорожном

вокзале посадили пассажира, одетого в новую шубу из искусственного меха, который намеревался ехать в аэропорт. Он кашлял, жаловался на головную боль с похмелья и, на свою беду, рассказал Акимову, что хорошо заработал на «шабашке». «Сердобольный» Акимов, остановив такси у магазина, купил бутылку вина и дал ему две таблетки фенобарбитала, сказав, что это препарат от кашля. Тот предложенные таблетки проглотил, запил вином и вскоре отключился. Находящегося без сознания мужчину Галиаскаров и Акимов привезли на окраину города, забрали у него 450 рублей и сумку, раздели до штанов и рубашки и оставили на обочине дороги в снегу.

Акимов не знал фамилии и имени потерпевшего. Следствие располагало только сумкой, изъятной у преступника при аресте, и шубой, также изъятной в качестве вещественного доказательства. Галиаскаров подтвердил показания Акимова и назвал тот же район, где они выгрузили бесчувственного пассажира – остался он жив или замерз, оба они не знали.

С оперативником Зайцевым мы предположили, что этого человека надо искать среди неопознанных трупов, и что какие-то следы такого происшествия могут обнаружиться в территориальном отделе милиции. Через несколько часов Зайцев сообщил, что в тот день и примерно в это время с указанного места в медвытрезвитель Приволжского РОВД был доставлен гражданин Ильин, который, к счастью, не замерз, а был подобра́н вахтовым автобусом.

При допросе работников медвытрезвителя выяснилось, что в момент приема Ильина в их учреждении находилась съемочная группа Казанской студии кинохроники, снимавшей антиалкогольный фильм, и «внос тела» в приемный покой стал одним из сюжетов. В студии кинохроники нам показали отснятый материал, и мы увидели наш эпизод – не просто пьяного человека, а абсолютно расслабленное и бессознательное тело, состояние которого поучительно критиковал голос диктора за кадром. Видеозапись была копирована и приобщена

как вещественное доказательство к делу. Также к делу была приобщена справка доцента кафедры фармакологии Казанского мединститута, подтверждающая эффект и опасность для жизни и здоровья употребления «коктейля» из фенотарбита с алкоголем. Данный эпизод был квалифицирован как «разбой» ввиду опасности для жизни и здоровья оставления на морозе раздетого человека в бессознательном состоянии.

Однажды Акимов заявил, что за ним есть еще одно убийство или, как минимум, тяжкое телесное повреждение, которое он совершил в 1964 или 1965 году в Саратове, еще будучи несовершеннолетним. Он описал местность, приметы и обстоятельства конфликта с мужчиной, которого он ударил ножом в грудь. Подробный запрос был направлен прокурору Саратовской области с просьбой проверить заявляемый факт преступления, совершенного почти 25 лет назад. Ответ пришел только через три месяца – саратовские прокуроры не подтвердили ни убийство, ни телесные повреждения.

Тем временем накопился достаточный материал для экспертной оценки личности обвиняемых.

Амбулаторную судебно-психиатрическую экспертизу Акимов прошел блестяще, покориw комиссию интеллектом и обаянием, и был признан вменяемым.

Однако его психологический типаж и влияние на женщин для меня оставались загадкой, и я решил назначить судебно-психологическую экспертизу. Ранее у меня был опыт такой экспертизы с доцентом местного пединститута, но его исследование меня не устроило. Мы обсудили ситуацию с Загидуллиным Ф.Х., и он посоветовал обратиться к психологу военно-врачебной комиссии медсанчасти МВД ТАССР Панайоти Л.Н.

В то время, когда не было Интернета, а психологическая литература была редкостью для широких масс, мне самому был очень интересен как процесс производства такой экспертизы, так и ее методика.

Эксперт, располагающая к общению женщина, заинтересовалась моим рассказом об обстоятельствах дела, поведением потерпевших и персоной объекта исследования. Она пояснила, что при исследовании психологической структуры личности используются тесты-опросники, например, ММРІ – Миннесотский тест из почти 600 вопросов, который американцы начали применять еще в 1940-е годы, когда комплектовали экипажи дальних бомбардировщиков, тест-рисунок «несуществующего животного» на выявление скрытых эмоций, тест Люшера для определения эмоционального состояния личности и еще какие-то опросники.

С Галиаскаровым по итогам психиатрической и психологической экспертиз никаких неожиданностей не возникло. Он был вменяем и в силу примитивности и иных особенностей своей личности зависим от Акимова. Психолог определила следующее: «В исследуемой ситуации Галиаскаров Н.Б. находился под влиянием Акимова С.В. в силу личностных особенностей обоих подэкспертных. Слабоволие, малодушие, низкий порог психической выносливости, а также направленность ситуации и воздействие Акимова С.В. не позволили найти выход из сложившейся ситуации, в которой он оказался пассивным и безропотным исполнителем».

С Акимовым исследование проводили два дня. Увидев в следственном кабинете молодую женщину, он всеми силами старался произвести на нее впечатление и с удовольствием отвечал на ее вопросы, рассказывая о своих «похождениях» с обманутыми им потерпевшими. Тест ММРІ он прошел минут за сорок, потому что эксперт ему сказала, что скорость ответов имеет значение для выводов.

В тесте «несуществующее животное» он нарисовал какое-то подобие кошки с человеческой головой и назвал его «челошка». Пояснил, что он и есть «челошка» – человек-кошка, всегда гуляющий сам по себе, гибкий, ласковый, проникающий в любую щель, приспособляющийся к обстановке и людям, но имеющий когти и всегда готовый пустить их в ход.

Заключением психологической экспертизы было установлено, что на момент экспертизы (январь 1988 г.) Акимов находился в состоянии нервно-психического истощения и представлял собой психопатизированную личность истероидно-неустойчивого круга, с выраженными нарушениями эмоционально-волевой сферы. Среди особенностей характера были отмечены повышенная и неудовлетворенная потребность в признании, стремление привлечь к себе внимание, оказывать влияние с одной стороны и антисоциальная направленность поведения с другой, а также расторможенность, импульсивность и спонтанность эмоций.

Мне стали понятны театральность его общения с потерпевшими в некоторых эпизодах, стремление приковывать к себе внимание и создавать о себе поверхностное впечатление положительного человека. Как он сам хвалился: «Я бы мог быть артистом – я и в бараке, и в кабинете на паркете у тюремного генерала, чувствовал себя свободно. Играть роль – это мое...»

Последним казанским эпизодом стала подготовка нападения на кассира швейной фабрики, где кладовщицей работала жена Галиаскарова. Здесь также была заявлена претензия на эффект – Акимов решил совершить это нападение в форме офицера Советской Армии. Формой этой он разжился накануне. Галиаскаров, как обычно, был за рулем, Акимов сидел рядом с ним, когда к ним в такси села пьяненькая учительница русского языка и литературы, чтобы доехать до подруги. Тут Акимов начал читать стихи Есенина, проявлять всяческую галантность, от чего планы у пассажирки изменились. Она пригласила новых знакомых к себе домой пить чай и дальше читать стихи. Выяснилось, что муж хозяйки – офицер, который находится в суточном карауле. Акимов, горячо рассуждая о своей мечте носить военную форму, попросил хозяйку разрешить примерить китель мужа. Хозяйка дала ему для примерки полный комплект старой парадной формы с сапогами, надев который, Акимов продолжал «гусарить» и очаровывать хозяйку.

В итоге форму эту она ему подарила. Завладение формой не стало отдельным эпизодом обвинения, но последствия этого «подарка» были трагичны. На одном из казанских кладбищ есть могила офицера, которому принадлежала эта форма – он застрелился вскоре после задержания Акимова.

В марте-апреле 1988 г. были проведены организационно сложные мероприятия по проверке показаний Акимова с выездом на места совершения преступлений в Саратове и Куйбышеве. Заранее обговорив с саратовскими и куйбышевскими коллегами наши планы и маршруты, мы впятером: я, Зайцев и Акимов под конвоем двух вооруженных сержантов из конвойного батальона МВД ТАССР, на рейсовом самолете АН-24 прилетели в Саратов.

После того, как остальные пассажиры вышли из самолета, нас пригласили на выход. И тут мы узнали, что Акимов больше всего на свете боится собак. Вступив на трап и увидев около тюремного фургона конвой со служебной овчаркой, он буквально заверещал: «Уберите собаку, я никуда не пойду!», и потянул прикованного к нему конвоира обратно в салон самолета.

Начальник саратовского конвоя, взрослый капитан, видимо ранее знавший Акимова, поднялся в салон и сказал: «Сергея, я сейчас уберу собаку, но ты знай, ты собираешься нас вести в такие места, где можно убежать. Если ты попробуешь сделать рывок, собаку спускаем и полчаса не подходим. Договорились?»

Проверка показаний в Саратове проходила три дня. Местные следователи обеспечили нас автобусом, конвоем и понятыми. Поездили мы и по центру города, и по окраинам. Всё было стандартно: Акимов указывал адрес или приметы микрорайона, описывал эпизод. Мы приезжали туда, конвой рассредотачивался по местности, а кинолог держал собаку на расстоянии двух-трех прыжков.

Если преступление было совершено в квартире, нас встречали хозяева, и Акимов получал свою порцию осуждения, порицания, а иногда и крепкой ругани.

В один из дней пребывания в Саратове, утром, перед выездом группы, ко мне подошел местный сотрудник и сказал, что пришел младший брат Акимов и хочет поговорить. Мы встретились. Брат оказался худощавым мужчиной, привлекавшим ногу. Он всё знал о преступлениях брата, с пониманием оценил будущий приговор и попросил о свидании. Свидание он получил тут же, в нашем присутствии. Это была сдержанная, достаточно холодная встреча, я бы сказал ритуальная, потому что каждый из них хорошо понимал перспективы дела и вопросы о здоровье и жизни были формальными.

Я поинтересовался, как так получилось, что, имея неоднократно судимого брата, он служил в милиции. Он ответил, что после того, как Сергей впервые был осужден, родители уделили максимум внимания его воспитанию, сделав из старшего брата живой отрицательный пример. Когда он отслужил в армии и решил идти на работу в милицию, то влиятельные родители решили вопрос его поступления на службу. Служил так, как будто отмаливал грехи брата – от постоянного эмоционального перенапряжения в 29 лет его разбил инсульт. Прощаясь, он мне посоветовал быть с Сергеем поосторожнее, потому что от того можно ожидать чего угодно.

Проверка показаний в Куйбышеве, а потом в Чебоксарах прошла также без осложнений.

К маю 1988 г. было расследовано 3 эпизода убийств, 20 эпизодов краж, 14 мошенничеств, 4 разбоя и одно приготовление к разбою (касса швейной фабрики), 5 эпизодов хищения документов. Преступления были совершены в Москве, Саратове, Куйбышеве, Чебоксарах, Казани, Кирове, Костромской области, Новополоцке (Белоруссия) и Караганде (Казахстан).

К этому времени Акимов оправился от нервного истощения, психологически восстановился, обжился в СИЗО и начал новую игру, согласно правилам которой больше о своих преступлениях он говорить не будет. Об этом он откровенно заявил:

«Как у всякого бывалого зека, у меня есть заначка... Я об этом буду говорить только на суде».

В этот период начальником ОУР УВД Казани был К., бывший следователь, не имевший личного низового оперативного опыта. Он решил использовать авторитет рецидивиста, сотрудничающего со следствием, в своих оперативных целях. На его столе я видел поступившее из оперотдела УИТУ двухтомное рабочее дело Акимова.

К этому времени я уже съездил в командировку в поселок Лесной Верхнекамского района Кировской области, откуда Акимов, обманув местного начальника ОУР, убежал из-под надзора и 9 месяцев совершал преступления по всей территории СССР. Там я услышал много интересного. Администрация колонии Акимова ненавидела. Мне стало известно, что Акимов, отбывая наказание, участвовал в оперативных мероприятиях местного КГБ, в результате чего был осужден один из старших офицеров колонии.

Поселок Лесной, основанный незадолго перед войной, был центром Вятского Управления лесных исправительно-трудовых лагерей и «тюремной столицей» Кировской области. Эта та ситуация, когда «кругом тайга и прокурор в ней медведь». Все объекты: магазины, котельные и т.д., то есть все рабочие места на них, принадлежали УИТУ, там даже была своя спецпрокуратура, а советская власть в виде сельсовета и отделения милиции существовала в тени Вятспецлеса. Поэтому Акимов, освобожденный под административный надзор как ООР, не мог устроиться на работу в поселке. Своими разговорами о возможности внедрения в преступную группу для раскрытия серьезного экономического преступления он вскружил голову местному оперативнику и начал под этим предлогом выезжать из Лесного, а затем и вовсе не вернулся.

Целью моей поездки был не только сбор характеризующего материала, но и выяснение обстоятельств халатности офицера местного РОВД, осуществлявшего административный надзор

над ООР Акимовым и объявившим его в розыск только после московского убийства, то есть через 6 месяцев после самовольного ухода из-под надзора. Далее этот материал был выделен и направлен прокурору Кировской области, было возбуждено уголовное дело, и офицер был осужден за халатность.

В оперативные планы начальника ОУР УВД г. Казани я вмешиваться не мог, но знал от того же Акимова, что местная «братва» приняла его «на ура», он достойно снабжается в камере и сидит вместе с одним из «авторитетов» набирающей силу преступной группировки.

Знаю, что на каком-то этапе, находясь в СИЗО, он активно освещал милиции криминальную обстановку, но был использован как свидетель в суде над «авторитетом», произошла его расшифровка, после чего последовали трения с заключенными.

В тот период времени в соответствии с УПК РСФСР сроки содержания под стражей свыше 6 месяцев санкционировал заместитель Генерального прокурора СССР, а продление сроков следствия санкционировал прокурор РСФСР. По делу Акимова срок следствия и содержания под стражей был установлен до 3 сентября 1988 г.

Кто работал следователем в 1980-х годах, хорошо представляет себе «запарку и гонку», которые начинаются при переходе от расследования к систематизации собранных материалов. При внимательном чтении эпизодов вылезают пробелы и нестыковки в материалах, кто-то остался не допрошен, что-то не осмотрено, что-то надо уточнить. Начальники, строго глядя поверх очков, подгоняют: «Давай, давай! Смотри, сроки...» В сейфе и на столе в кабинете лежит гора бумаг – будущие 15 томов дела, в пишущей машинке заправлены листы 3-го или 4-го варианта окончательного обвинения, с которым надо срочно ознакомиться начальнику следственной части. А следователь при этом один, в цейтноте, даже студента нет, чтобы поручить подшивать и составлять опись...

К моей большой радости, в помощь мне выделили коллегу Ирину Петрову, которая начала приводить в порядок документы, а я, предъявив окончательное обвинение, начал ознакомление Акимова с материалами уголовного дела.

В августе 1988 г. некая Б., преподаватель кафедры физвоспитания Казанского пединститута, с которой Акимова познакомил Галиаскаров, родила от Акимова дочь. Она была похожа на всех женщин, проходивших потерпевшими в этом деле – из-за неустроенной судьбы в течение суток влюбилась в сладкоголосого мошенника и была готова идти с ним дальше по жизни, толком не имея представления, кто он такой на самом деле. После ареста Акимова Б. вообразила себя «декабристкой», готовой родить ему ребенка и быть с ним до конца. Это было ее личное решение, и мы с Зайцевым не препятствовали их общению, когда его вывозили для работы в кабинет Зайцева в УВД Казани. Б. приходила на свидания с угощениями и это общение положительно влияло на поведение и настроение Акимова. Когда Б. принесла на свидание новорожденного ребенка, убийца внимательно разглядывал девочку, с удовольствием признав ее своей дочерью.

Изучив его повадки, я предполагал, что Акимов собирается каким-либо образом затянуть дело, поэтому прямо спросил у него, будет ли он создавать мне проблемы с окончанием следствия к 3 сентября, добавив при этом, что 10 сентября у меня свадьба.

Акимов с радостным видом ответил, что с окончанием дела у меня проблем не будет: «Ты со мной по закону обращался, гуляй свадьбу. Но на суде как пойдет, так пойдет, мне есть, что еще сказать, так что если дело вернут на дослед, то без обид».

В те времена адвокат вступал в игру только при ознакомлении обвиняемого с материалами окончательного следствием уголовного дела. Для этой цели Акимов попросил выделить ему любую молодую девушку-адвоката, отказавшись от общения с опытными «бабушками». Он сдержал свое обещание

не затягивать, быстро прочитал 15 томов дела и подписал протокол ознакомления.

2 сентября 1988 г. заместитель прокурора ТАССР Аскарлов Р.А. утвердил 140-листовое обвинительное заключение по 47 эпизодам преступлений, расследованное за 9 месяцев, и 17 томов уголовного дела были направлены в Верховный Суд ТАССР.

Однако точку было ставить рано.

Вернувшись из свадебного отпуска, в ноябре я получил от руководства лучший «подарок» следователю-молодожену – командировку на расследование экономического уголовного дела в Набережных Челнах, в 220 км от Казани.

Тем, как идет суд над Акимовым, я интересовался эпизодически. Однажды моими попутчиками в автобусе Казань – Набережные Челны оказались судья Верховного Суда ТАССР и его секретарь, которые ехали на выездной суд.

Секретарь участвовала в заседаниях суда над Акимовым и рассказала о попытках подсудимого сорвать суд, воздействуя на свидетелей и даже на судью, заявив о своей вине в совершении еще 10 преступлений в Днепропетровске, Харькове, Новосибирске, Казани, Саратове и на теплоходе. В суде Акимов отказался от признаний в трех эпизодах убийств, ссылаясь на неизвестных мужчин, которые совершили эти преступления. В какой-то момент присутствующим стало казаться, что процессом руководит не судья, а Акимов.

Очень эксцентрично выглядело его «Последнее слово» в стихах на 5 листах, где его личные злодеяния оцениваются на фоне общественно-политической обстановки в стране в стадии перестройки.

Там были такие строки:

*Кто больше обществу вреда принес
Акимов или Чурбанов?
И чья опаснее среда
И больше в ком пороков и изъянов?..*

Или:

*Я не казанский, но Казань
Меня, рецидивиста, поразила,
Здесь убивает детвора,
Которых власть такая породила...*

Без упреков юристам тоже не обошлось:

*За что вы судите сейчас,
За чьи-то упущения и ошибки?
Ведь общество взрастило нас,
А где же были вы, юристы?*

Закончил он свою речь так:

*Последнее, что я хочу сказать
В суде Татарии Верховном:
Я не способен убивать,
А в остальном я каюсь и виновен.*

Это «Последнее слово», наполненное демагогией – лучшая иллюстрация к заключению эксперта-психолога, выделившей как доминирующую черту личности преступника *себялюбие*. У Акимова всегда были виноваты все, но не он. Он всегда жертва – родительской нелюбви, жесткого государства, глупых потерпевших и всяких случайностей, типа «голову замкнуло, когда увидел золото Рябовой».

Не помогло.

13 января 1989 г. Верховный Суд ТАССР, вынеся приговор на 46 листах, приговорил Акимова С.А. по совокупности преступлений к смертной казни через расстрел, с конфискацией имущества, а Галиаскарова Н.Б. – к 8 годам лишения свободы в ИК строгого режима.

Заявление о 10 новых эпизодах преступлений было направлено прокурору для проверки.

В конце 1980-х годов в обществе, юридической среде и особенно в тюрьмах активно обсуждался вопрос об отказе от расстрела как высшей меры наказания и смягчении других наказаний. Весь период следствия Акимов интересовался у меня, как идет дискуссия о расстреле и не приняли ли закон, отменяющий его как наказание. Было видно, что он очень рассчитывал на введение моратория.

Закончив расследование дела, я уже не имел необходимости, оснований и желания посещать и общаться с Акимовым. Я знал, что приговор был обжалован в Верховный Суд РСФСР, но остался в силе. Галиаскаров был отправлен в колонию, а Акимов оставался в СИЗО № 1, где до исполнения приговора о высшей мере наказания находились осужденные.

Однажды, уже в 1989 или 1990 году, развернув очень популярную тогда городскую газету «Вечерняя Казань», я увидел большую статью под названием «Беспредел». Это оказалось открытое письмо смертника Акимова, которому демократическая газета представила весь свой большой тираж для описания беспорядков в СИЗО № 1 и рассуждений о возможности убежать из нее, используя пробелы в организации службы режима и т.д.

Я вспомнил, что еще в 1988 г. Акимов, освоившийся в СИЗО № 1, критически высказывался об организации службы режима, оперативниках учреждения и возможных вариантах побега из изолятора. Я к этому времени слышал от него уже много историй-сравнений из его личного тюремного опыта, но улучшения в системе УИТУ не составляли предмет моего расследования. В 1990 г. я стал прокурором следственного управления прокуратуры ТАССР и краем уха услышал, что без шума расследуется уголовное дело в отношении должностных лиц СИЗО № 1. Подробностей этого дела я не знал.

В апреле этого же года мне поручили поддержать обвинение в военном трибунале Казанского гарнизона по уголовному

делу в отношении должностных лиц СИЗО № 1 (сотрудники СИЗО в то время считались военнослужащими и были подсудны военному трибуналу): дежурного помощника начальника СИЗО (ДПСИ), оперуполномоченного СИЗО и младшего инспектора – «выводной» СИЗО. Их судили за нарушение режима лиц, осужденных к смертной казни. И каково же было мое удивление, когда, прочитав уголовное дело, я увидел, что Акимов был главным свидетелем обвинения и одновременно инициатором всех нарушений, вмененных сотрудникам!

СИЗО № 1 был и местом казни по приговорам суда, и местом содержания смертников – один из старинных корпусов Казанского тюремного замка был особо режимным. Это касалось доступа посторонних, в том числе и сотрудников, не имеющих служебной необходимости, а также процедуры и алгоритма вывода смертников из камеры.

Фабула нарушений была ужасна и омерзительна, но подтверждала слова Акимова об отсутствии порядка и дисциплины в учреждении. «Выводная», женщина в чине младшего инспектора 32-35 лет по кличке «Кошмар апа», имела невыразительную внешность. Ее работа заключалась в том, чтобы привести арестованного из корпуса, где он содержался, в следственный кабинет внутри двора учреждения. Осужденные лениво шли к следователю, весело переговариваясь с «выводной». Точно также она приводила на допрос Акимова. После того, как Акимову был вынесен расстрельный приговор, он был переведен в режимное помещение для смертников и помещен в двухместную камеру с таким же осужденным.

И вот, «Кошмар апа» стала приходить к Акимову в сопровождении одного из двух других обвиняемых (оперуполномоченного или ДПСИ), которые выводили соседа-смертника, а она в это время заходила в камеру и оставалась с Акимовым наедине, где вступала с ним в половой акт. Такое происходило несколько раз – сосед Акимова при этом топтался за дверью

на лестничной площадке под бдительной охраной другого сотрудника. Также в материалах дела присутствовал шокирующий эпизод, во время которого половой акт был совершен орально, через «кормушку».

Суд военного трибунала проходил в «красном уголке» СИЗО, подсудимых судил председатель гарнизонного военного трибунала полковник Хомяков Г.А. Сейчас в этом помещении расположены конференц-зал и маленький музей. Здесь и ранее, и позднее судили преступников, которых по разным причинам не вывозили за пределы СИЗО – например, в 1979 г. здесь шел процесс над первой казанской бандой «Тяп-ляп».

Подсудимые понуро сидели под конвоем, когда в зал в сопровождении двух конвоиров ввели Акимову в наручниках. Он не изменился, только черная одежда и серый цвет лица говорили о том, что это строго охраняемый узник. Он не ожидал увидеть меня на месте прокурора, улыбнулся и поздоровался.

Показания давал спокойно, подробно, а говоря об интимных подробностях, не сводил глаз с подсудимых, ловил их реакцию. Это был его звездный час, я понимал, что он торжествовал, когда уравнивал с собой своих недавних надзирателей. Он продолжал играть со временем, дожидаясь отмены государством смертной казни.

Суд шел три дня. На второй день судебный состав, прокурор и защитники, по инициативе суда участвовали в осмотре места совершения преступления. Мы вышли во двор, повернули налево, в старинный корпус, и, миновав двойные двери, глухую и решетчатую, шагнули внутрь.

Ранее, будучи следователем прокуратуры Бауманского района г. Казани, на чьей территории находилось СИЗО № 1, я несколько раз бывал в его корпусах и камерах по поводу смертей и убийств, которые там происходили. То, что я увидел в этом режимном корпусе, не было таким пугающим, по сравнению с тем, что я видел ранее в карцере или камере, где содержались боль-

ные, ожидавшие своей очереди на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в Казанской психбольнице. Мы зашли в достаточно узкий, освещенный коридор с сине-зелеными стенами, который привел нас к другой решетке, открывшейся с характерным тюремным лязгом. За решеткой был еще один коридор с несколькими окрашенными в коричневый цвет дверями, ведущими в камеры.

Сопровождающий остановился у одной из дверей и открыл ее: тесная двухместная камера, выкрашенная зеленой краской, зарешеченное окно под потолком, металлические нары в два ряда с черными матрасами, стол, прикованный к стене под окном, рукомойник, унитаз. Председательствующий внимательно рассматривал дверь в камеру и особенно «кормушку», открывающуюся наружу, ведь суду предстояло дать оценку обвинению. Потом мы осмотрели лестничную клетку, куда выводили второго смертника.

Подсудимым был вынесен приговор: от двух до пяти лет лишения свободы (впоследствии трибунал округа смягчил его в какой-то части). Младший инспектор «Кошмар апа» попала в психбольницу и была освобождена от наказания ввиду выявленного у нее психического заболевания.

Примерно в это время мне поступил звонок из Прокуратуры СССР. Женщина-прокурор попросила меня срочно прислать ответ из УВД г. Казани на мое представление по уголовному делу. Так как представление было формальное, особых нарушений сотрудники милиции не допустили, то ответ не дошел до материалов дела. Я поинтересовался, к чему эта ненужная бумага. Прокурор мне ответила, что Акимов написал ходатайство о помиловании, ссылаясь на свои заслуги в помощи милиции, прокурор пишет заключение в Президиум Верховного Совета СССР и такая формальность, как ответ на представление, должна быть соблюдена.

Но сколько бы Акимов ни затягивал дело, его жизнь и история неминуемо приближались к финалу...

Ночь 14 сентября 1990 г. В кабинете начальника учреждения сидят прокурор, тюремный врач и еще один человек в форме МВД, на столе лежит папка личного дела осужденного. Заходит неприметный прапорщик. Начальник учреждения достает из сейфа револьвер «Наган» и передает его прапорщику.

Группа выходит из кабинета. Вниз, налево, лязг двери, опять налево, опять лязг, опять вниз, далее по коридору до неприметной камеры. Прапорщик, стоящий на карауле, распахивает дверь при приближении группы.

Пол в комнате покрыт коричневой керамической плиткой, стены и дверь изнутри обиты чем-то типа резины. Посередине стоит небольшой стол, в правом углу, на прикованном к полу табурете, сидит одетый в черную одежду Акимов, руки у него скованы наручниками, около него стоит еще один прапорщик.

Начальник открывает папку и обращается к Акимову: «Встаньте, ваше имя отчество, год и место рождения, когда и каким судом, к какому наказанию осуждены?»

Акимов севшим голосом называет себя, прокашлявшись, отвечает на остальные вопросы. Он всё понял – это конец, но эмоций не показывает, холодно сдержан.

Начальник объявляет: «Указом Президиума Верховного Совета СССР ваше ходатайство о помиловании отклонено». В этот момент два прапорщика подхватывают Акимова под руки, поворачивают его спиной к группе и лицом к стене. Затем прапорщики быстро отходят в сторону. Звучит команда: «Исполнить приговор!», и сразу за ней – выстрел.

Врач фиксирует смерть, после чего группа подписывает документ об исполнении.

Случай в Малом Башцелаке

На самом юге Алтайского края располагается Чарышский район, граничащий с Горным Алтаем и Казахстаном. Более половины его территории занимает тайга, не тронутая человеком. Здесь преимущественно горный рельеф, около 140 живописных горных озер ледникового происхождения.

В селе Малый Башцелак Чарышского района у супругов Худобиных, простых сельских тружеников, росли два сына – Сергей (1961 года рождения) и Владимир (1964 года рождения).

На занятиях в школе братья не выказывали особой тяги к наукам, но и законченными тупицами не были. Сергей по окончании восьми классов поступил в училище механизации сельского хозяйства, где получил специальность тракториста. Владимира вскоре после получения аттестата зрелости призывали на срочную армейскую службу, по завершении которой он возвратился в родительский дом.

Сергей и Владимир всегда были дружны между собой. Среди сверстников вели себя независимо, жили в своей скорлупе и общительностью не отличались. Односельчане считали их людьми «себе на уме».

Больше всего братья любили проводить время в тайге, независимо от сезона – тайга стала для них вторым домом, не только ближайшие, но и отдаленные окрестности они знали как свои пять пальцев. Места расположения охотничьих избушек, в каких речках хорошо ловится хариус, а в каких – таймень, где лучше заготавливать кедровый орех, всё это было им известно с юных лет.

Проходя обучение в ПТУ, Сергей приобрел навыки в металлообработке. Пока Владимир служил в армии, старший брат умудрился смастерить из подручных средств два самодельных

ружья: одно под стандартный охотничий патрон 12-го калибра, другое под патрон 32-го калибра. Для изготовления ружейных стволов были использованы толстостенные стальные трубки, срезанные со спинок старой кровати. Ударно-спусковые механизмы получились более громоздкими, нежели у заводских ружей, но работали они безотказно. С целью скрытного ношения ружей Сергей изготовил их короткими по размеру. С этой же целью он позднее укоротил ствол ружья 12-го калибра, а также удалил с него приклад.

Между делом Сергей изготовил и другие необходимые в тайге вещи – для себя и для младшего брата. Это были небольшие, удобные в работе топоры, типа индейских томагавков, с лезвиями небывалой остроты – они перерубали ствол молодой пихточки легко, как «Здравствуйте!» Изготовил он и несколько увесистых ножей, рукояти которых удобно, как влитые, ложились в ладонь.

Когда Владимир демобилизовался с армейской службы, старший брат подарил ему ружье меньшего калибра.

Зачем нужны были Худобиным эти примитивные самоделки, если в охотничьих магазинах имелась в продаже добротная продукция Тульского и Ижевского оружейных заводов? Да чтобы сохранять независимость и не обращаться в райотдел милиции за разрешением на приобретение оружия, его регистрацией и прочими формальностями. К тому же для покупки охотничьих ружей заводского изготовления требовалась немалая денежная сумма.

Самодельные ружья были испытаны в тайге. Убойная сила оказалась весьма приличной, что несказанно радовало Худобиных. Тренируясь в меткости и изведя изрядное количество пороха, капсюлей и свинца, они добились стабильно высоких результатов в точности стрельбы. С этого времени стали промышлять охотой на таежное зверье, в процессе которой использовали преимущественно патроны, снаряженные пулями кустарного изготовления.

Братья не были наивными простаками и, отправляясь в тайгу, не горели желанием, чтобы односельчане увидели у них самодельные ружья и догадались о незаконной охоте, а потом донесли об этом властям. По этой причине всегда носили оружие в разобранном виде, скрытно, под одеждой, используя ружейный ремень в качестве коромысла, на концах которого ствол и цевье свисали с одного плеча, а ложа с ударно-спусковым механизмом – с другого.

Достигшие совершеннолетия братья Худобины не торопились заводить собственные семьи и к 1985 году, времени, когда развернулись основные события этого рассказа, продолжали жить в доме своих родителей.

Жили бы и жили себе Владимир с Сергеем, не зная бед, не будь у них одного на двоих «завихрения» в голове, с которого и начались все их проблемы – будучи трудоспособными, они упорно не желали трудоустроиться, заявляя, что в Малом Башелаке нет работы, которая была бы им по душе. Это было правдой лишь отчасти. Главная причина заключалась в том, что Худобины не хотели отрываться от тайги, тогда как трудовая деятельность лишала братьев возможности многодневного пребывания в ней. К тому же молодые люди терпеть не могли подчиняться кому-либо.

Однако во внутренней политике страны развитого социализма действовал основополагающий принцип «Кто не работает, тот не ест», который был подкреплен ст. 209 УК РСФСР, предусматривающей уголовную ответственность за паразитическое существование (тунеядство). Под это понятие попадали те случаи, когда лицо уклонялось от общественно полезного труда и проживало на нетрудовые доходы более четырех месяцев в году. Исключение составляли женщины, воспитывающие малолетних детей, и студенты учебных заведений. Работой признавалось только официальное трудоустройство. Тех граждан, для кого паразитическое существование входило в систему, структуры государственной власти официально уведомля-

ли о недопустимости такого образа жизни, а после повторного предупреждения заводилось уголовное дело. Затем, по приговору суда указанные лица могли лишиться свободы на срок до двух лет.

Поскольку поведение братьев Худобиных вступило в противоречие с действующим законодательством, их стали вызывать представители районных властных структур (милиции и прокуратуры), где с ними проводились беседы и разъяснения в надежде, что молодые жители Малого Башчелака возьмутся за ум. Набывчившись, они раз за разом выслушивали информацию о том, что в Конституции Союза ССР в разделе о правах и обязанностях граждан прямо и недвусмысленно записано: «Уклонение от общественно полезного труда несовместимо с принципами социалистического общества», а в статье Уголовного кодекса РСФСР за злостное тунеядство предусмотрено наказание, пусть и не очень суровое.

Когда запас аргументов у строгих правоохранителей иссякал, братья начинали огрызаться.

– Мы никогда не были бездельниками и дармоедами, к труду приучены с детства, – твердили Худобины, демонстрируя мозолистые ладони. – Всего два дня назад мы закончили заготовку сена для домашнего скота, родителям было не до этого, они весь день заняты на своей работе. Скажите честно, разве бывают такие мозоли у тунеядцев?

– Согласно закону работа, связанная с ведением личного подсобного хозяйства и заготовкой даров леса, не является участием в общественном производстве, и не есть общественно полезный труд, – слышали они в ответ.

12 апреля 1985 г. участковый инспектор Чарышского ОВД Кречетов пришел домой к братьям Худобиным и обязал их явиться к начальнику отдела внутренних дел для беседы о причинах уклонения от общественно полезного труда.

– Отец, уходя на работу, дал нам задание подняться на чердак и долить воды в расширительный бак системы отопления, –

сказал Владимир, младший из братьев. – Позвольте мне сходить на колонку за водой и выполнить родительское поручение. Перед вашим приходом я как раз хотел заняться этим. Небось, видели на веранде пустые ведра?..

– Ну что ж, я могу подождать, – не стал возражать Кречетов. – Только недолго!

Владимир накинул куртку и вышел из прихожей, на веранде загремели ведра.

Прошла четверть часа, а Худобин-младший не возвращался. Участковый инспектор вышел на крыльцо, где к своему удивлению обнаружил пустые ведра. Владимира не было ни во дворе, ни в хозяйственных постройках. Стало понятно, что он скрылся, элементарным образом проведя Кречетова.

После этого Сергей начал ершиться и, несмотря на очевидность законных требований участкового инспектора, наотрез отказался добровольно следовать в ОВД. Для выполнения данной задачи из районного центра был вызван наряд милиции.

В ОВД Худобину Сергею было вынесено официальное предостережение о необходимости прекратить антиобщественный образ жизни. Кроме того, за оказание неповиновения он был подвергнут административному аресту на 10 суток. Однако Сергей в этот же день совершил побег из-под ареста и с этого времени вместе с младшим братом стал скрываться в лесных массивах.

3 декабря 1985 г. в селе Малый Башчелак в помещении исполкома сельского совета работала профилактическая группа в составе прокурора, судьи и начальника отдела внутренних дел, которая разбиралась с местными жителями, нарушающими общественный порядок. Сельчане сообщили начальнику ОВД Штифману, что видели в этот день братьев Худобиных во дворе родительского дома, и тот распорядился привести их в сельский совет для проведения с Владимиром очередной профилактической беседы и вынесения официального письменного предостережения на предмет прекращения антиобщественно-

го образа жизни, также для доисполнения в отношении Сергея ранее наложенного административного наказания.

Когда милиционер-водитель Серебренников и участковый инспектор Кречетов, исполняя приказ руководителя, приехали на служебном автомобиле к Худобиным, тех дома не оказалось. По словам соседей, Сергей и Владимир сравнительно недавно направились в тайгу в походном снаряжении.

Выехав за село, работники милиции обнаружили Худобиных в местечке Гришино. Кругом лежал снег, и строптивые братья уходили в тайгу на лыжах. Сотрудники МВД подъехали к ним и потребовали остановиться. Худобины на бегу вынули из чехлов топоры, приготовив их к нанесению ударов.

Чтобы не дать беглецам скрыться и подавить сопротивление с их стороны, Кречетов произвел предупредительный выстрел вверх из пистолета. В этот момент Худобин Владимир, запутавшись в лыжах, упал, а Худобин Сергей остановился рядом с младшим братом. Тем временем правоохранители оставили машину и подошли к ним ближе.

Худобин Владимир, взбешенный встречей с милицией и неожиданным падением, вскочил на ноги и поднял над головой топорик, заявив, что применит его, если работники милиции попытаются приблизиться к нему или брату. Худобин Сергей также занял воинственную позу, занеся над головой свой топорик.

Неоднократные требования Кречетова прекратить сопротивление и следовать с ними в помещение исполкома сельского совета не возымели действия – братья их игнорировали.

Худобин-старший, решив, что без лыж будет легче скрыться от преследователей, перерубил ременные лыжные крепления. Его примеру последовал младший брат, но он при этом неосторожно разрубил сапог и поранил ногу.

Рана оказалась серьезной, и Владимир вынужден был принять медицинскую помощь от работников милиции, которые доставили его в дом родителей. Старший брат также прекратил сопротивление.

Уже на следующий день прокуратура Чарышского района возбудила в отношении Худобиных уголовное дело по признакам оказания сопротивления работникам милиции при исполнении ими обязанностей по охране общественного порядка, которое сопровождалось реальными угрозами применения насилия. Работа по выяснению всех обстоятельств происшедшего была завершена в сравнительно короткий срок. Сергей и Владимир Худобины своей вины не оспаривали. В районной прокуратуре не увидели необходимости в заключении обвиняемых под стражу, ограничившись подпиской о невыезде. Впоследствии прокурор и следователь сильно пожалеют о своем мягкосердечии.

Районный суд назначил рассмотрение уголовного дела на 6 февраля 1986 г. Худобиным были своевременно направлены повестки, извещающие о необходимости прибытия в судебное заседание. Но братья проигнорировали полученные оповещения и в назначенное время в суд не явились, достоверно зная, что привлекаются к уголовной ответственности. В тот же день суд своим определением изменил подсудимым меру пресечения на более строгую – заключение под стражу, поручив розыск и задержание Худобиных Чарышскому отделу внутренних дел.

14 февраля участковый инспектор Кречетов, которому было поручено исполнить определение районного суда, получил от следователя прокуратуры Чертова сообщение о том, что братья Худобины вернулись из тайги и находятся дома. Около полудня Кречетов и Чертов прибыли в Малый Башчелак. Правоохранители предложили братьям Худобиным выйти из дома и проследовать в здание исполкома сельского совета, где Кречетов намеревался задержать их, взять под стражу, после чего отвезти в районный центр.

Однако Худобины знали об изменении меры пресечения, поскольку народный судья Иконников после неявки подсудимых позвонил по месту работы отца Худобиных, попросив не усугублять ситуацию и убедить сыновей добровольно явиться

в суд. Слушать уговоры отца Сергей и Владимир не стали. А когда к их дому подъехал участковый инспектор, дерзкие молодые люди заявили, что если кто-либо из работников милиции попытается их задержать, то они будут сопротивляться вплоть до убийства сотрудников МВД. При этом разговоре Худобин Сергей держал в руках топор и два заостренных металлических штыря, давая тем самым понять, что уже готов противодействовать правоохранителям.

Встретив со стороны подсудимых твердое нежелание подчиняться требованиям закона, видя их вооруженность и согласованность действий, Кречетов вынужден был уйти в сельский Совет и запросить по телефону у дежурного по ОВД к себе в помощь наряд милиции из села Чарышское.

Худобины, наблюдая за действиями участкового инспектора, догадались, что он отправился вызывать подмогу. Братья понимали, что милиция при необходимости станет использовать в целях их задержания физическую силу и оружие. Но они решили не сдаваться. Взяв самодельные ружья и запас патронов к ним, они поднялись на чердак дома. Квадратный проем лаза, ведущего наверх с веранды, завалили разной рухлядью, которая в избытке имелаась на чердаке.

В 17 часов 30 минут в Малый Башчелак из райцентра прибыла группа работников милиции во главе с начальником ОВД Штифманом. Работники милиции проникли в дом, в поисках подсудимых обследовали жилые и подсобные помещения, но никого там не нашли. На веранде обнаружили лаз наверх, забаррикадированный изнутри, в связи с чем был сделан вывод: разыскиваемые скрываются на чердаке. Начальник ОВД через мегафон потребовал подчиниться решению суда и сдаться в руки представителей власти в лице сотрудников милиции. Ответа со стороны Худобиных Сергея и Владимира не последовало. Просьбы отца и матери подсудимых, которых милиция также подключила к переговорам, положительных результатов не дали.

Около 18 часов милиционер-водитель Серебренников, не подозревая о наличии у братьев Худобиных огнестрельного оружия, по собственной инициативе, одобренной начальником ОВД, взобрался на крышу дома. Обухом топора он принялся разбивать шиферное покрытие с целью наблюдения за действиями Худобиных и выяснения их дальнейших намерений. В этот момент с чердака неожиданно раздался негромкий выстрел, в результате которого работнику милиции было причинено сквозное пулевое ранение левого предплечья. Раненого спешно отправили в сельский фельдшерско-акушерский пункт, а оттуда – в районную больницу.

Световой день заканчивался. Это обстоятельство тревожило Штифмана и требовало от него эффективного решения, поскольку с наступлением темноты у дерзких братьев появлялась возможность незаметно спуститься с чердака и скрыться – ищи потом ветра в поле, а пролитая кровь подчиненного заставляла начальника ОВД перейти к более решительным действиям.

Когда к месту событий подъехал гусеничный трактор Т-4АП, обещанный директором местного лесхоза, Штифман принял решение завалить с его помощью угол дома и облегчить тем самым возможность проникновения на чердак. Для этого требовалось захватить петлей стального троса одно из выступающих бревен на углу избы.

Трое мужчин взяли в руки длинный увесистый трос и, двигаясь гуськом, понесли его к дому. Первым шел Штифман. Когда они вплотную приблизились к дому, с чердака раздался выстрел. Начальник ОВД Штифман упал на снег и мгновенно скончался на месте – пуля угодила ему в голову.

В 19 часов к дому подъехала еще одна группа сотрудников Чарышского ОВД. При выходе из автомашины они были обстреляны братьями Худобиными, но выпущенные ими пули ни в кого не попали, так как стрельба велась со значительного расстояния.

Среди вновь прибывших находился инспектор уголовного розыска Зубов, который после ознакомления с положением дел принял на себя руководство операцией по задержанию подсудимых. С соблюдением мер предосторожности он расставлял по периметру дома работников милиции для ведения наблюдения, а также лишения Худобиных возможности незаметно спуститься с чердака и сбежать. Имевшиеся в распоряжении Зубова два гусеничных трактора были поставлены таким образом, чтобы полностью освещать усадьбу. Водители указанных тракторов в момент, когда подгоняли технику ближе к дому, были обстреляны с чердака, но не пострадали, лишь на тракторе С-100 под управлением Гарина было прострелено переднее смотровое стекло.

Из лесхоза прибыл более мощный трелевочный трактор ТТ-4 под управлением тракториста Воробьёва. По предложению работников милиции он стал подводить трактор к дому с целью завалить одну из его стен и тем самым открыть доступ к чердачному пространству. Засевшие на чердаке братья Худобины заметили этот маневр и обстреляли кабину трактора, причинив Воробьёву пулевое ранение нижней челюсти. Трактор остановился, но вскоре продолжил движение. Кабина трактора вновь была обстреляна, однако водитель Воробьёв к этому времени успел выпрыгнуть из кабины, пустив трактор самоходом, поэтому пули прошли мимо цели. Уткнувшись в стену, трактор ТТ-4 окончательно встал с работающим двигателем, так как его мощности оказалось недостаточно для того, чтобы повалить стену бревенчатого дома.

Ближе к полуночи прибыла группа работников милиции из соседнего Солонешенского района, направленная в Малый Башчелак по распоряжению начальника УВД Алтайского крайисполкома, проинформированного к тому времени о происходящих в Чарышском районе событиях и о человеческих потерях. Приехавшие, в отличие от сотрудников местного ОВД, вооруженных только пистолетами, имели при себе коротко-

ствольные АКС-74У (складные укороченные автоматы Калашникова). Руководил группой начальник Солонешенского райотдела внутренних дел Чубарь, который возглавил дальнейшие действия по задержанию подсудимых Худобиных.

С целью облегчить ведение наблюдения за лазом на чердак и исключить возможность скрытного побега, работник лесхоза Шипулин по просьбе Чубаря, управляя трактором ДТ-75 с навесной мехлопатой, произвел слом веранды дома. Худобины, пытаясь воспрепятствовать действиям тракториста, несколько раз стреляли в Шипулина, но не попали, поскольку тот прикрывал кабину поднятой вверх механической лопатой.

Несколько сотрудников Солонешенского ОВД получили задание Чубаря подавить автоматным огнем сопротивление засевших на чердаке подсудимых. Они незаметно проникли внутрь дома и, рассредоточившись по комнатам, через потолочные перекрытия методично обстреляли чердак из автоматического оружия.

Один из автоматчиков в целях прояснения обстановки на чердаке после проведенного обстрела просунул в лаз на чердак палку с надетой на нее шапкой, а через несколько секунд опустил ее. Манипуляция была повторена несколько раз. В ответ последовала беспорядочная стрельба. Звуки выстрелов были разными (одни – мощнее, другие – слабее), и внизу поняли, что стреляли оба брата. Стало очевидно: никакого вреда братьям Худобиным автоматный обстрел не причинил.

Чтобы исключить случайную гибель гражданских лиц в ходе проводимых мероприятий, сотрудники милиции старались не допускать близко к худобинской усадьбе зевак из числа местных жителей, но им не всегда это удавалось. Правоохранителям иногда сложно было понять, кто из гражданских является работником сельсовета, представителем лесхозовского руководства или трактористом, то есть оказывает милиции практическую помощь, а кто – просто любопытствующий сельчанин.

Шел второй час ночи. В той части дома Худобиных, которая совсем недавно представляла из себя веранду, появился молодой мужчина и по металлической лестнице начал карабкаться на чердак. Инспектор угрозыска Зубов схватил его за ногу и попытался урезонить – дескать, появляться на чердаке в настоящий момент чрезвычайно опасно. Но незнакомец, от которого пахло алкогольными парами, дерзко оттолкнул руку оперативника.

– Успокойся и не мешай, – сказал он. – Меня зовут Богаткиным Александром, живу на соседней улице. Я смогу уговорить этих дурней, потому что с детских лет дружен с ними, они сами сдадутся...

Добравшись до квадратного проема, деревенский шустряк отодвинул кое-что из наваленного хлама, затем просунул на чердак голову.

– Эй, парни!..

В ответ раздались два выстрела.

Тело Богаткина упало вниз, на его шее кровоточила обширная рана. Признаков жизни мужчина не подавал.

У начальника Солонешенского ОВД Чубаря, пребывавшего в раздумьях, родилась догадка, которую он озвучил сослуживцам:

– Я бы на месте Худобиных прятался от наших автоматов за потолочными балками. Надежнее всего их могла укрыть мастица – основная и самая мощная балка, пробить которую даже автоматной пуле не по силам. Вот вдоль нее и надо стрелять!

Чтобы проверить свое предположение, Чубарь взял АКС-74У, прошел в дом и короткими очередями разрядил магазин вдоль основной балки, стреляя не вертикально вверх, а под острым углом к плоскости потолка.

И он оказался прав. В наступившей тишине сверху слышались отчаянные вопли:

– Я сдаюсь! Не стреляйте! Я ранен и хочу спуститься! Мне нужна помощь!

– Сначала сбросишь оружие, потом можешь спускаться сам! – рявкнул в ответ Чубарь.

Через минуту из чердачного люка упало ружье-самоделка, вслед за этим с чердака со стенами спустился Худобин Владимир, на бедре которого имелось сквозное ранение, обильно кровоточащее. После перевязки, которую сделали на месте, он был отправлен под конвоем в районный центр.

Старший брат сдаваться не спешил. На каждое шевеление техники и активное движение людей, попавшее в поле его видимости, Сергей отвечал ружейным выстрелом. К счастью, ни в кого больше не попал. Утром у Худобина Сергея стали кончатся патроны, и он тоже сдался.

В тот же вечер прокурор Чарышского района выехал в Малый Башчелак и возбудил уголовное дело по признакам посягательства на жизнь работников милиции в связи с их деятельностью по охране общественного порядка, к расследованию которого приступил лично. Следователь районной прокуратуры Чертов не мог работать по этому делу, поскольку являлся непосредственным участником произошедших событий. О принятом решении Чарышский прокурор сообщил дежурному сотруднику регионального надзорного ведомства, а тот в свою очередь доложил о криминальных событиях прокурору Алтайского края Гушину И.П.

На следующий день по распоряжению Гушина в Чарышский район выехал старший следователь следственной части прокуратуры края Владимир Кузьмич Курьят для принятия к производству вышеуказанного резонансного дела. Это был легкий на подъем 30-летний мужчина приятной наружности, с близоруким прищуром глаз за линзами очков в тонкой оправе, немногословный добряк, интеллигент «до кончиков ногтей».

К приезду Курьята прокурор района проделал немалую работу: провел осмотр места происшествия, назначил необходимые судебные-медицинские экспертизы по убитым и раненым, допросил потерпевших и наиболее важных свиде-

телей. Законодатель обязывал допросить подозреваемых немедленно после задержания, и для следствия немаловажным было то, что пояснят сами братья Худобины по поводу содеянного, что скажут они о причинах своей необъяснимой жестокости. Однако задержанные отмалчивались и на контакт с прокурором не шли.

По прибытии в село Чарышское (административный центр района) барнаулец внимательно изучил материалы, наработанные прокурором, после чего принял уголовное дело к своему производству и активно включился в расследование. Предстояло выполнить немалый объем работы, но она, по мнению Курьята, не относилась к разряду архисложных – перечень преступлений, совершенных Худобиными, был очевидным.

Первым делом Курьят решил отправиться в Малый Башелак и провести дополнительный осмотр места происшествия. По его мнению, при первоначальном осмотре некоторым объектам было уделено недостаточное внимание. К тому же Владимир Кузьмич не забывал о простой истине: как бы грамотно ни были составлены предшественником протокол осмотра и план-схема к нему, какими бы качественными ни были приобщенные к протоколу фототаблицы, они никогда не заменят впечатлений и знаний, полученных при личном посещении места событий.

В доме Худобиных следователя интересовал лаз на чердак, где он извлек из бревен несколько пуль кустарного изготовления, разных по калибру. В одной из хозяйственных построек, используемой семьей Худобиных в качестве домашней мастерской, следователь нашел металлические прутки, схожие по внешнему виду и диаметру с самодельными пулями, извлеченными ранее из бревен на чердаке. При осмотре комнаты, в которой, по словам родителей, проживали Сергей и Владимир, были обнаружены и изъяты две тетради с их дневниковыми записями.

Допрошенный в качестве свидетеля следователь прокуратуры Чарышского района Чертов рассказал, что начальник ОВД Штифман погиб буквально на его глазах:

– Стальной трос, которым мы планировали зацепить за угол дома и, потянув трактором, развалить его, оказался массивным и увесистым. Несли его трое, Штифман, я и инспектор разрешительной системы Мельников. Начальник ОВД шел первым. Когда мы вплотную приблизились к дому, с чердака раздался выстрел. Пуля угодила Штифману в лобную область, пробив его форменную шапку. Выстрел прозвучал глухо и негромко. По всему выходит, что стреляли из 32-го калибра, которым был вооружен Худобин Владимир. При выстреле из ружья 12-го калибра, которым был вооружен старший брат, раздавался более мощный грохот. Мы с Мельниковым унесли тело Штифмана от дома к машинам, Худобины в спину нам не стреляли. Когда я расследовал уголовное дело, возбужденное по признакам ч. 2 ст. 191-1 УК РСФСР, братья Худобины постоянно демонстрировали строптивый норовистый характер, упорно не хотели являться по повесткам. Я вынужден был воспользоваться ст. 127 УПК, в соответствии с которой следователь вправе давать органу дознания обязательные к исполнению поручения, и в своем постановлении просить работников милиции подвергнуть Худобиных принудительному приводу.

– А что мешало вам избрать в отношении дерзких подследственных не подписку о невыезде, а более строгую меру пресечения, ведь по предъявленному обвинению им грозило до пяти лет лишения свободы и, значит, УПК позволял применить заключение под стражу? – спросил его Курьят. – Тогда бы вы создали нормальные условия для рассмотрения судом дела Худобиных, не случилось бы этих перестрелок со смертями и ранениями...

– Это сейчас ошибочность избрания подписки о невыезде в качестве меры пресечения стала очевидной. А тогда против ареста Худобиных возражал прокурор района. Свою позицию

он обосновал тем, что мои подследственные ранее не были судимы, вину признавали, вредных последствий от их противоправных действий не наступило, преступление не относилось к категории тяжких.

Обстоятельные допросы других очевидцев позволили следствию документально зафиксировать хронологическую последовательность преступных действий Сергея и Владимира Худобиных.

От этих действий физически пострадали четыре человека: начальник ОВД Штифман и сосед Худобиных Богаткин погибли, а милиционер-водитель Серебренников и тракторист Воробьев получили ранения.

Судебные медики, проведя необходимые экспертные исследования, оперативно выдали квалифицированные ответы на вопросы следствия:

– Штифману причинено одиночное огнестрельное пулевое слепое ранение головы в левой лобной части с многооскольчатыми переломами костей свода черепа, обширным разрушением вещества головного мозга, вызвавшее смерть потерпевшего, как несовместимое с жизнью;

– Богаткину причинено огнестрельное пулевое ранение правого плеча, нижней челюсти, шеи, кровотечение из которого явилось непосредственной причиной смерти;

– Серебренникову причинено огнестрельное пулевое сквозное ранение левого предплечья с оскольчатым переломом локтевой кости в средней трети, которое относится к категории менее тяжких телесных повреждений;

– Воробьеву причинено огнестрельное пулевое ранение подчелюстной области с многооскольчатым переломом нижней челюсти слева, которое относится к категории менее тяжких телесных повреждений.

Поскольку уголовная ответственность всегда строго индивидуальна, следствию предстояло максимально конкретизировать преступные действия каждого из братьев.

Владимир Кузьмич делал шаг за шагом, и постепенно в деле начала прорисовываться требуемая конкретика. Из показаний очевидцев следовало, что в момент задержания у Худобина Владимира при себе находилось самодельное ружье 32-го калибра, а когда дошел черед до задержания Худобина Сергея, при нем находилось ружье 12-го калибра. Проведенные судебно-медицинские и криминалистические экспертизы засвидетельствовали, что из тела потерпевшего Штифмана была извлечена пуля 32-го калибра, а из тела потерпевшего Богаткина – пуля 12-го калибра. Сотрудник Чарышского ОВД Кульжанов, оказывавший первую медицинскую помощь милиционеру-водителю Серебренникову после его ранения, выдал следствию пулю 32-го калибра, объяснив, что та застряла между телом Серебренникова и его меховой курткой, и была обнаружена в момент перевязки раны.

В ходе следственного осмотра кабины трелевочного трактора ТТ-4, которым во время операции по задержанию Худобиных управлял потерпевший Воробьев, были обнаружены три пули. Судебно-биологическое исследование пуль позволило на одной из них, 12-го калибра, выявить наложения следов крови.

Добытые объективные данные со всей определенностью свидетельствовали: лишил жизни Богаткина и ранил Воробьева старший Худобин, в убийстве Штифмана и ранении Серебренникова виновен его младший брат.

Владимир Кузьмич Курьят, как всякий человек, избравший профессию следователя, был весьма терпелив и настойчив. Игнорируя враждебный психологический настрой Худобиных, откровенно демонстрируемый ими при каждой встрече с ним, Курьят раз за разом пытался убедить подследственных в своей беспристрастности. И это в конце концов ему удалось.

Первым заговорил Владимир, младший из братьев, находившийся под милицейской охраной в стационаре Чарышской центральной районной больницы.

– Когда участковый отправился вызывать подмогу, у нашего дома остались только прокурорские на своей машине, – рассказал Владимир. – Работники прокуратуры, как я понимаю, хотели проследить, не побежим ли мы с братом в лес. А мы и не думали делать этого. Мы вооружились и влезли на чердак, решив оттуда дать бой милиции, когда она подъедет в большом числе и попытается взять наш дом штурмом. Это я стрелял в милиционера, который взобрался на крышу и начал ломать шифер. Я поднял ружье, показывая брату, что хочу застрелить этого человека. Сергей кивнул, давая понять, что не возражает. Я прицелился и выстрелил. По вскрику я понял, что попал в цель... В начальника отдела милиции Штифмана также стрелял я. Расстояние до него было коротким, стрелял прицельно. Потом через щели в карнизе мы заметили, как на дом начал надвигаться трелевочный трактор. Сергей сделал несколько выстрелов по кабине и ранил водителя, о чем можно было догадаться по тому, что трактор остановился. По трактору с навесным ковшом, который ломал веранду, мы с Сергеем тоже стреляли, стараясь поразить водителя. Но попасть в него не смогли, так как кабину трактора закрывал поднятый вверх ковш, к тому же от ударов ковшом тряся весь дом, мешая нам прицелиться. После разрушения веранды милиция вошла внутрь дома и начала снизу обстреливать нас из автоматов. Пули легко прошивали потолочные перекрытия, поднимали вверх тучи пыли и мелкого мусора – вся эта грязь оседала на нас, мы перемазались и выглядели как черти. После первых автоматных очередей мы с братом слегка запаниковали, решив, что нашему сопротивлению пришел конец, и скоро автоматчики без особого труда перестреляют нас как куропаток. Но тут нашелся выход. Мы легли на основную потолочную балку – матица очень толстая, автоматные пули ее не пробивали. Потом сотрудники милиции принялись высовывать в лаз на чердак палку с надетой на нее шапкой. Вероятно, хотели, чтобы мы попусту пожгли свои патроны. Мы вначале, действительно,

повелись на эту милицейскую уловку и несколько раз стреляли по шапке, принимая ее за голову милиционера. В человека, который поздней ночью попытался забраться на чердак, подсвечивая себе фонарем, стреляли мы оба. Кто из нас попал в него, мне не известно...

– У вас имеются твердые религиозные убеждения? – поинтересовался у обвиняемого следователь.

– Убеждения имеются! – ответил Худобин. – А какие они, твердые или мягкие – это не ваше дело... Я еще пацаном был, когда под влиянием бабушки Руфины, которой сейчас уже нет в живых, и своего старшего брата стал проявлять интерес к религии. Родители в Бога не верят и не воспринимают всерьез это наше с братом увлечение...

Врачи довольно скоро поставили Владимира Худобина на ноги. В ходе проверки его показаний на месте было зафиксировано, что расстояние, с которого был произведен выстрел в начальника Чарышского ОВД Штифмана, составляет 4,5 м.

Показания Худобина Сергея мало чем отличались от показаний его младшего брата.

– А скажите, Сергей, разве у вас с Владимиром не было 14 февраля возможности уйти в лес или каким-то другим способом избежать вооруженного конфликта с сотрудниками МВД? – спросил его следователь.

– Отчего же, у нас была такая возможность, – усмехнулся обвиняемый. – Когда участковый Кречетов направился в сельсовет вызывать подкрепление и докладывать руководству о нашем нежелании добровольно сдаваться, у нашего дома оставались только следователь прокуратуры Чертов с водителем. Но они не представляли серьезной помехи для нас, так как я был наслышан, что прокурорские не пользуются оружием. Именно в этот момент я и Володя могли без проблем уйти в тайгу. Однако нам делать этого не захотелось, потому что мы твердо решили: мы никого не трогаем и нас пусть никто не трогает, а если работники милиции начнут нападать, то мы станем их расстреливать.

У следователя складывалось убеждение, что Худобины не лгали ему и излагали произошедшие события в том свете, в каком они их воспринимали.

Оба брата настойчиво твердили:

– Мы считали, что стреляем только в сотрудников милиции. Людей, управлявших тракторами, мы также принимали за милиционеров, полагая, что среди жителей Малого Башелака не найдется идиотов, способных сесть за рычаги трактора и поехать к дому под ружейные выстрелы, подставляя голову под верную смерть...

Свое заблуждение Худобины признали лишь после предъявления им некоторых материалов уголовного дела – в частности, детальных показаний трактористов местного лесхоза. С учетом направленности умысла Худобиных каждый их выстрел в людей, безотносительно к тому, сотрудник МВД это был или гражданский, попала пуля в цель или прошла мимо, следовало квалифицировать как посягательство на жизнь работников милиции в связи с их служебной деятельностью. Что Курьят и сделал.

Потерпевшими были признаны также сотрудник МВД Зубов, трактористы Гарин и Шипулин, на чью жизнь Худобины покушались, но не смогли добиться желаемого – не попали в цель. Следствие установило, что в Гарина и Зубова стрелял старший Худобин, а в Шипулина – оба брата.

Обвиняемые говорили о большом сожалении по поводу того, что от их рук пострадали односельчане: убитый сосед Богаткин и раненый тракторист Воробьев. Слов сожаления по поводу убийства начальника Чарышского ОВД Штифмана и серьезного ранения милиционера-водителя Серебренникова следователь от них не услышал.

В соответствии с заключениями судебно-баллистических экспертиз у Сергея и Владимира Худобиных были изъяты два самодельных огнестрельных устройства, являющихся атипичным огнестрельным оружием, приспособленным для стрельбы

охотничьими патронами 12-го и 32-го калибра. Изъятые патроны в подавляющем большинстве снаряжены самодельным способом. Что касается гильз, то гильзы 12-го калибра стреляны из устройства под патроны данного калибра, в свою очередь, гильзы 32-го калибра стреляны из огнестрельного устройства под патроны данного калибра.

Ножи, изъятые у братьев Худобиных при задержании, были признаны экспертами-криминалистами колюще-режущим холодным оружием, изготовленным самодельным способом по типу некоторых образцов восточных и охотничьих ножей, тогда как УК РСФСР предусматривал наказание за изготовление и ношение холодного оружия без соответствующего разрешения.

По заключению судебно-химической экспертизы, химический состав пуль, извлеченных из трупов Штифмана и Богаткина, одинаков с химическим составом снарядов из патронов кустарного производства, металлических прутков, пуль, кушачков металла, изъятых с места происшествия.

При проведении стационарных судебно-психиатрических экспертиз психическая полноценность Сергея и Владимира Худобиных сомнений у экспертов не вызвала.

Прокурор истребовал в Чарышском районном суде уголовное дело по обвинению Худобиных в сопротивлении работникам милиции, оказанном 3 декабря 1985 г. в местечке Гришино. Оно было передано следователю Курьяту для соединения с основным уголовным делом.

За посягательство на жизнь работников милиции Уголовный кодекс РСФСР предусматривал суровое наказание, включая смертную казнь, поэтому от следователя требовалось представить суду емкий материал, характеризующий личность обвиняемых. Помимо того, прямой обязанностью следователя являлось выяснение причин и условий, способствовавших совершению преступления. Перед Курьятом встала задача отыскать ответы по ряду непростых специфических вопросов.

Откуда у молодых людей, выросших в обычном сибирском селе, столь негативное отношение к законам своей страны и блюстителям порядка? И чем объясняется пренебрежение братьев Худобиных к человеческой жизни и их крайняя жестокость?

Потратив немалое время на беседы с обвиняемыми, их родителями, школьными учителями и другими жителями Малого Башелака, на изучение дневниковых записей Худобиных и специальной литературы в краевой научной библиотеке имени В.Я. Шишкова, следователь ответы на эти вопросы, в конце концов, нашел. Но прежде чем к Владимиру Кузьмичу пришло понимание ситуации, ему потребовалось узнать, кто такие кержаки, о которых прежде у него имелось весьма смутное представление.

В середине XVII века патриарх Русской Православной Церкви Никон при поддержке царя Алексея Михайловича Романова принялся проводить церковную реформу, которая существенно меняла религиозные обычаи и обряды. Православных христиан старой веры, отвергавших церковную реформу, а их было немало, с подачи властей стали называть раскольниками, старообрядцами, староверами, в том числе кержаками. Само слово «кержаки» произошло от названия реки Керженец в Нижегородской губернии, на которой проживала большая община старообрядцев. За неприятие новых церковных порядков староверы были гонимы российской властью, значительная их часть была выдворена из мест постоянного проживания на пустующие земли Вятской и Нижегородской губерний. Старообрядцы держались сообща, единой диаспорой, по отношению к чужакам были нелюдими и недружелюбны – жизнь заставляла. Благодаря своему упорству и трудолюбию приверженцы старой веры успешно освоили места обитания в северной части России, показав себя предприимчивыми хозяевами и хорошими хлеборобами. К ним побежали крестьяне из близлежащих губерний. Это породило большое число жалоб помещиков и военачальников, чьи крепостные нашли у кержаков

прибежище – землевладельцы требовали от власти помощи в возврате беглецов. Правившая в то время российская императрица Екатерина II распорядилась согнать старообрядцев с насиженных мест и в несколько крупных партий под военным конвоем отправить на Урал и в Сибирь. Царица была женщиной прагматичной и тем самым хотела убить двух зайцев: во-первых, снять с повестки дня вопрос с беглыми крестьянами, а во-вторых, решить проблему развития за Уралом хлебопашества и обеспечения хлебом горнозаводских людей, регулярных войск и казачества. Время показало, что обе эти цели были императрицей успешно достигнуты.

Приверженцы старых церковных канонов стойко выдержали долгий изнурительный переход от Ильмень-озера до сибирской реки Оби. Они адаптировались на новых землях, принеся с собой северорусскую культуру и опыт возделывания зерновых. Староверы никогда не чурались грамоты и образования и, когда существовала возможность, работали на заводах, занимались ремеслом и торговлей. Если таких условий не было, уходили в изоляцию, на полное самообеспечение. Благодаря своему несгибаемому характеру, соблюдению заповеди неустанного физического труда, серьезному отношению к браку и семейным устоям, они в условиях обособленного существования не просто выживали, а вскоре крепко становились на ноги, прирастая детьми и достатком.

На новых местах преследование со стороны властей не прекратилось. На Урале за нежелание отречься от старой веры несколько поселений старообрядцев были сожжены местными воеводами с царского одобрения. Гонения и высокомерно-пренебрежительное отношение со стороны обывателей сплотили старообрядцев, сделали их людьми суровыми и твердыми в своей вере, а также вынудили свести контакты с миром к минимуму.

Люди мало что знали о жизни староверов, а своеобразие их поведения нередко просто высмеивали: «Вот какие эти кержаки смешные! Не пускают к себе никого, едят только из своей

посуды, чудачки!» Одного эти весельчаки не понимали: те, кто пускал в свой дом посторонних, давно вымерли от тифозной вши или холеры – в предыдущие десятилетия эти напасти периодически просто опустошали центр России. Староверов же эпидемии обходили стороной, потому что они самостоятельно, задолго до европейской науки, разработали детальный гигиенический комплекс жизни, ввели строжайшую чистоплотность, уходя при необходимости на карантин. Тем и спасались, и не только сами. Хорошо известно, что московская знать, узнав о надвигающейся чуме, отвозила своих детей в семьи староверов для спасения.

Проходили десятилетия, столетия, а рассыпанная по всей России диаспора старообрядцев продолжала оставаться самодостаточным сообществом, выживающим при любых правилах, при любой государственной политике, в любых природных условиях. Избежать ассимиляции, слияния с народами, проживающими на Урале и в Западной Сибири, усвоения их культуры и обычаев староверам не удалось, но они сумели сохранить свою идентичность, сохраняют ее и в наши дни. Каноны старой православной веры и уклад семейной жизни, основанной на соблюдении моральных законов, до сих пор ими соблюдаются, хотя и в изрядно изменившемся виде.

Худобины, как и некоторые другие семьи в селе Малый Башлак, оказались как раз из числа сибирских кержаков. Согласно одному из постулатов родовой культуры старообрядческой семьи, где каждому предписывалась своя обязанность, воспитанием детей должны заниматься дед и бабушка, родители же должны зарабатывать деньги для дома. Так было и у Худобиных: бремя воспитания Сергея с Владимиром лежало на бабушке по отцовской линии, живущей с ними под одной крышей – деда в тайге во время заготовки древесины насмерть придавило упавшей лесиной.

У маленькой, сухонькой Руфины, так звали старушку, был твердый характер и глубокие религиозные убеждения. Она

была строга с внуками, тем не менее, стремилась воспитать их не столько наказанием, сколько собственным примером, вниманием, увещанием и стыдом. С малых лет внушала мальчишкам: достойный человек – это тот, кто чтит Бога и своих предков и живет по совести. Это от нее внуки узнали, что креститься следует не тремя перстами, как это принято в официальном Православии, а двумя, что правильная форма у креста восьмиугольная, а не четырехугольная, заимствованная Никонем у латинской церкви. Руфина нередко перелистывала страницы древних старообрядческих книг, передаваемых в их роду из поколения в поколение, которые она в свою очередь бережно хранила.

В мозгу старой кержачки крепко сидело, и не без оснований, искреннее и непоколебимое убеждение в том, что кержаки, люди непрестанного труда и древней русской культуры, основанной на истинной христианской морали – это генофонд великой русской нации. Она не один раз рассказывала внукам об истории раскола в Православии и старообрядчестве. При этом, не переставая, твердила: «Последователи старой веры – особые люди, их отличительная особенность в силе духа и нестигаемости».

Староверам, гонимым властью, не за что было эту власть любить, они отвечали ей взаимностью, относясь с пренебрежением и без должного почтения. Руфина, хорошо помнившая заповеди единоверцев: «Страшен царь, а боюсь я только Бога», «Из-за кремлевских стен не вся Россия видна», «У начальников ум короток, да руки длинные», «Сами рабы, и на других хотят надеть ошейник», – регулярно напоминала про них подрастающим внукам.

Переняв от бабушки многие житейские премудрости, братья Худобины однако же вняли далеко не всем ее наставлениям. Фанатично религиозными людьми Сергей и Владимир не стали. Не захотелось среди сверстников уподобляться белым воронам – в школе преподавание строилось на атеистическом

миропонимании, ровесники после слов о Боге и вере начинали на них коситься и отдаляться. А вот недоверие к власти, большой и маленькой, непреклонность в характере, привитые старой воспитательницей, оказались той самой гремучей смесью, которая сгубила парней. Придя в определенный момент к выводу, что за сопротивление участковому инспектору Кречетову и отказ от занятий общественно полезным трудом им грозит реальная тюрьма, братья Худобины, наслышанные от Руфины об издевательствах над староверами в исправительных лагерях, решили – «нагнуть» себя никому не дадут и в тюрьму не сядут. Приняв такое решение, они пошли до конца, переступив святую заповедь «Не убий».

Судебная коллегия по уголовным делам Алтайского краевого суда в сентябре 1986 г. рассмотрела дело Худобиных в выездном заседании.

В суде Худобины, как и на предварительном следствии, полностью признали вину по предъявленному обвинению. Они постоянно напоминали и уточняли, что стреляли только в работников милиции и были твердо убеждены, что тракторами управляли сотрудники МВД. Ни одного из гражданских они убивать не хотели. Когда в проеме появился односельчанин Богаткин с фонариком в руке, братья в темноте также приняли его за работника милиции и потому выстрелили в него.

Вина Худобиных в совершении преступлений нашла полное подтверждение в показаниях потерпевших, свидетелей, в актах судебных экспертиз и других материалах, исследованных в процессе судебного следствия.

Судебная коллегия обзрела в своем заседании изъятые у Худобиных топоры, которыми они угрожали работникам милиции, и отметила, что они очень легко извлекаются из чехлов, на что обратил внимание участковый инспектор Кречетов, когда пытался их задержать. Были осмотрены судом и сапоги, которые повредил Худобин Владимир, что подтверждало его вооруженность топором в момент, когда работники милиции

предприняли попытку привести братьев на заседание профилактической группы, однако те оказали правоохранителям сопротивление.

В судебном заседании был проведен визуальный осмотр оружия, из которого вели огонь подсудимые, а также осмотр пуль, которыми были поражены потерпевшие. С учетом того, что изъятые из бревен чердака пули углубились на 8 см и 5,5 см, коллегия пришла к твердому убеждению, что огнестрельные устройства обладают большой поражающей силой. Худобин Сергей пояснил в судебном заседании, что ружья и их убойная сила после изготовления испытывались в тайге на дистанциях 50 и 100 м, и пуля пробивала стену охотничьей избушки из пихты толщиной свыше 15 см.

Исходя из вышеуказанных данных суд пришел к твердому убеждению: стреляя из такого оружия с близкого расстояния, прицельно, оба подсудимых знали и понимали, что от их действий наступит смерть и желали ее потерпевшим, то есть действовали с прямым умыслом, и если смертельный исход не наступил в отношении всех, в кого они стреляли, то лишь в силу обстоятельств, не зависящих от их воли.

Проведя судебное следствие, коллегия согласилась с органом предварительного следствия в вопросе квалификации действий подсудимых и пришла к твердому убеждению о виновности Худобиных Сергея и Владимира в совершении преступлений, предусмотренных ст. 218 ч. 1, ст. 218 ч. 2, ст. 191-1 ч. 2 и ст. 191-2 УК РСФСР.

Оглашенные в судебном заседании материалы отрицательно характеризовали братьев Худобиных – не желали никому подчиняться, заниматься общественно полезным трудом, соблюдать иные требования закона.

В связи с рассуждениями Худобиных на религиозные темы суд обзрел и исследовал две тетради подсудимых, где они пытались излагать свои взгляды по этому вопросу. И пришел к выводу об отсутствии твердых убеждений, связанных с от-

правлением религиозных культов – в записях рядом с религиозными догмами были записаны анекдоты из современной жизни, тексты тостов, призывающих к необузданному потреблению спиртного, современная информация о запретах и правилах при охоте.

По мнению судебной коллегии, Худобин Владимир представлял в социальном плане даже большую опасность, нежели его брат, хотя он по возрасту был и моложе. Владимир имел образование, служил в армии, где подвергался влиянию со стороны лиц, занимающихся воспитанием и становлением характера советской молодежи, однако первым начал стрельбу по работникам милиции, а по эпизоду убийства Штифмана проявил неподдающуюся объяснению дикость и жестокость.

Ходатайство жителей села Малый Бащелак с подписями, собранными в частном порядке родственниками подсудимых, о возможности сохранить Худобиным жизнь, судебная коллегия отклонила.

Судебная коллегия пришла к убеждению, что, несмотря на молодой возраст подсудимых, по характеру совершенных ими преступлений и данных об их личности Худобины Сергей и Владимир представляют исключительную опасность для общества, а потому и меру наказания им необходимо назначить исключительную – смертную казнь.

В приговоре от 17 сентября 1986 г. указывалось, что суд не нашел оснований сохранить жизнь ни одному из братьев. Вскоре приговор вступил в законную силу, а через год его привели в исполнение.

О.И. Колпаков

Однажды в Закавказье

Написать данный рассказ меня подвигла документальная повесть А.И. Кондратова «Кировобадский дневник», вышедшая в свет в четвертом выпуске книги серии «Следствие сквозь годы...»⁷.

Начну, пожалуй, с цитирования «Кировобадского дневника» Анатолия Ивановича (речь идет про события 1988 года): «В начале декабря, с учетом предстоящего отъезда следователей из сумгаитской бригады, мы получили и первое пополнение нашей следственной бригады двумя группами следователей органов прокуратуры. Первая группа из 18 человек состояла в основном из очень молодых следователей, как по возрасту, так и по опыту работы прокурорских работников, имевших классные чины младших юристов и юристов 3 класса. Было очевидно, что рассчитывать на их профессиональный опыт в раскрытии и расследовании тяжких преступлений мы не могли. А вот прибывшая вслед за первой вторая группа следователей органов прокуратуры в количестве 10 человек состояла из опытных следователей спецпрокуратур, подчиненных Второму управлению Прокуратуры Союза ССР. Большинство из них были следователями по особо важным делам и имели чины юристов 1 класса, младших советников и советников юстиции. Среди них были Г.И. Шевченко, В.Д. Николаев, О.И. Колпаков, В.П. Зимин и другие. Их профессиональный опыт в дальнейшем придал качественный импульс в организации расследования наиболее тяжких преступлений, совершенных в период массовых беспорядков». Согласитесь, что та-

7. См. А.И. Кондратов. «Кировобадский дневник» // «Следствие сквозь годы... Вспоминаания ветеранов следствия», выпуск 4. Москва, Издательский дом «Славянка», 2024

кая оценка твоего труда со стороны талантливого следователя А.И. Кондратова дорогого стоит. Хочу дополнить, что Валера Николаев впоследствии стал старшим следователем по особо важным делам Генеральной прокуратуры Российской Федерации, а Володя Зимин – судьей Московского областного суда.

Небольшое отступление. Большинство из нас прибыли тогда в Кировобад из города-героя Ленинграда, где мы проходили обучение в Институте усовершенствования квалификации следственных работников при Прокуратуре Союза ССР. Директором Института был А.И. Бастрыкин. Не жизнь в Северной Пальмире была, а сказка – днем мы проходили обучение, а в свободное время знакомились с достопримечательностями города, посещали Эрмитаж, Кунсткамеру и все имевшиеся в Ленинграде театры.

Но, как и всё остальное в нашей жизни, сказка быстро закончилась. В один из дней в аудиторию, где проходили занятия, вошла куратор нашей группы Ирина Борисовна. Она огласила несколько фамилий следователей по особо важным делам и попросила пройти за ней. В коридоре Ирина Борисовна сообщила нам, что есть приказ заместителя Генерального прокурора Союза ССР Катусева А.Ф., согласно которому мы должны вылететь в город Баку для производства следственных действий. Этим же вечером наш борт из аэропорта Пулково взял курс на столицу Азербайджанской ССР.

Приземлившись в Баку, мы погрузились в автобус и выехали в направлении города. Но только мы покинули территорию аэропорта, как нас окружила толпа демонстрантов, представителей так называемого «Народного фронта». В салон автобуса вошли два спортивного вида мужика и потребовали немедленно вернуться в здание аэровокзала, а затем «валить обратно в Россию». Один из следователей, жестко и доходчиво, применяя не совсем литературные выражения, объяснил «пришельцам», что мы представители власти и, пользуясь полномочиями, предоставленными нам Законом, имеем право

выписать им «путевку» сроком минимум на два месяца в один из следственных изоляторов. И не факт, что «отдыхать» по этой путевке они будут на территории Азербайджана. Возможны иные варианты – СИЗО Ростова или, на худой конец, Еревана. Бугаи исчезли из салона автобуса так же быстро, как и в нем очутились.

В Баку нас разместили в кабинете криминалистики прокуратуры города. Решался вопрос, где будет наша постоянная дислокация. Местный прокурор-криминалист, чтобы скоротать время, начал нам разъяснять суть армяно-азербайджанского конфликта. В его монолог об исторических причинах давней вражды азербайджанцев и армян вставил свои «пять копеек» и один из наших следователей, заявив:

– А что вам мешает отдать Карабах армянам? Мороки меньше.

Мы еще не знали, что академик Сахаров и его жена Боннэр уже выступили с требованием отдать Нагорный Карабах армянам, результатом такой провокации были десятки трупов армян, в том числе и в Кировобаде. Получилось по стихотворению поэта Фёдора Ивановича Тютчева: «Нам не дано предугадать как слово наше отзовется...»

Прокурор-криминалист на слова нашего коллеги отреагировал мгновенно. Он выхватил со стенда револьвер «Наган» и наставил ствол в направлении лба оппонента. Один из следователей сработал молниеносно и обезоружил нападавшего. Правда, опасения по поводу трагического исхода всей этой истории оказались сильно преувеличенными. Оружие оказалось незаряженным. Но этот эпизод послужил для всех уроком. Как говорится, в чужой монастырь со своим уставом соваться не стоит.

Уже далеко за полночь мы с вещами пошли на выход. Во дворе прокуратуры нас ждал автобус. В это время с улицы подъехала черная «Волга». Из нее вышел А.Ф. Катусев и направился в нашу сторону. Поздоровавшись, Александр Филиппович обратился к нам со словами:

– Извините, что припоздал. По дороге мы были остановлены патрулем десантников и некоторое время мы с водителем провели, положив руки на капот. Впервые в жизни на своем опыте оценил, что такое личный обыск и досмотр.

Вслед за таким неожиданным вступлением Катусев продолжил:

– Сегодня ночью с помощью военнослужащих дивизии Дзержинского и десантников удалось очистить главную площадь Баку от митингующих. Ситуация в городе немного стабилизировалась. Поэтому вам надлежит отправиться в азербайджанский «Чикаго» – город Кировобад. Там сейчас наиболее опасная криминогенная ситуация. Я был там пару дней назад и принял решение усилить следственную бригаду.

Катусев тепло пообщался с нами и на прощание пожелал удачи.

Бакинский железнодорожный вокзал представлял собой незабываемое зрелище, как внутри, так и снаружи. Периметр вокзала был окружен танками и боевыми машинами десанта. Внутри находились курсанты Днепропетровской и Краснодарской школ милиции. Прикрывая щитами армянских беженцев от летящих в них камней и других тяжелых предметов, курсанты сопровождали вынужденных переселенцев до дверей вагонов поезда. Прямо у нас на глазах возникла эпическая картина. В зале ожидания внезапно появилась толпа митингующих. Тут же была установлена трибуна, на которую взобрался один из активистов и начал свою речь на родном языке. Спустя несколько минут в зал вошли курсанты и с помощью резиновых дубинок рассекали толпу на «островки». В открывшиеся коридоры быстро направилась десантная бригада, на ходу вставляя рожки в автоматы Калашникова, щелкая при этом затворами. К трибуне подошел офицер-десантник под два метра ростом с кулаками, похожими на пудовые гири, и одним ударом отправил оратора в глубокий нокаут. Толпа разбежалась. Когда зал ожидания был полностью зачищен, я подошел к офицеру и

предъявил удостоверение, на обложке которого была надпись золотыми буквами: «Прокуратура Союза ССР». Я попросил его назвать свою фамилию. На мой вопрос он ответил вопросом:

– К уголовной ответственности привлекать собираетесь?

– Нет, – ответил я, – для истории бокса. Я впервые видел, как соперник после удара в челюсть летел с ринга вперед ногами.

Офицер улыбнулся и произнес:

– Лейтенант Обойдигора.

Фигура офицера полностью совпадала с его фамилией.

Много лет спустя я рассказал эту историю моим знакомым ветеранам ВДВ.

– Знаем такого, – ответили они. – Он сейчас уже полковник. Десантно-штурмовым полком командует.

Утром поезд доставил нас в пункт назначения. Нас разместили в номерах центральной гостиницы города под названием «Гянджа» (в 1989 г. это историческое название было возвращено и самому Кировобад). В этот же день мы прибыли в Управление внутренних дел г. Кировобад, где в одном из кабинетов А.И. Кондратов познакомился с нами, обрисовал криминогенную обстановку в городе, а затем приступил к распределению обязанностей каждому следователю. Мне досталось руководить следственной группой, задачей которой было выявление и привлечение к уголовной ответственности организаторов массовых беспорядков (впоследствии я передал бразды правления старшему по чину советнику юстиции Г.И. Шевченко). После совещания я был направлен к начальнику штаба следственной бригады подполковнику юстиции А.А. Комкову – прокурору-криминалисту военной прокуратуры Прибалтийского военного округа. Александр Александрович, добрейшей души человек, обеспечил меня личным автомобилем – автомобилем «Волга» из местного таксопарка, и предоставил водителя. При этом он посоветовал мне чаще отпускать водителя «на обед», потому как местные таксисты в прокуратуре зарплату не получают, при этом им приходится

самостоятельно нести расходы по ремонту автомобиля и покупке запчастей. Уже имелись случаи, когда водители сбегали от следователей, которые лишали их заработка, заставляя целый день вхолостую простаивать возле здания УВД. Я последовал совету и отпустил своего водителя Ильдара «на обед» всегда, когда он не был мне нужен. У нас с ним сложились дружеские отношения, и он был готов в любое время суток доставить меня не только в какой-либо район Кировобада, но и в удаленные на несколько десятков километров близлежащие города.

А.И. Кондратов в своем «Дневнике» подробно рассказал, как удалось добиться выделения для нужд следствия автомобилей из таксопарка, а также организовать бесплатное трехразовое питание следователей в ресторане при гостинице «Гянджа».

На следующий день мы с Володией Зиминым были уже в Управлении Комитета государственной безопасности на совещании, проходившем в кабинете начальника управления полковника Микаилова. Кроме нас там присутствовали два следователя из МВД и два следователя из КГБ СССР. Перед началом совещания нам выдали для ознакомления распечатки речей ораторов на митинге в Кировобаде, после которого, собственно, и начались погромы в армянском районе города. Магнитофонные записи с речами людей, их произносивших, предоставили оперативные сотрудники госбезопасности. После того, как мы ознакомились с документами, в кабинет вошел импозантного вида человек, которого начальник управления представил как инструктора отдела административных органов ЦК КПСС.

Инструктор поинтересовался у собравшихся, внимательно ли они изучили распечатки выступлений митингующих. Получив утвердительный ответ, он спросил:

– Кого из выступавших на митинге можно привлечь к уголовной ответственности и по какой статье Уголовного кодекса?

Ответа не последовало.

– Хорошо. Я сам вам подскажу, – продолжил ответственный товарищ. – Вот, например, гражданин заявляет, что «карабахских червей необходимо закопать обратно в землю». Это ли не призыв к убийству армян?

Я попросил слова и высказал свое мнение о том, что невозможно отождествлять карабахских червей с армянами. Можно только подразумевать, что речь идет об армянах. В суде такое дело не пройдет.

– Ладно, – продолжил инструктор. – Давайте рассмотрим выдержку из другой речи. Таксистка по имени Бановша заявляет: «Горбачёв – ... (далее следовало непечатное ругательство на букву «М»). Он ведет страну к развалу». Разве такое чудовищное заявление не влечет за собой уголовной ответственности?

И здесь наступил «звездный час» Владимира Петровича Зимины.

– Разрешите, – Зимин встал из-за стола. – Насколько мне известно, в одном из тюркских языков это слово означает «выдающийся». Представляете, если в суде выяснится, что Михаил Сергеевич выдающийся деятель своего времени? Это оправдательный приговор. А нам, следователям, он противоположен.

После такой пламенной речи в кабинете наступила гробовая тишина. Мы смотрели на следователей КГБ и начальника управления, пытаясь определить реакцию на услышанную «крамолу». Но их лица были непроницаемы. Неизвестно, сколько бы длилась пауза, по своей протяженности превосходявшая мхатовскую, но напряженность ситуации разрядил следователь МВД по имени Сергей из города Николаева. Сказать, что он засмеялся – ничего не сказать. Сказать, что он заржал – грубо. Но то, как он засмеялся, вызвало у следователей прокуратуры и МВД цепную реакцию. Смеялись все, при этом непонятно было, над чем – то ли над тем, как заразительно хохотал Серега, то ли над тем, что произнес Зимин.

Совещание, к неудовольствию инструктора ЦК КПСС, закончилось с нулевым результатом.

На следующий день я направился в штаб Кировобадской парашютно-десантной дивизии. У меня планировалось задержание одного из активных участников массовых беспорядков, и мне нужны были понятые. А так как я был следователем спецпрокуратуры, которая осуществляла надзор, в том числе, и над военно-строительными отрядами Главспецстроя СССР, у меня сложилась привычка приглашать в качестве понятых военнослужащих. Дежурному по штабу я показал свое служебное удостоверение и объяснил цель своего визита. Дежурный, недолго думая, направил меня в отдел военной контрразведки дивизии. Там я познакомился с начальником отдела полковником Сергеем Шолоховым и другими контрразведчиками. Шолохов мне сразу же заявил, что понятые будут, да к тому же он для безопасности следственных действий пришлет мне двух вооруженных бойцов. Как-то сам собой разговор перешел на события, происходившие не только в Кировобаде, но и в стране.

– Скажите, Олег Иванович, – обратился ко мне Шолохов, – а наш «выдающийся»... – полковник сделал паузу, чтобы подобрать нужные слова, после чего продолжил, – ...руководитель в Москве что-то предпринимает, чтобы прекратить всю эту вакханалию?

Я понял, что военная контрразведка уже в курсе того, что произошло на совещании в Управлении КГБ СССР, и выступление Зимина пошло в народ.

– Мы все смотрим программу «Время», – продолжил полковник, – там о событиях в нашем городе было сказано очень коротко: «Небольшая группа хулиганов пыталась спровоцировать беспорядки, но была рассеяна сотрудниками милиции».

Начальник контрразведки тяжело вздохнул и продолжил:

– Небольшая группа хулиганов – это, чтобы вы понимали, десятки тысяч граждан, собравшихся напротив здания горкома партии и горисполкома. А сотрудники милиции – это

военнослужащие нашей дивизии. Офицеры штаба вели не просто журнал, а журнал боевых действий. Главный не знает, что происходит?

Единственное, что я мог ответить:

– Немецкий генерал Секст как-то сказал, что управлять страной должен человек, у которого имеется редкое сочетание силы воли и ума. По-моему, наш «выдающийся» этими качествами не обладает.

Наша беседа продолжалась около часа. Прощаясь, Шолохов предложил мне пользоваться свободным кабинетом в его отделе. Я с удовольствием согласился. Теперь я был «владельцем» двух служебных помещений – в УВД города и в отделе контрразведки.

Спустя несколько дней ко мне пришли несколько оперов, прикомандированных к нашей следственной бригаде, чтобы просить за водителя такси Бановшу.

– Олег Иванович, – обратился ко мне старший по званию, – полагаем, что нельзя привлекать к ответственности женщину, имеющую семерых детей. И вообще. То, что она сказала на митинге – правда. И мы ее в этом поддерживаем. Поэтому просим прекратить уголовное дело.

Я уже знал, что никакого дела не будет, о чем им сообщил.

Сотрудники милиции не ожидали такого поворота событий и сердечно поблагодарили меня за участие в деле Бановши.

Распорядок дня следователей следственной бригады был достаточно напряженным. Шестидневная рабочая неделя продолжалась «от и до», а иногда и дольше. В воскресенье было небольшое послабление – рабочий день заканчивался в 15.00, и то не всегда. Всё зависело от обстоятельств.

Иногда я проводил допросы в одном из кабинетов горисполкома. И здесь мне запомнился забавный эпизод. Я допрашивал свидетеля, который на вопрос о месте работы и должности ответил, что он трудится в магазине младшим помощником грузчика стеклотары. Для меня это было удивительно и я, что-

бы убедиться в правдивости сказанного, пригласил в кабинет одного из сотрудников горисполкома. Тот подтвердил, что и такое бывает в нашей жизни.

– А чем вы занимаетесь? – задал я вопрос.

– Разгружаю и погружаю ящики со стеклотарой, – последовал ответ.

Тогда я задал следующий вопрос:

– А чем занимается старший помощник грузчика стеклотары?

– Он приезжает на «Жигулях» и спрашивает: «Ну, как дела?» Я говорю: «Хорошо». Он после этого уезжает.

Продолжая допрос, я узнал, что свидетель своего непосредственного руководителя – грузчика – никогда не видел. Герой кинофильма «Белое солнце пустыни» товарищ Сухов сказал: «Восток – дело тонкое». То же самое можно сказать и о Закавказье.

7 декабря 1988 г. мы с Зиминым получили задание выехать в приграничный с Арменией город Казах. На тот момент там сложилась очень сложная ситуация с беженцами. И как раз в этот день произошло печально известное землетрясение.

Прибыв на такси с водителем Эльдаром, в первую очередь мы посетили военного коменданта города. Полковник находился в удрученном состоянии. Оказалось, что вчера вечером ему звонили из штаба Закавказского военного округа и пригрозили военным трибуналом за самоуправство. Как объяснил нам комендант, Горбачёв дал указание закрыть границу с Арменией и не пропускать как азербайджанцев с той стороны, так и армян с этой. В результате на той стороне скопилось большое количество «вынужденных переселенцев», многие из которых были без теплой одежды. Военнослужащие, чтобы не допустить прорыва границы, несколько раз открывали огонь из автоматов поверх голов беженцев. Военный комендант понимал, что такая ситуация долго продолжаться не может. Он отдал приказ пропустить людей через границу, а с военных складов

выдать нуждающимся ватники, перчатки и кирзовые сапоги. Вот за такие действия ему и грозили трибуналом. После встречи с комендантом мы решили сами разобраться в произошедшем на месте. Для начала мы поехали в местную школу, где в одном из классов собрались военные дознаватели – офицеры из разных воинских частей, которые должны были провести допросы прибывающих беженцев. Мы с Зиминым объяснили, что в первую очередь надо выяснять у граждан, предоставив офицерам список вопросов. Также пообщались непосредственно с людьми, которые были вынуждены покинуть места своего проживания. С их слов выяснилась причина, почему они оказались без теплой одежды. Покидая родные дома, люди уводили личный скот и брали с собой все пожитки, которые можно было унести. Для безопасного выхода в сторону Азербайджана вооруженная группа армян настойчиво предложила им свою «помощь». Это группа провела их до определенного места, а там передала под охрану другой группе вооруженных людей. В качестве вознаграждения за безопасный проход первая группа забрала себе домашний скот. Вторая группа проводила их до следующей стоянки, где они перешли под контроль третьему вооруженному отряду. Теперь вознаграждением для проводников стали ювелирные изделия потерпевших. Третья группа вывела их непосредственно к границе и забрала себе дубленки и другие предметы теплой одежды. Температура воздуха в те дни колебалась от ноля днем до минус двух градусов ночью...

Во второй половине дня мы возвратились в кабинет коменданта города. Попросили у него пишущую машинку и принялись печатать серьезный документ. В результате получилось постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении военного коменданта г. Казах за отсутствием состава преступления. В документе было указано, что он действовал в ситуации крайней необходимости. У юристов, конечно, могут возникнуть сомнения в законности такого документа, по-

тому как два юриста 1 класса, они же по должности следователи по особо важным делам, причем из разных прокуратур, скрепляют одно постановление двумя подписями.

Мы сообщили военному коменданту, что, по нашим сведениям, в городе находится работник ЦК КПСС и попросили указать его месторасположение. По словам коменданта, «человек из Москвы» в настоящее время осуществлял прием граждан в одной из палаток за чертой города. На комендантском УАЗике мы разыскали это место. Вне очереди мы проникли в палатку, представились инструктору ЦК КПСС. Фамилия его, по-моему, была Сергеев (могу ошибаться). Объяснив сложившуюся ситуацию, мы передали ему наше постановление. Сергеев пообещал разобраться.

На следующее утро мы вновь были в кабинете военного коменданта. Его лицо сияло. Ночью ему позвонил командующий Закавказским военным округом и объявил благодарность за решительные и правильные действия в условиях военного положения. Вот на такой ноте и закончилась наша поездка в Казах. В этот же день мы возвратились в Кировобад.

Заместитель начальника штаба следственной бригады майор юстиции, а впоследствии полковник юстиции Александр Васильевич Мельников – следователь по особо важным делам военной прокуратуры Черноморского флота, вызвал меня в свой кабинет и сообщил, что завтра вместе с руководителем следственной бригады Фроловым Александром Васильевичем, я, Зимин и еще один следователь, фамилию которого я не запомнил, выезжаем в город Кировокан, где нам предстояло допрашивать фигурантов, проходящих по уголовным делам. Один из следователей, находившихся в кабинете, решил пошутить:

– Да, ребята. Не позавидуешь вам. Одно слово – смертники.

Я воспринял это как шутку. А вот Александр Васильевич отреагировал по-другому. Он культурно и интеллигентно объяснил «шутнику», что так говорить не стоит.

Коротко его речь звучала так:

– Рот закрой и больше свою дурь никому не показывай.

А.И. Кондратов свой «Кировобадский дневник» посвятил памяти А.В. Фролова. В нем он искренне и честно рассказал, каким замечательным человеком и требовательным начальником был Александр Васильевич. Я присоединяюсь к такой характеристике доброго и в то же время волевого руководителя следственной бригады.

На следующий день мы вчетвером на черной «Волге» направились из Кировобад в сторону Казах. Проехав Казах, взяли курс к границе двух республик. Границу разделяла нейтральная полоса, по обе стороны которой несли дежурство курсанты Ленинградского высшего военного училища. Водитель «Волги» предусмотрительно взял с собой «запасные» автомобильные номера – не доезжая нескольких десятков метров до черты, где начиналась Армения, водитель остановил автомашину и буквально в считанные минуты заменил азербайджанские номера на армянские. Так продолжать движение было намного спокойнее.

Первый армянский город, в который мы прибыли, был Иджеван. При въезде нас встречала черная «Волга». Когда мы к ней приблизились, из нее вышел человек в черном кожаном пальто. Я сразу узнал его. В 1983 г. я проводил в Иджеване следственные действия по одному уголовному делу. На черной прокурорской «Волге» с понятыми я приезжал в один из частных домов, где проводил обыски и допросы фигурантов по делу. Подробно об этом деле я написал в одной из книг серии детективных романов под общим названием «Следствие из тупика», вышедших в издательстве «Российский писатель». За успешное расследование данного уголовного дела приказом Генерального прокурора Союза ССР А.М. Рекункова мне была объявлена благодарность. Помощь в организации следственных действий по тому делу мне оказывал старший помощник прокурора, который сейчас и встречал нашу след-

ственную группу. Он поздоровался с нами и представился как прокурор Иджеванского района. Та прокурорская «Волга», на которой пять лет назад разъезжал я, стала теперь его служебным автомобилем.

После рукопожатий прокурор предложил проехать в гостевой домик на торжественный обед. Убранство домика было оформлено под старину. В середине зала стоял длинный стол, уставленный различными яствами армянской кухни и несколькими бутылками вина и коньяка. Александр Васильевич предупредил нас, чтобы к спиртному мы не прикасались. Этот приказ был выполнен на сто процентов. После царского застолья мы продолжили путь в сторону Кировокана. Проезжали город Дилижан, рядом с которым на горе возвышался дом отдыха Союза композиторов СССР. В 1983 г. нынешний прокурор, а тогда еще старший помощник прокурора, возил меня на обед в ресторан этого дома отдыха. Местность там гористая. От Иджевана до Еревана, если лететь на вертолете по прямой, расстояние равно 95 км. А если двигаться по шоссе, то «набегают» все 131 км. Мы ехали, то взбираясь на вершины гор, то спускаясь с них по серпантину дороги.

На подъезде к Кировокану мы издали увидели панораму разрушений, постигших город. Трудно было найти в этом хаосе хотя бы одно строение, оставшееся целым и невредимым после сильных подземных толчков. Прокурор города Шахвердян Григорий Тигранович встречал нас возле поврежденного здания городской прокуратуры. Его слова не прибавили нам оптимизма. Во-первых, он сообщил, что разместить нас в каком-либо пригодном для работы помещении и предоставить место проживания возможности нет. Но это еще было полбеды. Все заключенные, в том числе и фигуранты по нашему делу, были освобождены под «честное слово» из следственного изолятора и в настоящее время занимались расчисткой завалов. Мы проехали, где смогли, по улицам Кировокана, после чего А.В. Фролов принял решение возвращаться в Кировобад.

Проводить следственные действия при такой обстановке было неправильно не только из-за проблем с размещением и отсутствием фигурантов, но и по морально-этическим соображениям.

Той же дорогой мы возвратились в Кировобад. На следующий день я получил новое задание. Мне необходимо было выехать в один из городов, название которого я не запомнил в силу сложности его произношения. Город находился неподалеку от армяно-азербайджанской границы и там, в чистом поле, в палатках проживали азербайджанские беженцы. Прибыл я туда следователем-«одиночкой» и приступил к допросам пострадавших от армянских боевиков граждан. Здесь мне нарисовалась картина трагедии людей, которые вынуждены были покинуть свои родные дома и проживать, в мягко сказать, полевых условиях. Я допрашивал пожилую женщину, которой бандиты дымящимися сигаретами в нескольких местах прожгли грудь, проводил допрос мужчины, которому отрезали уши. Их истории были пронизаны ненавистью и болью...

Напряженная работа продолжалась несколько дней. Жил я в гостинице, где питание для меня было организовано бесплатно. Сам я не мог позволить себе купить что-либо из вещей или продуктов, потому как у меня не было при себе наличных средств. Вопрос о том, кто нам будет платить зарплату – бухгалтерия прокуратур, откуда мы прибыли, или бухгалтерия Генеральной прокуратуры Союза ССР, находился в подвешенном состоянии.

В один из дней, двигаясь из прокуратуры города на обед в гостиницу, я встретил по дороге двух военных славянской наружности. Мы поздоровались. Они оказались майором и подполковником милиции и поинтересовались, кто я такой. Я показал им свое удостоверение. Мужики обрадовались и поведали свою историю. Они были сотрудниками ВНИИ МВД СССР и получили приказ выехать в командировку в этот город, в местный отдел внутренних дел. По прибытии они узнали, что в их услугах здесь не нуждаются, и теперь решали, куда

податься. Они попросили меня взять их в мою следственную группу. Я согласился и довольно быстро решил с прокурором города вопрос об их заселении в гостиницу. Номер им достался этажом выше моего.

Через пару дней на улице я встретил еще одного «потеряшку» – старшего следователя прокуратуры г. Харькова. Он также предложил мне свои услуги в качестве полноценного члена следственной группы, его приняли и заселили в гостиницу. Жизнь заиграла новыми красками, вчетвером нам было намного комфортнее в чужом городе. Володя, так звали старшего следователя, сразу включился в следственную работу и облегчил мой нелегкий труд.

Как я уже говорил ранее, я был на полном обеспечении жильем и едой. Но моя жизнь не могла быть полноценной без удовлетворения одной вредной привычки – тяги к табаку. В один из дней я зашел в кабинет молодого местного следователя прокуратуры, совсем недавно взвалившего на себя тяжелую ношу труженика «каменоломни» под названием «следствие». Увидев меня, он встал из-за стола и подошел для рукопожатия. Передо мной стоял образцовый советский следователь. Безупречный дорогой костюм дополняли гармонирующие с ним галстук и белоснежная рубашка. На ногах сияли начищенные мокасины. Таких предметов одежды я не встречал в ассортименте наших магазинов. Следователь предложил мне присесть. Я извинился и попросил у него взаймы пачку сигарет. Молодой человек вынул из ящика стола блок «Мальборо» и протянул его мне. Я попытался отказаться от таких дорогих сигарет, но следователь сказал, что подарок у них не принято возвращать, так как это оскорбляет дарящего.

– Это «Мальборо» местного производства, не американские, – сказал он.

– А сколько стоят? – поинтересовался я.

– Местные пять рублей, американские десять.

И тогда я решил спросить его прямо:

– Оклад следователя составляет 165 рублей. Блок «Мальборо», даже местного, стоит 50 рублей. Одеты вы с иголки, носите иностранные ботинки, на работу приезжаете на новенькой «пятерочке», – рукой я указал на окно, под которым стояли «Жигули», на которых ездил этот следователь. – Чтобы так роскошно жить, необходимо брать взятки, или у вас имеется другой вид заработка?

– Нет. Я взятки не беру. Мне это не позволено делать, – спокойно ответил следователь. – Я происхожу из семьи пастухов и земледельцев. Школу закончил с золотой медалью. После чего в нашем доме собрались ближние и дальние родственники. Они приняли решение, что мне необходимо поступить в юридический институт, чтобы в дальнейшем я вышел в люди и помогал им всем решать возникшие проблемы. Родственники сбросились деньгами, кто как мог, и собрали для меня необходимые для поступления 6 тысяч рублей. Я с отличием окончил институт и теперь работаю здесь.

Следователь посмотрел на меня, пытаясь уловить мою реакцию на сказанное.

– Ах да, чуть не забыл, – вспомнил он. – Вы спрашивали про костюм, ботинки и автомобиль. Все эти привычные атрибуты власти куплены опять-таки на средства моих родственников, которые постоянно сбрасываются на мою жизнь, кто по три рубля, кто по пять, а кто и больше.

Следователь улыбнулся:

– Я удовлетворил вашу любознательность?

– На все сто... – ответил я.

Дальше наш разговор перешел на рабочие темы.

– Неподалеку от гостиницы, – сказал я, – в палатках расположены беженцы. При этом в городе полно частных домов, которые покинули армяне. Неужели нельзя переселенцев переместить в эти дома? Там тепло, электричество, вода.

– Есть несколько причин, почему этого сделать нельзя. Во-первых, местные их «своими» не считают. Они и их предки ро-

дились на территории Армении. И менталитет у них больше армянский, чем азербайджанский. Во-вторых, многие дома армян уже заняты соседями. В-третьих, те армяне, которые переехали отсюда в Армению, заранее договорились с азербайджанцами, которых постигла такая же судьба, об обмене домами. Так что эти дома азербайджанцы-беженцы получили на законных основаниях. Большая часть беженцев из этих палаток будет вынуждена искать себе новое место жительства, и скорее всего на «постоянку» они переедут в Россию.

Было интересно слушать этого младшего юриста, который в совершенстве владел русским языком и доходчиво отвечал на поставленные вопросы. Я уже собирался покинуть его кабинет и направился к выходу, когда следователь произнес:

– Вы говорили о взятках. Три дня назад наш зампрокурора заработал с вашей помощью 15 тысяч рублей.

Услышав невероятные обвинения в свой адрес, я вернулся за стол.

– Помните, как заместитель прокурора пять дней назад пригласил вас в свой кабинет? Там в это время находилось порядка десяти граждан. Среди них был парень 18-ти лет и девушка 17-ти лет. Вы помните, какой вопрос задал вам тогда зам?

– Конечно, помню, – ответил я. – Он спросил: «Какое наказание предусмотрено за изнасилование малолетки?» Я ответил, что до пятнадцати лет лишения свободы. Заместитель прокурора после этого выпроводил гражданских в коридор. Затем он меня спросил, нет ли каких просьб по поводу моей работы или условий проживания. Получив отрицательный ответ, он извинился за то, что оторвал меня от дел, и я вышел из кабинета.

– Правильно, – подтвердил мои «показания» следователь. – После вашего ухода зам вызвал в свой кабинет отца парня и сказал, что это не он ему сказал, а следователь из Генеральной прокуратуры Союза заявил, что его сын будет осужден на пятнадцать лет лишения свободы.

– Ничего себе цирк, – только и промолвил я. – А при чем здесь изнасилование малолетки?

– Дело в том, что эти парень и девушка любят друг друга, а ее родственники против, они решили, что она достойна быть женой мужчины из более обеспеченной семьи. Молодые сбежали и стали жить семейной жизнью у дальних родственников парня. Родственники девушки нашли их и написали заявление в прокуратуру об изнасиловании.

– Если это и считать изнасилованием, то оно должно квалифицироваться по другой части статьи Уголовного кодекса, которая предусматривает наказание до 8 лет лишения свободы, – проявил я знание УК Азербайджанской ССР.

– Правильно. И здесь явно видна разница в цифрах – вынести отказ в возбуждении уголовного дела за 8 тысяч рублей или за 15. По тысяче за каждый год виртуальной «отсидки».

– Откуда вы всё это знаете? – во мне заговорил следователь.

– Отец парня собирал эту сумму в долг со всех родственников и знакомых. В том числе, просил деньги и у моих родственников. Причем подробно объяснял, для чего они ему нужны.

Наступила пауза. Я в мыслях решал извечный вопрос: «Что делать?»

Младший юрист, видя мое состояние, пошел мне навстречу:

– Считайте наш разговор плодом моих фантазий. Дайте мне слово, что никому о нем не расскажете.

Слово я ему дал. И, выходя из кабинета, еще раз мысленно перефразировал товарища Сухова: «Закавказье – дело тонкое».

Через несколько дней пришел вызов из Кировобада. Необходимо было возвращаться к постоянному месту работы. Выехали мы на автобусе вчетвером с моими новыми товарищами-«потеряшками».

Прибыв в штаб следственной бригады, я сдал протоколы допросов и тут же мне сообщили радостную весть – пришла зарплата. Я направился в кабинет, где происходила ее выдача, и получил новенькие двадцатипятирублевые купюры. Судя по

тому, что в одной платежной ведомости стояли фамилии знакомых мне лиц, я сделал вывод, что деньги были перечислены из фонда Генеральной прокуратуры. В этой ведомости стояли подписи следователей из Киева, Николаева, Днепропетровска, Харькова, Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Владивостока и других городов нашей необъятной Родины.

Вечером я пришел в ресторан гостиницы «Гянджа» на ужин. Официант, который постоянно обслуживал наш столик, обратился ко мне с необычной просьбой – продать ему новенькую купюру номиналом в 25 рублей за 30 рублей. Меня его предложение удивило, и я поинтересовался, в чем смысл такой сделки. Он объяснил, что наличие у человека новых, чистых и хрустящих, соток, полтинников и четвертных поднимает его престиж в обществе и говорит о его успешности в жизни. Я предложил более выгодную «сделку» – я отдаю ему шесть купюр по 25 рублей, а он взамен дает мне десятки, пятерки и трешки ровно на ту же сумму. Официант с удовольствием согласился. Поздно вечером, перед началом программы «Время», он постучал ко мне в номер и передал размененную «по моей просьбе» сумму.

На следующий день мне была поручена работа, с которой я и начал, прибыв в Кировобад – выявление и привлечение к ответственности организаторов массовых беспорядков. Для «усиления» в качестве оперативных работников я получил двух молодых людей. Первый – курсант второго курса финансового отделения Ярославской школы милиции, второй – курсант второго курса школы пожарных. В дальнейшем я должен был получить усиление в лице настоящих «оперов», которые в данное время занимались работой по выявлению преступников, совершивших убийства и другие тяжкие преступления.

Двоих неопытных оперов я использовал для разных мелких поручений или просил напечатать мои рукописные запросы, постановления и другие документы, с чем они замечательно справлялись.

Для поиска организаторов я общался с оперативниками военной контрразведки, Управления КГБ СССР, с матерыми операми, которые проживали вместе с нами в гостинице «Гянджа». Помимо расплывчатых примет этих самым организаторов, каких-либо других зацепок мне получить не удалось.

Прошла неделя. За ней потянулась другая. Я понимал, что скоро буду должен предстать перед ясными очами руководства следственной бригады и предоставить отчет о проделанной работе. На данный момент ее результат представлял из себя ноль без палочки.

И тут мне пришла в голову мысль самому заняться оперативной работой. Рано утром я из гостиницы двинул сразу к Кяпазскому мосту. Данный мост разделял два района – Гянджинский, откуда, собственно, я и начал свое путешествие, и Кяпазский, который неофициально назывался «армянским». При входе на мост со стороны Гянджинского района стоял большой памятник Низами Гянджави, персидскому поэту и мыслителю, в честь которого изначально был назван город. Свою правую длань он направлял в сторону Кяпазского района. На другой стороне находился такого же размера памятник Сергею Мироновичу Кирову, который также простирал свою руку, но только уже в направлении Гянджинского района. Я перешел мост и оказался в армянской части города.

Целый день на улице, в кафе и других заведениях я, представляя свое удостоверение гражданам, пытался найти зацепку об организаторах массовых беспорядков. Но всё было бесполезно. Наступил вечер. Я остановился у армянской церкви. Подошел к пожилому мужчине, представился и обратился с тем же вопросом, что и к остальным людям.

– Вы приходите завтра утром в церковь. Найдете Машу Багдасарян. Она вам многое расскажет, – сказал мне мужчина.

Утром я был в церкви. Староста провел меня в кабинет настоятеля и сказал, что сам настоятель Саак находится сейчас в отъезде и я могу пользоваться его кабинетом.

– А Машу я сейчас позову, – староста удалился.

Вскоре пришла Маша, женщина лет сорока пяти. Я объяснил ей причину своего визита. Мы проговорили с ней часа два. Она рассказала о погромах, устроенных армянами. И, самое главное, назвала фамилии лиц, которые эти погромы организовали. Маша выложила передо мной фотографии тех событий. Как преступники сбросили крест с церкви и топтали его, а местные милиционеры не препятствовали этому. На фотографии было видно, как «блюстителю закона» загружают крест в милицкий УАЗик. Все эти снимки были сделаны бесстрашными армянскими женщинами. Я составил протокол допроса Марии Багдасарян, приобщив к протоколу часть фотографий, в том числе те, на которых были запечатлены организаторы и активные участники массовых беспорядков. Вслед за допросом Марии я допросил еще двенадцать очевидцев преступлений, поставив личный рекорд по количеству допрошенных в день. В основном свидетелями были женщины.

Мой рабочий день закончился в 23 часа, пора было возвращаться и я собрался уходить, но Мария попросила меня немного подождать и спустя какое-то время появилась в кабине настоятеля с четырьмя бородатыми спортивного вида людьми. Она сказала, что эти ребята проводят меня до самой гостиницы. Это в мои планы не входило, потому как на той стороне могли оказаться другие спортивного вида люди, да еще вооруженные. И неизвестно, чем бы закончилось это противостояние. В итоге вместе мы дошли до Кяпазского моста, «нейтральной полосы», разделяющей город, а дальше я продолжил свой путь один.

Уже давно наступил объявленный в городе комендантский час, улицы были пустынными. Дважды на пути я встречал военный патруль из десантников. Взглянув на меня, они даже не потребовали специального пропуска.

Утром в штабе следственной бригады я передал А.И. Кондратову всю «следственную базу», которую собрал всего лишь

за один ненормированный рабочий день. Ознакомившись с ней, Анатолий Иванович сказал, что объявлять благодарность не в его компетенции, поэтому он ограничится для меня краткосрочным отпуском с выездом в Москву.

На следующий день я уже был в аэропорту. При досмотре багажа сотрудники милиции предложили мне следовать за ними. Я подумал, что причиной задержания является нарушение мною сухого закона – в одном пакете у меня были четыре бутылки коньяка, а в другом мандарины, которые перед отъездом подарили мне сотрудники военной контрразведки десантной дивизии. Но дело было не в этом. Место в самолете, указанное в моем билете, было забронировано для начальника Управления КГБ СССР и сотрудники милиции по телефону выясняли, законно ли я получил свой билет. Когда вопрос был закрыт, сотрудник милиции взял мои пакеты и проводил меня в салон самолета. Через несколько минут лайнер вырулил на взлетную полосу, а затем взял курс на Москву.

* * *

Возвратиться в Кировобад мне уже не пришлось. В Москве я принял к производству уголовное дело, возвращенное Четвертой постоянной сессией Московского городского суда на дополнительное расследование. Исправив огрехи следователей предыдущей следственной группы, я направил дело обратно в суд и его повторное рассмотрение закончилось приговором. Вскоре мне досрочно присвоили чин младшего советника юстиции, и я был назначен на должность заместителя прокурора войсковой части № 9393. После этого назначения я был направлен в харьковский Институт повышения квалификации прокурорско-следственных работников. К сожалению, мне удалось проучиться всего две недели – приказом первого заместителя Генерального прокурора Союза ССР А.Д. Васильева я был отозван в Москву, где меня включили в состав следствен-

ной бригады, расследовавшей уголовное дело, возбужденное по факту аварии на Чернобыльской АЭС и наступивших последствий на территориях Брянской, Смоленской, Орловской, Курской, Калужской и Тульской областей. Так и остался я «недоучкой». После 1991 г. это уголовное дело к своему производству принял старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры Российской Федерации Борис Иванович Уваров, у которого мне посчастливилось быть начальником штаба следственной бригады.

Вот, пожалуй, и всё, что мне хотелось донести до читателя в этом небольшом рассказе.

Р.Д. Вафин

Цепь непредвиденных случайностей

В июне 1984 г. я работал в должности старшего следователя прокуратуры города Мурманска. Утром 18 июня прокурором города Новиковым Валерием Павловичем в его служебном кабинете было проведено еженедельное оперативное совещание. Вернувшись в свой кабинет, я открыл еженедельник и, просмотрев его, уточнил для себя нюансы работы, запланированной на неделю. В это время раздался телефонный звонок. Звонил прокурор Мурманской области Клочков Виктор Алексеевич. Он поздоровался со мной и пригласил к себе. Я поднялся на этаж выше в приемную прокурора области и, постучавшись, вошел в его кабинет.

Виктор Алексеевич в кабинете был не один. За приставным столом сидел первый заместитель прокурора Мурманской области Смирнов Юрий Александрович – мой бывший шеф, недавно назначенный на эту должность. Справа от прокуроров, на одном из стульев у стены сидела худенькая симпатичная девушка лет двадцати с серо-голубыми глазами и каштановыми волосами до плеч. Она была одета в цветастое платье с крупными красными цветами и ветровку. На шее у нее был повязан легкий платок.

Я поздоровался с присутствующими и присел на предложенный мне стул у приставного стола напротив Смирнова Ю.А. Виктор Алексеевич, обратившись ко мне и кивнув на девушку, сказал, что ее фамилия Краснова, она работница Мурманской городской телефонной станции, и что она пришла к нему на прием и сообщила об изнасиловании. Далее он предложил мне, если нет ничего срочного, отложить свои дела, захватить девушку с собой, получить от нее соответствующее заявление,

произвести доследственную проверку и принять по ее обращению решение в установленном законом порядке.

Затем в разговор включился Юрий Александрович. Он попросил девушку выйти и подождать меня в приемной, а после ее ухода сказал:

– Равиль Джагфарович, по заявлению Красновой в прошедшую ночь в помещении телефонной станции ее в извращенной форме изнасиловал мужчина лет 25-ти. Поскольку охрану станции осуществляет один из отделов вневедомственной охраны УВД Мурманского облисполкома, то этим мужчиной может оказаться как постороннее лицо, так и представитель вневедомственной охраны – гражданский или работник милиции. Это надо иметь в виду. В случае подтверждения заявления Красновой возбуждай уголовное дело и принимай к своему производству.

После этих рекомендаций руководители меня отпустили.

Вместе с Красновой я прошел в свой кабинет, где составил с ее слов подробный протокол-заявление о совершенном преступлении.

Краснова сообщила, что накануне вечером около 19 часов 30 минут она заступила на ночное дежурство и находилась в помещении телефонной станции одна. Около двух часов ночи в дверь помещения позвонил незнакомый ей мужчина в гражданской одежде, которого она ранее никогда не видела и, представившись работником пульта отдела вневедомственной охраны, попросил пропустить его для выполнения какой-то работы. Не проверив его документы, она впустила его в помещение, где он минут сорок занимался своими делами на первом этаже станции, на второй этаж он не поднимался. Затем он подошел к ней и, представившись Валерой, завел с ней сначала посторонний разговор, а затем стал говорить, что она ему нравится, после чего недвусмысленно предложил ей вступить с ним в половую связь. Девушка отказалась, он попытался ее уговорить. Получив очередной отказ, Валера приблизился

к ней, резко схватил за волосы и, достав небольшой нож с желтой рукояткой, угрожая им, приставил его клинок к ее шее и потребовал раздеться. Он не угрожал ей убийством, но она, испугавшись, стала расстегивать платье. В это время Валера силой нагнул ее к своему поясу, порезав ей при этом шею, и изнасиловал в извращенной форме.

После совершенного полового акта он вытер свой половой орган о ее платье. Краснова плакала. Тогда Валера, продолжая угрожать ножом, сначала требовал, а затем стал просить, чтобы она никому о происшедшем не сообщала. Затем, убрав нож, стал ее уговаривать с ним встречаться. Девушка ничего ему не отвечала, только плакала. Примерно через полчаса Валера засобирался и, уходя из помещения станции, оторвал от какой-то газеты клочок бумаги и, написав на нем номер телефона, предложил созваниваться и общаться.

После его ухода она в раковине намочила свой носовой платок, обтерла кровь на шее и увидела порез длиной примерно около полутора сантиметров. Рассказывая об этом, Краснова развязала платок на шее и показала мне рану. Дождавшись утра, пришедшим на работу сослуживцам и своей сменщице она ничего о произошедшем не рассказала, пошла домой, где приняла душ, переоделась, после чего пришла в прокуратуру области на прием к прокурору и заявила об изнасиловании.

По окончании составления протокола-заявления о преступлении Краснова добровольно выдала и приложила к нему клочок бумаги, на котором был написан номер телефона из пяти цифр, о чем я указал в документе. На мой вопрос, сможет ли она опознать Валеру, она ответила утвердительно. В конце протокола-заявления о преступлении я изложил ее просьбу: привлечь Валеру к уголовной ответственности за изнасилование, предупредил Краснову об уголовной ответственности по ст. 180 УК РСФСР (заведомо ложный донос), о чем она собственноручно указала в документе и расписалась.

После приема заявления я позвонил в Октябрьский РОВД, через дежурного вызвал оперативную группу, а пока она ехала в прокуратуру, подготовил Красновой направление в Бюро СМЭ МО на освидетельствование на предмет обнаружения у нее телесных повреждений, определении их местоположения, механизма образования и давности причинения. Вскоре на приехавшей дежурной машине с дежурным работником уголовного розыска и экспертом ЭКО УВД, а также с Красновой я выехал на место происшествия.

Приехав к зданию городской телефонной станции, сотрудника уголовного розыска я попросил найти понятых женского пола и оставил его охранять вход в помещение. Далее в присутствии понятых с экспертом ЭКО УВД и Красновой, которым я разъяснил права, предусмотренные УПК РСФСР, осмотрел место происшествия – первый этаж помещения телефонной станции. В процессе осмотра я составил схему места происшествия, эксперт ЭКО произвел фотосъемку помещения, где произошло происшествие, и туалетной комнаты с раковиной. Составив протокол, я дал его прочесть и подписать всем участникам осмотра. Затем мы завезли эксперта ЭКО в УВД, после чего на милицейской автомашине вместе с дежурным работником уголовного розыска и Красновой проехали к ней домой. Здесь я вынес постановление о производстве выемки, и потерпевшая в присутствии понятых добровольно выдала мне платье, в которое она была одета в ночь происшествия, и носовой платок, которым она вытирала рану на шее, о чем я составил протокол выемки. Затем я вернулся в прокуратуру, а Краснову на автомашине отправил к судебным медикам на освидетельствование.

Примерно через час мне позвонил заместитель Бюро СМЭ Гусев Юрий Николаевич и сообщил об обнаружении на шее у Красновой свежего пореза длиной 1,8 см, который причинен воздействием острого колюще-режущего предмета, каким мог оказаться нож. Давность образования пореза – не более суток. Других повреждений на ее теле обнаружено не было. Кроме

того, он сообщил мне, что справку об осмотре Красновой он отправил мне через водителя милицейской машины. Вскоре потерпевшая была доставлена ко мне в кабинет. Следом водитель передал мне справку. Таким образом, заявление Красновой подтвердилось, и я вынес постановление о возбуждении уголовного дела по факту ее изнасилования и принятии его к своему производству. Затем я вынес постановление о признании ее потерпевшей и подробно допросил об обстоятельствах ее изнасилования, после чего вынес еще одно постановление – о получении образцов крови Красновой для сравнительного исследования. Вызвав в прокуратуру скорую медицинскую помощь, с помощью врача в присутствии понятых я получил образцы ее крови, составил соответствующий протокол, после чего отпустил ее домой.

Теперь необходимо было найти и установить виновника этого преступления – Валеру, если он назвал Красновой свое настоящее имя. Сначала я несколько раз набрал номер телефона, указанный на клочке. Гудки следовали один за другим, но никто не отвечал. Тогда я позвонил в адресное бюро УВД МО и, назвав пароль, сменяющийся для оперативных и следственных работников данной службой каждый день, запросил у дежурной информацию по этому номеру. Через минуту-полторы мне ответили, что данный номер имеется в телефонной базе города Мурманска, но он в настоящее время никому не принадлежит. На мой дополнительный вопрос: по какому адресу этот номер зарегистрирован, мне ответили, что информация о принадлежности этого номера телефона к какому-либо адресу в базе данных отсутствует. Подумав, я решил обратиться к своему другу – старшему оперуполномоченному отдела уголовного розыска по особо важным делам УВД Мурманского облисполкома Чихачеву Александру Александровичу и попросить его установить принадлежность и адрес регистрации этого номера телефона. Дозвониться до него я смог только в конце рабочего дня, и Александр пообещал мне помочь.

Следующим утром он неожиданно пришел ко мне в кабинет и стал расспрашивать, почему я интересовался этим номером телефона. А когда я сказал, что он проходит у меня по уголовному делу, находящемуся в моем производстве, Александр Александрович сказал, что этот номер телефона действительно по базе данных еще никому не принадлежит и адрес, по которому он установлен, в базе данных еще не значится. Однако по своим каналам он установил, что этот номер телефона принадлежит вновь образованному пульта охраны Отдела вневедомственной охраны (ОВО) УВД Мурманской области и установлен в его помещении, которое находится на улице Полярные Зори. Поблагодарив товарища, я распрощался с ним, а после его ухода стал обдумывать, как и под каким предлогом попасть на пульт охраны ОВО, каким образом установить мужчину по имени Валерий и как без особого шума и ажиотажа задержать его, доставить в прокуратуру или ИВС Октябрьского РОВД и провести с ним первоначальные следственные действия. Моя осторожность и опасения насчет шума и ажиотажа в дальнейшем оправдались.

Вспомнив, что в моем сейфе находится уголовное дело об убийстве учителя балльных танцев Щербаковой, возбужденное в конце ноября 1983 г. и приостановленное за розыском подлежащих привлечению к уголовной ответственности неизвестных преступников, я достал его с целью уточнить адрес квартиры, в которой произошло убийство. Дом, в котором было совершено это преступление, и помещение пульта охраны ОВО находились друг от друга буквально в ста пятидесяти метрах. Квартира эта пустовала и была опечатана мною после осмотра места происшествия. Тогда мне пришла в голову мысль, что я могу появиться в помещении пульта ОВО под предлогом определения возможности поставить эту квартиру на охрану, в чем мне должны были помочь работники. А если тот самый Валера там действительно работал, я попросил бы его пройти со мной, чтобы произвести осмотр квартиры.

Стопроцентной уверенности, что интересующий меня Валера работает в пульте охраны ОВО, у меня не было. Но я всё же надеялся, что эта «театральная» затея поможет мне установить преступника и выманить его из помещения, не раскрывая при всех информации о происшествии, а затем уже доставить в прокуратуру или ИВС, провести с ним необходимые следственные действия и задержать его в качестве подозреваемого.

Я обратился к прокурору города Новикову В.П. и попросил разрешения воспользоваться служебной машиной, на что получил согласие. Сначала я пригласил водителя нашей прокуратуры Калюпанова В.Д. к себе в кабинет, рассказал ему о своих намерениях и попросил его отвезти меня в пульт охраны ОВО, назвав ему адрес. Далее я попросил Василия Дмитриевича из автомашины не выходить и подождать меня, пока я не вернусь к нему с мужчиной, после чего он доставит нас обоих в ИВС Октябрьского РОВД. Кроме того, я дал водителю номера рабочего и домашнего телефонов Красновой, чтобы он связался с ней и пригласил ко мне после того, как он привезет нас с Валерой в ИВС. В это же время я позвонил Красновой и предупредил ее о звонке моего коллеги, и попросил, чтобы она сразу же после этого прибыла ко мне в Октябрьский РОВД для опознания преступника и проведения с ним очной ставки.

Мы приехали на пульт охраны ОВО. Это оказалось одноэтажное здание, в помещениях которого пахло свежей краской и новой мебелью. Я показал дежурному работнику милиции в звании старшины свое удостоверение и попросил проводить меня к начальнику. Мы вдвоем прошли в кабинет руководителя пульта, это оказался мужчина лет сорока в форменной одежде в звании капитана милиции. Здесь я также представился, предъявив ему свое удостоверение. Капитан насторожился появлению следователя прокуратуры города Мурманска в его епархии. Но я постарался спокойно изложить ему придуманную мною причину своего появления. Начальник, немного успокоившись, объяснил, что данный пульт только

организуется и заработает в ближайшие дни, что поставить квартиру под охрану будет возможно через неделю-две, после чего рассказал, как это осуществляется, и сообщил перечень необходимых документов. Затем капитан вызвался сам пройти со мной и осмотреть квартиру Щербаковой, но я сказал ему, что не хочу его беспокоить и отрывать от неотложных дел, и попросил дать мне кого-нибудь из подчиненных. Капитан предложил мне пройти с ним, и мы заглянули во все кабинеты пульта охраны. Здесь, кроме кабинета начальника, имелась небольшая дежурная комната с одним спальным и одним рабочим местом, большая пультовая комната, оборудованная пультовой техникой с двумя рабочими местами, комната отдыха и приема пищи с электроплитой, диваном и большим обеденным столом, а также большая комната с четырьмя рабочими местами для специалистов пульта охраны. Здесь было множество запасных частей для телефонов и различного оборудования, а также инструментов, среди которых на одном из столов я увидел небольшой нож с желтой рукояткой и клинком длиной около десяти сантиметров.

Заходя во все комнаты, я демонстративно представлялся, называл свои фамилию, имя и отчество, здоровался со всеми присутствующими за руку и спрашивал их фамилии, имена и отчества. Капитан снова стал нервничать.

В помещениях пульта охраны оказалось целых два Валерия. Первый, инженер лет тридцати пяти, был старше обозначенного Красновой возраста, а второй, специалист по настройке телефонной аппаратуры, как раз подходил по приметам: на вид ему было как раз лет двадцать пять, он был самым молодым из всех членов коллектива. Его фамилия, Вишков, в первую же минуту показалась мне знакомой, но я никак не мог вспомнить, откуда она мне известна. Затем я обратился к начальнику пульта и попросил его дать мне одного из работников для осмотра квартиры и, показав на Вишкова, сказал:

– Ну, вот, например, этого.

Начальник согласился и попросил Вишкова сходить со мной в соседний дом. Валера поинтересовался у капитана, надо ли ему захватить инструменты.

Но я сказал:

– В этом нет необходимости, надо просто высказать свое мнение о возможности поставить эту квартиру под охрану. А конкретно установкой аппаратуры мы займемся после того, как пульт начнет свою работу.

Начальник проводил нас до выхода. Мы вместе с Вишковым подошли к прокурорской машине, и я предложил ему сесть на заднее сидение. Вишков, как мне показалось, занервничал и высказался, что дойдет до соседнего дома пешком. Тогда я, сославшись на необходимость заехать за ключами от квартиры, всё же настоял на том, чтобы он сел в машину. Мы разместились на заднем сидении, и я попросил водителя отвезти нас в Октябрьский РОВД. Вишков несколько переменялся в лице и, видимо, что-то заподозрил, но молчал. Василий Дмитриевич привез нас к зданию отдела милиции, и я предложил Вишкову пройти со мной. Водителя я попросил сделать звонки, о которых мы договорились в прокуратуре заранее, и отпустил его.

В дежурной части РОВД я обратился к дежурному отдела милиции и попросил его подобрать двух похожих на моего спутника статистов и двух понятых для проведения опознания, и привести их всех в ИВС. Затем вместе с Вишковым мы спустились в цокольное помещение здания РОВД, в следственный кабинет ИВС, где я сообщил ему настоящую причину, по которой он доставлен в милицию – он подозревается в изнасиловании гражданки Красновой, совершенном в ночь на 18 июня в помещении телефонной станции.

Вишков был в шоке. Ужас, который его охватил, был у него на лице. Далее я объяснил ему, что мне необходимо его допросить в качестве подозреваемого и попросил предъявить документ, удостоверяющий личность. Вишков дрожащими руками достал из внутреннего кармана пиджака портмоне,

в котором был паспорт на его имя. Заполнив его анкетными данными протокол допроса подозреваемого, я предложил ему рассказать сначала о себе, а затем о том, как он провел ночь на 18 июня.

Вишков немного помолчал и рассказал, что родился в 1958 г. в городе Оленегорске, там же проживал с родителями и старшей сестрой. В 1965 г. пошел в школу. Закончив 8 классов, поступил на учебу в Оленегорский электро-механический техникум. Закончил его в 1977 г. и был призван в армию. Служил телефонистом при штабе военной части в городе Апатиты Мурманской области. В 1979 г., вернувшись из армии, вместе с родителями и сестрой переехал на постоянное жительство в Мурманск, где родители получили трехкомнатную квартиру, в которой они и жили всей семьей. В конце 1979 г. он устроился электромехаником в Мурманский торговый порт, а в 1982 г. перевелся на работу в Отдел вневедомственной охраны УВД МО на должность электрика-телефониста. Поскольку он не имел юридического образования, то работал на вольнонаемной должности. В 1981 г. женился, в конце 1982 г. в семье родилась дочь. Жена и ребенок проживают вместе с ним и его родителями. В мае 1984 г. он был переведен на работу во вновь образованный пулът охраны ОВО УВД МО на ул. Полярные Зори.

Затем Вишков, отрицая совершение преступления, подробно рассказал, как он провел ту ночь и по сути почти полностью подтвердил показания Красновой. Разница была только в том, что Вишков утверждал, что вступил с Красновой в половую связь в извращенной форме по взаимному согласию, что он не угрожал ей ножом и даже оставил ей номер своего рабочего телефона. На мой вопрос, был ли Вишков ранее знаком с Красновой и чем было вызвано его ночное появление на телефонной станции, он ответил, что с Красновой ранее знаком не был, а на телефонную станцию пошел по служебной необходимости – наладить работу по нормальному функционированию соединений абонентов. Но мне показалось, что Вишков

был неискренен. Появление его на телефонной станции было не случайным. Иначе зачем в ночное время ему понадобилось туда ехать?

Во время составления протокола дежурный по ИВС по внутреннему телефону сообщил мне, что в дежурной части РОВД для меня нашли двух понятых и двух статистов для опознания. Я попросил дежурного пригласить их всех в ИВС и пока поместить в соседний кабинет. После составления протокола допроса подозреваемого Вишков прочитал его и подписал. В это время дежурный ИВС сообщил мне, что в дежурную часть по вызову явилась Краснова.

Я перевел статистов и понятых в кабинет к Вишкову, и объявил ему, что сейчас будет проведено опознание. Составляя протокол опознания личности, я вписал в бланк протокола данные понятых, а также данные и приметы статистов, и, разъяснив им их права, предусмотренные УПК РСФСР, предложил Вишкову занять любое место среди статистов. Он занял место справа от остальных. Затем я попросил дежурного привести из дежурной части РОВД ко мне в следственный кабинет Краснову, что он и сделал. Объяснив ей суть процедуры опознания и разъяснив ей ее права, предусмотренные УПК РСФСР, я предложил осмотреть присутствующих и ответить – имеется ли среди опознаваемых лицо, которое совершило в отношении нее расследуемое правонарушение. Краснова уверенно опознала Вишкова и указала, по каким именно приметам она его опознает. Далее я попросил подозреваемого встать и назвать свои анкетные данные, которые я внес в протокол. После опознания и составления протокола я попросил дежурного ИВС вывести из помещения понятых и статистов, а после их ухода провел между подозреваемым и Красновой очную ставку.

В ходе очной ставки Краснова подробно рассказала об обстоятельствах совершенного в отношении нее преступления. Подозреваемый обстоятельства подтвердил, но отрицал, что совершил с Красновой половой акт в извращенной форме без

ее согласия, а также заявил, что никаким ножом он ей не угрожал. В конце очной ставки я предложил и Красновой, и Вишкову задать друг другу вопросы, если таковые у них имеются. Вопросов друг к другу у них не оказалось, но Вишков, неожиданно, обратившись ко мне, спросил меня:

– Могу ли я попросить у нее прощения?

Я ответил:

– Если у вас такое желание имеется, я не возражаю и даже могу официально ваши извинения внести в протокол очной ставки.

Вишков согласился, и я дословно вписал в протокол его слова: «Простите меня, пожалуйста, за ту ночь и за то, что я сделал!» На его извинения Краснова не ответила.

Проводив Краснову из ИВС, в следственном кабинете я составил протокол задержания Вишкова в качестве подозреваемого и привел его в дежурную часть ИВС. Поскольку ранее я не раз задерживал подозреваемых, все дежурные по ИВС меня хорошо знали. Дежурный, кивнув на Вишкова, спросил меня:

– Будете задерживать, Равиль Джагфарович?

Я ответил утвердительно и передал ему составленный мною протокол задержания подозреваемого.

Переведя свой взгляд на протокол задержания подозреваемого, дежурный начал читать фамилию Вишко-о-о-о..., но не дочитал ее и испуганно-вопросительно посмотрел на меня. И в этот момент я вспомнил, откуда мне была знакома эта фамилия – ее носил заместитель начальника УВД Мурманского облисполкома и одновременно начальник его информационного центра. Судя по отчеству Валерия, это был его отец.

Тогда я сказал дежурному:

– Да, Вишков.

Дежурный сверил анкетные данные подозреваемого, указанные в протоколе, после чего Вишков его подписал, а я попросил дежурного созвониться с дежурным по РОВД и пригласить в ИВС понятых. После их появления я составил протокол

личного обыска Вишкова. В процессе обыска у Вишкова был обнаружен портмоне с 14 рублями и мелочью, паспорт на его имя, ключи от квартиры, а во внутреннем кармане пиджака был обнаружен центральный двойной лист от иностранного журнала с изображением обнимающихся обнаженных мужчины и женщины, левый верхний уголок которого был оторван. Я сразу же подумал, что именно на этом оторванном уголке Валерий написал Красновой номер своего телефона. Всё перечисленное было внесено в протокол личного обыска и изъято. Далее Вишков был помещен в камеру для задержанных ИВС. Прощаясь с дежурным ИВС, я предупредил его, что информация о задержании Вишкова не подлежит разглашению и распространению, чтобы он ее держал ото всех в секрете. В то же время я понимал, что уже на следующее утро информация о всех задержанных лицах в городе по подозрению в совершении преступлений дойдет до информационного центра и руководства УВД области. Поэтому надо было ускориться, работать быстро и, занимаясь поиском дополнительных доказательств, собрать все возможные предметы и документы, имеющие значение для дела.

Выйдя из ИВС, я прошел к дежурному по РОВД, попросил его дать мне машину и отвезти меня на пульт охраны ОВО. Здесь же я от руки на бланке составил постановление о производстве выемки колюще-режущих предметов, принадлежащих Вишкову, с его рабочего места в пульте охраны. Приехав на место, у здания пульта ОВО, я остановил двух прохожих и привлек их к участию в следственном действии. Вместе с ними я прошел в помещение специалистов пульта ОВО и попросил одного из работников пригласить начальника. Когда капитан явился, я объявил ему постановление о производстве выемки с рабочего места Вишкова колюще-режущих предметов. Возмущаясь, он стал требовательно выяснять у меня в присутствии других подчиненных, где Валерий. Я понимал, что если скажу о задержании Вишкова-сына в качестве подозреваемого

по уголовному делу, всё сразу станет известно Вишкову-отцу, а что тот может предпринять, будучи одним из руководителей УВД, мне было неизвестно. Поэтому я неопределенно ответил, что Вишков занят. По внешнему виду начальника я понял, что он мне не поверил, и я настоятельно предложил ему добровольно выдать мне колюще-режущие предметы, принадлежащие Вишкову. Капитан с раздражением и возмущением на повышенных тонах заявил:

– Что вы себе позволяете, кто вам дал право распоряжаться в помещении ОВО? Это подразделение УВД МО. Мне мое руководство не давало никаких указаний о допуске вас в помещение пульта охраны ОВО, да еще и для проведения какой-то выемки!

Выслушав его возмущения, я как можно спокойнее осадил его и ответил:

– Я вам представлялся ранее, но сейчас представляюсь вторично: я являюсь старшим следователем прокуратуры города Мурманска, – в этот момент я снова предъявил ему свое удостоверение и продолжил, – мои права и обязанности определены Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР, который и дает мне право и определяет обязанность по уголовному делу, не называя по какому именно, находящемуся в моем производстве, находится в настоящее время по служебной необходимости в вашем помещении и провести неотложное следственное действие для выяснения необходимых обстоятельств, имеющих значение по делу. Мои действия строго очерчены нормами УПК РСФСР, а в случае вашего препятствия, я буду расценивать это как осуществление противодействия законной деятельности следователя и правосудию.

Далее, не делая пауз, я объявил понятым и присутствующему начальнику пульта охраны их права, предусмотренные УПК РСФСР, и попросил последнего указать рабочее место Вишкова, предъявить и передать мне все принадлежащие ему колюще-режущие предметы, а именно ножи. Продолжая возмущаться,

капитан милиции показал мне рабочее место Вишкова, после чего показал на столе и в его выдвижных ящиках 4 разноммерных ножа, в том числе и небольшой нож с рукояткой из пластмассы желтого цвета, и хотел взять их в руки и передать мне. При этом начальник пульта охраны сказал, что все они принадлежат Вишкову. Но я остановил его и сначала подробно записал заявление капитана милиции в протокол, описал в нем каждый нож и изъял их, упаковав в плотный конверт, на котором сделал соответствующие надписи об изъятых мною ножах. Составив протокол выемки, я попросил всех участников следственного действия подписать его, а также подписать упакованный конверт с ножами. Затем я вместе с понятыми покинул помещение пульта охраны ОВО, распрощался с ними и вернулся на работу.

В конце рабочего дня я созвонился с потерпевшей и пригласил ее еще раз прийти в прокуратуру. Здесь в присутствии понятых я предъявил Красновой для опознания порядка 8-10 разноммерных ножей, в числе которых были и ножи, изъятые мною в ходе выемки на рабочем месте Вишкова. Потерпевшая сразу узнала и опознала нож, которым ей угрожал Вишков во время совершения преступления, и пояснила, по каким именно признакам она его опознала, о чем был составлен соответствующий протокол. Таким образом, мною в течение двух дней были выполнены все первоначальные следственные действия и добыты основные доказательства совершения Вишковым этого преступления.

Уже после окончания рабочего дня, перед уходом прокурора города Новикова В.П. с работы, я согласовал с ним время доставки Вишкова в прокуратуру для санкционирования ареста подозреваемого. Сейчас я уже не помню, называл ли я Валерию Павловичу фамилию Вишкова или нет, возможно, называл, но тогда в конце дня ни он, ни я на фамилии подозреваемого внимания не акцентировали, а может, в тот момент прокурор, занимаясь своими делами, не обратил на это внимания. Он ни

о чем меня не расспрашивал и, написав в перекидном календаре под завтрашним числом: «10-00. Арест», попросил с утра занести ему материалы уголовного дела.

Вернувшись в свой кабинет, я сформировал уголовное дело Вишкова. Вынес постановление об избрании ему меры пресечения в виде заключения под стражу, составил план расследования преступления, подготовил все необходимые запросы на потерпевшую и обвиняемого: в мурманские областные диспансеры ПНД, НД и КВД на предмет того, не состояли ли они там на учете, по месту их жительства и работы об истребовании характеристик и в информационные центры МВД СССР и УВД МО о наличии или отсутствии судимости.

Кроме того, я вынес постановления о назначении по уголовному делу всех возможных экспертиз: криминалистической – на предмет, не являются ли ножи, принадлежащие Вишкову и изъятые в пульте охраны, холодным оружием; биологической – на наличие на платье потерпевшей, носовом платке и ноже с желтой рукояткой соответственно биологических следов спермы и крови, их принадлежности подозреваемому и потерпевшей; судебно-медицинской по обнаруженному у Красновой телесному повреждению – на предмет определения механизма его происхождения, давности и степени тяжести, а также возможного причинения его ножом с желтой рукояткой, судебной экспертизы порнографических материалов на предмет, содержит ли центральный лист журнала, изъятый при личном обыске у Вишкова, изображение откровенно сексуального содержания и является ли оно порнографическим; а также судебно-трасологической (на установление целого по частям) на предмет установления, не составляли ли ранее два объекта – центральный лист иностранного журнала и клочок бумаги, на котором Вишковым был написан телефон – одним целым. Кроме того, я подготовил отдельное поручение на имя дежурного Октябрьского РОВД с требованием отвезти подозреваемого Вишкова в наркологическое учреждение на опре-

деление его алкогольного опьянения и получения у него образцов крови для сравнительного исследования. Последним документом было письмо в Октябрьский РОВД о доставлении Вишкова на следующий день к прокурору города для ареста, которое я вместе с отдельным поручением отнес в дежурную часть РОВД тем же вечером.

Следующим утром я занес все материалы уголовного дела прокурору города. В 10 утра Вишков конвоем был доставлен в прокуратуру, и я вошел в кабинет Новикова В.П., чтобы предупредить его. Валерий Павлович, видимо, ознакомившись с материалами, неожиданно спросил – откуда у меня это уголовное дело. Я ответил, что заниматься этим преступлением мне поручил прокурор области Ключков В.А., я надеялся, что он согласовал этот вопрос с ним. Ничего больше не сказав, он попросил меня пригласить конвой с Вишковым в кабинет. Как только Вишков был заведен в кабинет, оттуда послышались рыдания. Вишков плакал, и, неожиданно для меня обратившись к прокурору города по имени отчеству, попросил отпустить его домой.

В тот же момент заговорил и прокурор:

– Валера, что же ты натворил? Ведь мы друзья с твоим отцом. Тебя же не раз в моем присутствии отец просил, чтобы ты не подвел его. Как же ты мог? Что же ты наделал?

Вот это номер, подумал я. Ничего себе... Кто же мог предположить, что все мы: я, Вишков и прокурор попадем в такую непредвиденную неординарную ситуацию...

Я осторожно обратился к Новикову В.П., извинился и сказал, что я не знал о дружеских отношениях прокурора с отцом Вишкова, и спросил его, не стоит ли мне с арестом пойти в прокуратуру области.

Валерий Павлович ответил коротко:

– Не надо, Равиль Джагфарович.

В этот момент Вишков, плача, снова стал просить Новикова В.П., чтобы он его отпустил домой.

Но Валерий Павлович спокойно и строго сказал:

– Валерий, следователь поставил передо мной вопрос о твоём аресте. Я не могу тебя отпустить. Этого требует закон!

После чего подписал постановление и санкционировал его арест. Поставив печать прокуратуры на все экземпляры постановления, прокурор один из них вложил в материалы дела, второй оставил себе, а третий передал конвойным. Плачущего Вишкова вывели из кабинета прокурора и отвезли в СИЗО.

Честно говоря, вся эта ситуация меня обескуражила, но в то же время я отметил порядочность и профессионализм Новикова В.П., который переступил через себя, свои дружеские отношения с отцом подозреваемого и всё же санкционировал арест его сына.

В этот день я получил из Октябрьского РОВД сообщение об исполнении своего отдельного поручения с приложением акта освидетельствования Вишкова на предмет определения состояния опьянения (он оказался трезв) и пробирки с образцом его крови. Во второй половине дня я развез все постановления о назначении экспертиз с объектами и образцами для исследования по экспертным учреждениям города Мурманска.

Следующим утром ко мне в кабинет буквально ворвался отец Вишкова. Оказывается, он два дня отсутствовал на работе, проходил медкомиссию. Узнав о совершенном сыном преступлении, сразу примчался в прокуратуру. Не здороваясь со мной, он потребовал, чтобы я дал ему ознакомиться с уголовным делом. Я отказался дать ему уголовное дело для ознакомления, поскольку это не было предусмотрено УПК РСФСР. Тогда он сказал, что всё равно ознакомится с делом, так как потребует этого от прокурора города. Понимая весь ужас состояния отца, которого «подвел под монастырь» собственный сын, я не стал ему ничего объяснять, и он, не прощаясь, удалился. Позже я узнал, что он был у Новикова В.П., который тоже ему отказал в ознакомлении с материалами уголовного дела, и тогда он зашел к прокурору области Клочкову В.А. Минут через двад-

цать после ухода Вишкова-отца из моего кабинета по телефону меня пригласил к себе Виктор Алексеевич с делом Вишкова-сына. Когда я вошел в кабинет прокурора области, у него уже сидели зампрокурора области Смирнов Ю.А. и Вишков-отец. Я передал уголовное дело Клочкову В.А., который попросил меня присесть, а сам пролистал материалы. Вскоре он вернул мне уголовное дело, и я вернулся в свой кабинет. Примерно через 40 минут ко мне в кабинет снова зашел Вишков-отец и потребовал, чтобы я дал ему свидание с сыном. Я отказал – не потому что не хотел, а потому что в те времена свидания подозреваемым и обвиняемым с родственниками давались редко и только в крайних случаях. Тогда он с какой-то обидой и злостью сказал мне, что он встретится с сыном самостоятельно в ИВС и без моего разрешения. Тогда я уведомил его, что его сын уже не в ИВС, а в следственном изоляторе. Видимо, до меня этого ему никто не сообщил, и он как-то весь сник, сел на стул, закрыл лицо руками и через минуты три, ничего не говоря и не прощаясь, снова покинул мой кабинет.

У меня не было никакой злости к отцу Вишкова, я даже ему в какой-то мере сочувствовал. Забегая чутьчку вперед, хочу отметить, что примерно через месяц от одного из работников оперативной части СИЗО мне стало известно, что замначальника УВД Вишков всё же встретился в тот день с сыном. Мне рассказали, что разговор между ними был долгим, нервным, на повышенных тонах, но расстались они мирно. Обвиняемый после ухода отца долго и сильно плакал в следственном кабинете в присутствии контролера и просил не уводить его в камеру, пока он не успокоится.

В течение десяти дней с даты задержания Вишкова я вынес постановление о привлечении его в качестве обвиняемого, поехал в СИЗО и предъявил ему предварительное обвинение по части 1 ст. 117 УК РСФСР (изнасилование, то есть половое сношение с применением физического насилия и угроз). Вишков признал себя виновным полностью. После допроса я ознако-

мил его со всеми постановлениями о назначении экспертиз, никаких заявлений и ходатайств он не сделал.

Примерно через десять дней после предъявленного мною обвинения Вишкову я встретился со своим другом Чихачевым А.А. Александр Александрович рассказал, что он догадался, почему я обращался к нему с просьбой установить телефон, принадлежащий пульта охраны ОВО УВД МО. Он также сообщил мне, что замначальник УВД Вишков был освобожден от занимаемой должности и выведен за штат УВД, на работу не выходит. На что я ответил, что никаких представлений во время расследования этого уголовного дела в отношении Вишкова-сына в УВД я не отправлял и, видимо, УВД само инициировало освобождение Вишкова-отца от занимаемой должности.

Позже по уголовному делу я допрашивал родителей и жену обвиняемого Вишкова по характеристике его личности. Все они пытались охарактеризовать его странным человеком, имеющим психические отклонения, которые выражались в его вспыльчивости, а также в частых сменах обстановки и перестановках мебели в квартире. По делу я собрал весь характеризующий Вишкова материал. Он был не судим, положительно характеризовался на работе и по месту жительства, на учетах в МОНД, МОПНД и МОКВД не состоял. Назначенная мною амбулаторная судебно-психиатрическая экспертиза признала его вменяемым. Потерпевшая также была не судима, характеризовалась по делу исключительно положительно и также на учетах в диспансерах не значилась.

В дальнейшем с расследованием данного преступления проблем у меня не было. Я своевременно получил все заключения экспертов по назначенным мною экспертизам. Согласно заключению биологической экспертизы, на ноже с желтой рукояткой, принадлежащем Вишкову, и на носовом платке Красновой была обнаружена кровь потерпевшей, а на передней левой верхней части платья потерпевшей обнаружены пятна спермы, которые могли произойти от Вишкова. Заклю-

чением криминалистической экспертизы было установлено, что ножи, принадлежащие Вишкову, изъятые у него на работе, не являются холодным оружием. Из заключения судебных медиков следовало, что обнаруженная на шее потерпевшей рана относится к легким телесным повреждениям, не повлекшим расстройства здоровья, и что она могла быть причинена в ночь на 18 июня 1984 г. колюще-режущим орудием, каким мог быть клинок ножа с желтой рукояткой, обнаруженный и изъятый на рабочем месте Вишкова. Согласно выводам судебно-трасологической экспертизы, представленные на исследование две части объекта: центральный лист иностранного журнала и клочок листа, на котором был написан номер телефона из пяти цифр, ранее были одним целым. По заключению судебной экспертизы порноматериалов, изображение из журнала, изъятое у Вишкова, имело сексуальное эротическое содержание, но не являлось порнографическим.

В процессе предварительного следствия я предъявил потерпевшей все постановления о назначении экспертиз и их заключения. Никаких заявлений и ходатайств от нее не поступило. Ознакомил я с заключением психиатрической экспертизы и обвиняемого Вишкова. От него также не поступило никаких ходатайств и заявлений. В первой половине августа я вынес новое, уточненное, постановление о привлечении Вишкова к уголовной ответственности и перепредъявил ему обвинение в окончательной редакции. Вишков виновным себя признал полностью.

По сути, расследование этого преступления было окончено. Я вынес постановления об окончании предварительного следствия, предъявил их потерпевшей и обвиняемому, составил соответствующие протоколы и ознакомил их со всеми материалами подшитого уголовного дела. Ни от потерпевшей, ни от обвиняемого с его адвокатом никаких заявлений и ходатайств о дополнении предварительного следствия не поступило. Лишь потерпевшая во время ознакомления с де-

лом, увидев в протоколе допроса отца Вишкова его должность, спросила меня, что теперь будет с отцом обвиняемого. Я ответил, что в нашей стране сын за действия отца не несет никакой ответственности, как и отец за действия сына.

Закончив расследование, я составил обвинительное заключение и вместе с уголовным делом передал его на утверждение прокурору города Новикову В.П. После утверждения обвинительного заключения уголовное дело было направлено на рассмотрение в Октябрьский районный суд г. Мурманска. В сентябре приговором суда Вишков был осужден к пяти годам лишения свободы.

Позже я узнал, что полковник Вишков был переведен из УВД Мурманского облисполкома для дальнейшего прохождения службы в один из районных отделов внутренних дел области и назначен на должность начальника дежурной части, где и работал до выхода на пенсию.

Так закончилось это уголовное дело с цепью непредвиденных случайностей, как для меня, так и для прокурора города Мурманска Новикова В.П., а также и для семьи Вишковых.

А.А. Киселёв

В городе Кизеле

Весной 1989 года меня, старшего следователя прокуратуры Пермской области, командировали в город Кизел доследовать старое дело об убийстве.

Суть дела была такова. В г. Чайковский в интернате для несовершеннолетних проживал некто Коля Ч., сын неизвестных пьяных родителей. В шестнадцать лет Коле захотелось романтики и славы, и он сбежал из интерната. Особо не утруждаясь в каких-либо трудовых подвигах и других добрых делах, он просто стал поджигать колхозные сараи и стога сена. Год его разыскивали, наконец, отловили, провели судебно-психиатрическое обследование, установили, что он болен шизофренией, и по решению суда направили в областную клиническую психиатрическую больницу на лечение. В больнице его до 19-ти летнего возраста лечили, а затем, решив, что достаточно уже его содержать за казенный счет, установили у него ремиссию (улучшение состояния здоровья), выдали ему паспорт и 25 рублей, и отпустили на все четыре стороны.

Коля, не заморачиваясь особо, приехал на железнодорожный вокзал Пермь-2 и, взяв билет на первый попавшийся поезд, отправился в г. Кизел, где поселился на вокзале. Но прожил он там недолго, всего пару дней, пока его не заметила добродушная старушка. Вид у Коли был такой: 160 см ростом, худой, одет скромно, лицо приветливое, вылитый «Иисусик». А у этой старушки был свой дом, где надо носить воду, колоть дрова зимой, весной и летом копать огород, в общем, ей нужен был квартирант и по совместительству помощник по хозяйству. Она пригласила Колю пожить у нее, никак не предполагая, что привела к себе в дом свою смерть.

Так Коля стал жить у старушки и помогать ей по дому, более того, он устроился на работу во вневедомственную охрану – ночным сторожем в магазине. Ему выдали форменный бушлат и шапку с кокардой, чем он очень гордился. Еще бы, такой одежды у него раньше никогда не было!

В один злополучный день в Кизеле он случайно встретил двух братьев З., с которыми лечился в психиатрической больнице. Друзья это дело отметили, обмыли и стали периодически встречаться для распития алкоголя. А надо сказать, что в то время в Кизеле, как и по всей стране, начались перебои со спиртными напитками. Трудно пришлось местным алкоголикам и всем остальным иже с ними, в том числе и Коле. Как-то раз, придя с очередного обмывания домой к старушке с глубокого «бодуна», он попросил отдать ему флакончик тройного одеколona, которым хозяйка натирала себе ноги. Та отказалась и вскоре легла спать.

Самый опасный зверь в нашем социальном мире – это «алкогольная жаба». Если она загорится, то потушить ее практически невозможно, ежели не залить ее алкоголем. Коле для этого алкоголь надо было еще добыть. Не мудрствуя лукаво, он взял топор и ударил спящую бабушку лезвием несколько раз по голове, чтобы забрать у нее желанный одеколон. Выпив содержание флакона, он, хоть и был слабоумным (впоследствии заключением судебно-психиатрической экспертизы была признана его невменяемость и психическое нездоровье), догадался, что следы преступления надо уничтожить. С этой целью он затопил печь, поставил на нее чан с водой, потом вымыл всю избу, стены и потолок, а также сжег окровавленные постельные принадлежности. Остался труп старушки. Коля принес со двора чурбак, на котором тем же топором расчленил тело, и покидал руки, ноги и голову в расположенный на улице туалет. Однако туловище не проходило в отверстие выгребной ямы. Тогда он срезал с него ягодицы, но оно всё равно не входил в отверстие. Тут до него дошло, что доски можно оторвать топором, что он

и сделал, затем сбросил туловище в выгребную яму и заколотил доски на прежнее место.

Вернувшись в дом, Коля сжег в печи топор, и задумался, куда же девать срезанные ягодицы. И вот что придумал – положил их в чугунок, накрошил туда картошки, лука, посолил и поставил вариться в печь. На другой день к нему пришли братья З. со спиртным парфюмерным настоем, который они дружно выпили, закусив картошкой с мясом из этого самого чугунка. Красота, да и только.

С тех пор Коля стал проживать в доме один.

В Кизеле у старушки жил сын, который, как-то придя в дом, спросил у Коли, где его мать. Тот не задумываясь ответил, что она уехала в Пермь, где у старушки жила дочь. Сын позвонил сестре и узнал, что мать к ней не приезжала. Тогда сын обратился в милицию. Сотрудники милиции приехали в дом, осмотрели его, ничего не нашли, но на всякий случай спросили у Коли, где бабушка. Тот ответил, что не знает. После этого сын ему сказал, чтоб он съехал. Коля согласился и ушел на работу в ночную смену, охранять магазин.

Вернувшись под утро, он поджег дом. Сгорело всё.

Колю вновь вызвали в милицию и спросили, не он ли совершил поджог (к этому времени о нем уже навели справки). Коля сказал, что да, он. Тогда его спросили, а не он ли убил бабушку. Коля сказал, что да, он, и показал, где находятся останки. После этого его арестовали.

Дело расследовал следователь по особо важным делам Александр К. Он его окончил и направил в суд. Коля, хоть и дурак дураком, но, посидев в следственном изоляторе и послушав бывалых сокамерников, в суде взял, да и заявил, что он старушку не убивал, и что это сделали его друзья, братья З. Суд вернул дело на дополнительное расследование, и его передали мне.

Приехав в Кизел, я повторно провел расследование и доказал, что старушку убил именно Коля. Допрошенные соседи показали, что в день убийства поздно вечером Коля носил в дом

воду, после этого дня соседи старушку не видели. Сын показал, что топор в доме был один и находился в таком месте, о котором мог знать только человек, проживавший в доме. И наконец, у братьев З. на день убийства было железное алиби. При повторном рассмотрении суд согласился с моими доказательствами и направил Колю в психиатрическую больницу закрытого типа.

* * *

Только я это дело закончил и направил в суд, в Кизеле произошло очень серьезное происшествие. Группа заключенных, приехав с этапа в Кизеловский следственный изолятор, захватила заложников из числа контролеров СИЗО и обслуживающего персонала. При этом они забаррикадировались, завладели ключами от всего второго этажа и выдвинули следующие требования: предоставить им 120 000 рублей наличными деньгами, 12 автоматов, 12 цинков патронов, автобус и свободный выезд за пределы города.

В связи с этими событиями, которые происходили происходили с 19 по 21 мая 1989 г., была создана следственно-оперативная группа, и поскольку тогда я находился в Кизеле, меня сразу в нее включили.

Всего в «мятежном» этапе было 15 человек. В основном это были молодые парни, которых везли с разных колоний за совершенные во время отбывания наказания преступления, в числе их преступлений были в основном покушения на побег и неповиновение сотрудникам администрации исправительных учреждений. Трех заключенных преклонного возраста везли для проведения следственных действий и получения направления в тюремный госпиталь.

Надо сказать, что 1989 год в СССР был временем «успешной» перестройки, гласности, демократизации общества, когда всё, что не запрещено законом, было разрешено. Тогда по

стране прошло немало захватов в следственных изоляторах и помещениях, в лагерях. Среди членов группы, которая совершила захват в Кизеловском следственном изоляторе, ходила легенда о том, что где-то, кто-то таким образом вышел с оружием и деньгами на свободу. Такой факт действительно имел место – двое заключенных в одной из областей таким образом вышли на свободу и сумели на время скрыться от сотрудников розыска. Но доехали они только до первой «блат-хаты». Там их встретили, напоили, накормили, спать уложили, а ночью зарезали, потому что такие проблемные «герои» никому не нужны даже в преступном мире. «По понятиям» преступного мира, чтобы «разморозить» зону или СИЗО (устроить беспорядки в исправительном учреждении), нужны серьезные основания, когда заключенные пытаются сделать какое-либо послабление к отбыванию наказания. Это всё согласовывается на «сходняке» (совете криминальных «авторитетов»), поскольку при проведении таких мероприятий может пострадать много других заключенных, как физически, так и юридически, и только после полученного одобрения «сходняка» фаза дестабилизации вступает в силу. То же касалось и захвата учреждения с персоналом в заложники.

В нашем случае произошло всё иначе. Пришел этап (доставлена группа заключенных в следственный изолятор), лица были из разных колоний с разными сроками отбывания, с разными режимами содержания, с разными статьями совершенных вновь преступлений. При приеме в следственный изолятор администрации необходимо было их всех сразу рассортировать и разместить по камерам. Но этого сделано не было, и осужденные более двух суток находились все вместе. В свете «демократических преобразований» в стране у них родилась идея захвата заложников с целью получения автоматов и денег. Они подготовились – из осколков стекла выбитого в камере окна изготовили колюще-режущие орудия, составили и обсудили план действий и распределили роли. Дальше, когда

всю группу из бани заводили в камеру, произошел захват двух контролеров, а затем пришедших «баландеров» (разносчиков пищи из числа осужденных, отбывающих наказание в этом СИЗО). Затем злоумышленникам удалось захватить второй этаж и забаррикадировать выходные решетки.

Идея, надо сказать, была понятна: выйти на свободу с гордо поднятой головой, при деньгах и оружии. Романтика, да и только! Но дальше операция превратилась в фарс. Первым делом захватчики разгромили медицинскую часть изолятора, набрали там спирта и различных психотропных таблеток, всё это выпили и съели. Что еще нужно бедному сидельцу?! Правильно, женщину! Имея ключи от камер второго этажа, они выпустили молодых заключенных и подследственных дам, разбрелись с ними по камерам и... забыли про захват. Они открыли двери мужских камер и запустили туда женщин – и те, и другие были не против «пообщаться поближе». Одна из женщин, как выяснилось впоследствии, оказалась больна гонореей и сразу несколько любителей бесплатного секса в СИЗО заразились венерическим заболеванием. Вот так и было.

Правда, были среди захватчиков идейные организаторы, которые пытались навести порядок в этой вакханалии. Но их дружно послали по известному адресу.

Затем «руководители восстания» стали предлагать мужчинам, сидевшим в камерах, присоединиться к захвату. Но отовсюду слышали один и тот же нецензурный ответ: «Пошли вы на... Нам своего срока хватит!» Пришлось все камеры резко закрыть, чтоб не поиметь неприятностей от заключенных.

В это время из Москвы в Кизел выехала группа спецназа. На третью ночь спецназовцы штурмом взяли СИЗО, что заняло у них две минуты. Во время штурма пострадал один контролер, которому захватчики воткнули в грудь заточку, и один «баландер» – его ударили по голове металлическим прутом. К счастью, оба остались живы.

Дальше началась следственная работа. Кроме 15 захватчиков, в СИЗО было еще 2 500 человек, которые так или иначе являлись свидетелями происшедшего. Что характерно, на допросах многие заключенные выражали просьбу отдать им этих захватчиков, чтобы они их просто убили, поскольку в СИЗО во время захвата, кроме того, что в камерах было холодно, питание и медицинское обслуживание не производилось, свидания с родственниками и адвокатами не проводились, в баню на помывку подследственных не водили.

В тот год погода в начале мая стояла теплая и отопление в изоляторе отключили. А потом резко похолодало, во время захвата и вовсе ударили заморозки. Поэтому после того, как во время штурма спецназовцы взорвали забаррикадированные решетки и в камерах от взрыва вылетели стекла, температура в помещениях не сильно отличалась от уличной. Ставить новые стекла никто не спешил, да и негде было их быстро взять в таком количестве.

После освобождения в СИЗО прошел капитальный «шмон» (обыск в камерах), у заключенных было изъято много всяких запрещенных предметов, на которые до этого смотрели сквозь пальцы (заточки, наркотики, карты, деньги и прочее «имущество»).

К тому же, захватчики, когда громили медчасть изолятора, уничтожили многие медицинские карты заключенных. Бедный зек, всю жизнь сидит, здоровья нет, одна радость – по какой-либо болезни попасть на «больничку» или, если сильно повезет, даже освободиться по состоянию здоровья. А теперь медицинских карт нет, и неизвестно, когда их восстановят, если это вообще возможно. Поэтому многим больным светило отправиться на общих основаниях на лесоповал.

Перед штурмом из исправительной колонии особого режима № 13, расположенной в г. Губахи, на переговоры привозили двух криминальных «авторитетов», которые ясно сказали захватчикам, что ни о каких автоматах и свободном выезде речи быть не

может и им лучше сдаться. Но захватчики, напившись спирта, наглотавшись таблеток, переспав с молодыми женщинами, послали «авторитетов» далеко лесом... Те, вернувшись в родную 13-ю колонию, провели «сходняк» и всех захватчиков вычислили – все они были из мест лишения свободы Пермской области и это было не трудно. На «сходняке» постановили: всем захватчикам, после их поступления в колонию, провести «разбор полетов» и объявить приговор к исключительной мере тюремного наказания – «опущение» и смерть. У читателя может возникнуть вопрос, откуда у меня вся эта информация? Скажу сразу – где-то из материалов дела, где-то от самих заключенных.

Возникали в ходе расследования и оригинальные ситуации. Во время захвата к группе мятежников присоединилась некая Верка С., женщина 45 лет, 6 судимостей, воровка, особо опасная рецидивистка. Она контролеров в плен не захватывала, находилась в другой камере, но зато принимала участие в разгроме медчасти. Когда я ее допрашивал, то спросил, что ее подвигло присоединиться к захватчикам. Она мне сказала так: «Не поверите, я всю жизнь сижу, на свободе между ходками бывала не более месяца. Мне очень хотелось, чтоб кто-либо из захватчиков вступил со мной в половую связь. Ну, не было у меня мужа очень долго. А они разобрали сявок-малолеток и на меня никто не посмотрел». Женщина страшно на них обиделась. Эти ее слова я, естественно, в протокол заносить не стал. Однако в ходе следствия она дала объективные показания о роли каждого из захватчиков, так как всё это время находилась с ними.

Группу судил Пермской областной суд и всем определил максимальную меру наказания – 15 лет лишения свободы. Я присутствовал при вынесении приговора. Надо сказать, что следственный изолятор не являлся в тот период местом заключения, и поэтому возник нонсенс, поскольку захватчикам вменялась дезорганизация работы исправительно-трудового учреждения. Перед началом рассмотрения дела судья Пермского областного суда Василий Яковлевич Садовенко, осознавая

значимость этого процесса, взяв на себя ответственность и вынес определение, согласно которому он признал следственный изолятор местом лишения свободы, мотивируя это тем, что в СИЗО также отбывают наказание заключенные-«баландеры» и прочие лица из числа хозяйственного обслуживания, а также и то, что режим пребывания в следственном изоляторе приравнивается к тюремному режиму. Забегая вперед скажу, что через полгода я прочитал постановление Пленума Верховного Суда РСФСР, где мотивация определения судьи Пермского областного суда по статусу СИЗО полностью легла в основу данного разъяснения, приобретая при этом силу закона.

После приговора все захватчики написали ходатайства о направлении их для отбывания наказания за пределы Пермской области. Но, думаю, это вряд ли их спасло, поскольку нарушение «понятий» в криминальном мире считается особо опасным проступком, и возмездие настигает нарушителей повсюду, как в местах лишения свободы, так и на воле.

«Башня смерти»

В конце зимы 1989 г., по возвращении из очередной командировки в Пермь, я направился в следственный отдел, который находился в отдельном здании. Там я встретился со многими следователями, которых знал лично и работал с ними еще когда начинал трудиться в отделе криминалистики. И так получилось, что я оказался в одном кабинете с Валерием Александровичем Лариным, с которым был хорошо знаком и успел до этого поработать по трем громким делам. Мы с ним сразу выехали в г. Краснокамск для расследования нераскрытого преступления: в лесу соседнего Нытвенского района был обнаружен обгоревший труп.

Согласно типовым версиям Видонова⁸ лицо, совершившее преступление, должно было проживать на расстоянии не более 30 километров от места обнаружения трупа. Так оно в дальнейшем и оказалось. А выяснилось всё следующим образом.

Господин Случай всегда не к месту вмешивается в темные криминальные дела. Так вот, той самой ночью гражданин Е., житель поселка Уральский, поехал на работу в сторону Краснокамского свиного комплекса. И, проезжая по зимней лесной дороге на мотоцикле, увидел, что из чащи выехал автомобиль, номер которого он запомнил. А гражданин Е. был еще и охотник, и в той чаще часто охотился на всякую живность. Ему стало интересно, кто это покушается на его делянку. Он остановил мотоцикл и пешком прошел по следам автомобиля, затем по следам обуви, и увидел пламя. Подойдя, разглядел горящий труп, потушил огонь и поехал на работу, откуда сообщил в милицию о своей находке в лесу.

8. Имеется в виду научная работа известного ученого-криминалиста Л.Г. Видонова «Типовые следственно-первоначального этапа следствия по делам об умышленных убийствах и методика выдвижения версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев».

На второй день по номеру автомобиля был вычислен некто Александр Ш. Личность это была весьма живописная – у него не было обеих ног выше колена, зато были две судимости за тяжкие преступления в молодости. Оказалось, что у себя на квартире он содержал катран – место сбора криминальных элементов для игры в карты, другими словами, притон.

По подозрению в совершении убийства Александр Ш. был задержан, вместе с ним были задержаны два его товарища, находившиеся на его квартире. Тоже не герои социалистического труда, с тремя судимостями каждый.

Надо сказать, что все трое ни в чем не сознавались, прямых доказательств того, что именно они совершили убийство, не было. Позиция их была простая: да, в день накануне обнаружения обгоревшего трупа они находились все вместе в квартире Александра Ш. и играли в карты с неким Стёпой, который выиграл 35 000 рублей и ушел. А куда и с кем, это им не ведомо.

Как уже можно было догадаться, погибшим оказался именно этот Стёпа, которого быстро вычислили. Он был карточным шулером, имел две судимости и отбыл два небольших срока лишения свободы за мошенничество.

В его деле имелась последняя справка-характеристика, весьма наглядный документ. Из нее следовало, что из двух лет отбывания срока наказания Стёпа полтора года провел в карцерах и штрафных изоляторах. Вся справка была исписана нарушениями режима: «играл в карты, играл в карты, играл в карты...», то есть он постоянно оттачивал навыки. Освободившись, Стёпа на путь исправления не встал и подался в большой город Пермь «на заработки», чтобы применить свое мастерство на катране, где играли в карты на большие суммы. Но поймать удачу за хвост ему не удалось и его там сразу же «обули» на 70 000 рублей. Деньги по тем временам очень большие – на катране тоже были мастера своего дела.

Карточный долг «по понятиям» – это долг чести, и его надо возвращать. Поэтому Стёпа поехал домой в Краснокамск, зная о том, что там тоже есть катраны. Так он оказался на квартире Александра Ш., где и обыграл хозяина на 35 000 рублей. В ходе дальнейшей игры один из «бойцов» зашел за спину гостя и стал делать Александру Ш. знаки о картах, которые были на руках у Степана. Тому это не понравилось, и он в нецензурной форме сделал замечание «бойцу». Тот, недолго думая, вытащил Стёпу из-за стола и ударил в челюсть. Стёпа упал, тогда «боец» в пылу сражения запрыгнул на него и задушил. Картина маслом, но таковы нравы криминального мира.

Труп решили отвезти в лес. Что и было сделано поздно ночью – заехали в другой район, занесли в чашу, облили бензином, подожгли и уехали. Всё шито-крыто, в лучших традициях воровской романтики. Однако случайный свидетель спутал преступникам все карты.

После задержания одного из них поместили в ИВС г. Краснокамска, другого в ИВС г. Нытвы, ну а третьего «бойца» продержав какое-то время в отделе милиции, посадили в УАЗик и повезли в изолятор временного содержания УВД г. Перми. Мы еще не знали, что же, помимо игры, происходило дома у Александра Ш. – в показаниях задержанных в мелочах была путаница, которая давала основания предполагать их причастность к убийству. Поэтому всех указанных лиц и определили вразные места задержания для дальнейшей работы по раскрытию преступления.

Как только мы отъехали из Краснокамска с третьим задержанным, он нас спросил, куда его везут.

Оперативник, находящийся с нами в машине, сказал:

– В «Башню смерти».

Так в народе называлось здание ГУВД г. Перми – ходили слухи, что там к задержанным применяют нечеловеческие пытки и расстрелы. На самом деле такого, конечно, никогда не было.

Здание ГУВД г. Перми, именуемое в народе «Башней смерти», 1980-е гг.

Здание это было построено пленными немцами в 1950-х годах в стиле советского монументального классицизма («сталинских высоток») и занимало целый квартал между Комсомольским проспектом и улицей Героев Хасана. Вначале в нем находился горисполком г. Перми, затем его передали Управлению МВД по Пермской области. Подвал здания действительно использовался экспертами-баллистами для производства отстрела изъятого оружия при проведении экспертиз, но никаких массовых расстрелов там не происходило. Откуда появилась информация о пытках среди преступников, не известно, но такая легенда имела место.

Услышав, куда его везут, задержанный стал биться в истерику и требовать выпустить его, обещал всё рассказать, только бы не оказаться в «Башне смерти».

И мы решили ему подыграть. Машину остановили и провели допрос задержанного прямо посреди дороги. Он всё подробно рассказал и об обстоятельствах убийства, и о роли каждого из них в этом деле. Видеокамера у нас была с собой, и я тут же записал его признательные показания.

Дальнейшее расследование не составило большой сложности, и по его завершению дело было направлено в суд, вынесший обвинительный приговор.

В.А. Рева

Красивая коза

Это преступление произошло 21 июля 1973 г. в Индустриальном районе города Перми, когда семейная пара, проживающая в обычном пятиэтажном доме-хрущевке, после обеда вместе с дочерью собиралась пойти в магазин. Пока родители одевались, шестилетняя Лена отпросилась выйти на улицу и подождать их у подъезда. Через несколько минут вслед за ней отец и мать вышли на улицу, но девочки у подъезда не обнаружили. Обошли вокруг дом – безрезультатно. Игравшая во дворе подружка, сверстница Вера, сказала, что та ушла с каким-то дядей, одетым в синий форменный костюм, в сторону леса.

Отец девочки попросил соседа Сергея помочь в поиске исчезнувшей дочери, втроем они стали прочесывать местность и метаться по микрорайону. Так прошло более получаса. И тут они увидели на тротуаре у остановки общественного транспорта «Советской Армии» на шоссе Космонавтов, в районе подземного перехода, незнакомого мужчину, который вел Лену за руку. Сосед оказался проворнее всех и подбежал первым. Он спросил у девочки, где она разгуливает, ведь ее ищет отец. Неожиданно незнакомец возмутился и заявил, что отец девочки – он. Сосед ответил, что сейчас разберемся, кто тут отец – настоящий уже идет сюда. Услышав это, мужчина сразу рванулся прочь, но Сергей догнал и скрутил его. Подбежавшая мать схватила дочь.

В тот момент Лена не сказала отцу и матери, что с ней делал чужой дядя (об этом она первой расскажет маме, но несколько позднее). Расскажи она сразу тут же обо всем, не избежать бы пойманному самосуду на месте. Возможно, это обстоятельство спасло тогда ему жизнь. С педофилами люд на Урале не церемонился, поэтому дела такие попадались нечасто. Даже

в исправительных лагерях к этой публике было особое презрительное отношение со стороны других заключенных, они автоматически попадали в касту униженных – «машек» и изгоев. Участь их на зоне была незавидной.

Уже позднее, на допросе, девочка рассказала, что у подъезда ее дома к ней подошел незнакомый дядя в синей форме и, пообещав показать ей большую куклу, увел в лес. Там, в кустах, снял с нее колготки и трусики, посадил к себе на колени и стал «больно задевать ее попу своей писей». Ей было страшно, она плакала, просилась домой.

Когда отец девочки и сосед возились с вырывавшимся незнакомцем, мимо по шоссе проезжал патрульный милицкий автомобиль. Ехавший в нем наряд милиции обратил на них внимание, остановился, и вскоре все участники происшествия оказались в автомобиле, который и доставил их в дежурную часть Дзержинского РОВД.

Дела данной категории были в ведении следователей прокуратуры, поэтому через полчаса, по указанию прокурора района Магнутова А.В., поручившего мне разобраться в случившемся, я прибыл в РОВД. Девочка к тому времени связно рассказала родителям о том, что с ней делал задержанный дядя. В присутствии матери и срочно приглашенного педагога мы записали рассказ ребенка в протокол допроса и сразу же направили девочку на судебно-медицинскую экспертизу на предмет обнаружения следов насилия. Не теряя времени, пока всё свежо в их памяти, я допросил родителей девочки, а также соседа Сергея.

Затем очередь дошла до задержанного. Им оказался тридцатилетний Гадюшкин Анатолий, работавший аккумуляторщиком в Пермском аэропорту. Внешне он производил неприятное впечатление: невысокого роста, худощавый, с прилизанными набок волосами, бегающим взглядом напоминал загнанную в угол крысу. Он категорически отрицал свою причастность к совершению сексуального насилия и объяснил, что в лесу

увидел заблудившуюся девочку и по ее просьбе повел домой к родителям. А тут его, ни в чем не виноватого, ни за что схватили. Требовал отпустить его.

Однако шел он с потерпевшей девочкой, по показаниям отца ребенка и соседа, наоборот, в противоположную сторону от их дома. Кроме того, когда Гадюшкин уводил Лену от дома, он был одет в полную форму работника гражданской авиации. При задержании на нем не было фуражки и пиджака. Эти предметы одежды были сложены в имеющийся у Гадюшкина портфель, с которым подозреваемый и был задержан. Таким образом, можно было предположить, что сделал он это отнюдь не случайно, а с целью изменения своих внешних примет.

Пока мы разбирались с делом, поступил звонок от судебно-медицинского эксперта. Опытнейший специалист Югов Г.Г. сообщил мне, что осмотрел ребенка, и обнаружил телесные повреждения, свидетельствующие о совершении полового акта в извращенной форме. Акт экспертизы в письменном виде Югов обещал прислать через несколько дней.

На основании имеющихся сведений Гадюшкин был отправлен в камеру предварительного заключения, несмотря на его бурные протесты.

Между тем возникла необходимость в правильном определении места совершения преступления, поскольку законом регламентировано производство расследования по территориальному признаку. Это значит, что следователь одного района не должен и не может расследовать дела о преступлениях, совершенных в соседнем районе, за исключением случаев, когда преступник совершил несколько преступлений на разных территориях. В нашем случае начало преступления было в Индустриальном районе, откуда подозреваемый увел девочку, затем, для продолжения преступления, он отвел ее, перейдя через шоссе Космонавтов (границу двух районов), в Черняевский (Балатовский) лес, который находится в Дзержинском районе,

то есть на обслуживаемой нами территории, где совершил свое гнусное дело. После чего вновь вернулся с ней в Индустриальный район, где и был задержан. С учетом этого возникали вопросы по определению территориальной подследственности. Всё это могло бы напоминать кадры из фильма с участием Чарли Чаплина, в котором полицейские по очереди перемещают туда и обратно пьяного мужчину через улицу на территорию соседнего участка. Но наше дело было слишком серьезным, чтобы на данном этапе следствия вести об этом спор.

Опытный и мудрый прокурор Магнатов принял «соломоново решение» – с подследственностью и территориальностью разберемся потом, а сейчас важно установить все обстоятельства и собрать доказательства, подозреваемого отпускать нельзя, будем арестовывать его в порядке ст. 90 УПК РСФСР, допускающей арест до предъявления обвинения на срок до 10 дней.

Некоторые затруднения в расследовании вызывали показания потерпевшей: шестилетняя девочка, сильно напуганная, плакала и давала весьма односложные и скудные ответы на наши вопросы, поначалу не составлявшие полной картины произошедшего, да и что можно было требовать от малолетнего ребенка, испытавшего кошмар – физическую боль и сильнейший стресс.

Шеф попросил меня отложить все остальные дела в сторону и сделать всё возможное для установления всех обстоятельств произошедшего.

На следующий день вместе с начальником уголовного розыска района Матрунчиком Александром Александровичем мы прибыли в изолятор временного содержания и приступили к допросу Гадюшкина. В течение долгих часов шел перекрестный допрос, на котором подозреваемый никак не мог объяснить, почему и зачем оказался в районе проживания девочки, зачем и для чего ходил в лес, и так далее. В его показаниях то и дело появлялись нестыковки и оговорки, но изнасилование девочки Гадюшкин, тем не менее, категорически отрицал.

На другой день наши вопросы стали более наступательными и неожиданными, неудобными для него. Подозреваемому всё сложнее было уклоняться от ответов, и наконец, понимая, что он попался на вопросах-ловушках, он начал рассказывать, как было всё на самом деле. Он признал факт изнасилования девочки, но в оправдание сослался на то, что был слегка выпивши и не контролировал себя. Желая подчеркнуть свое «благородство», заявил, что другой бы на его месте мог убить девочку в лесу, на худой конец бросить ее в лесу и скрыться, а он не такой – пожалел ее, и не только оставил в живых, но и вывел к людям. После признания он попросил дать ему возможность написать явку с повинной, чтобы это как-то было зачтено судом при определении меры наказания. Мы не стали возражать и после написания Гадюшкиным явки с повинной составили протокол его допроса с признательными показаниями.

Личность обвиняемого нас заинтересовала особенно, педофил – явление в то время редкое. Кроме того, изучение личности совершившего преступление является обязательным. Было выяснено, что в областном центре он объявился около года назад, бросив в таежном леспромхозовском поселке жену с двумя маленькими детьми. О причине расставания с семьей обвиняемый ничего связного пояснить не пожелал. В Перми он успел поработать в нескольких местах, и из пришедших оттуда по нашему запросу характеристик, в общем, удовлетворительных, складывался образ среднестатистического «середняка», ничем особо не выделявшегося среди окружающих.

Весьма неожиданные и существенные дополнения в характеристику внес допрос брошенной жены, вскрывший его сексуальные пристрастия. Сначала женщина пожаловалась, что тот злоупотреблял спиртными напитками, потом встречался с любовницей старше его по возрасту, и это в небольшом лесном поселке, где все и всё знают друг о друге. Ради детей жена

Гадюшкина многое терпела, но произошел случай, переполнивший чашу ее терпения, после которого она выгнала мужа из дома, и он уехал жить в Пермь.

Год назад, летним вечером к ней пришла соседка Некина и рассказала, что услышав в сарае непрерывный рев козы, она бросилась туда посмотреть, в чем дело, и увидела нетрезвого Гадюшкина, абсолютно голого, который пристроился к ее козе сзади для удовлетворения своего животного инстинкта. Она его прогнала, и теперь он голый бегаёт по огороду. Выглянув во двор, женщина, и правда, увидела голого мужа, нарезавшего круги по грядкам и выражавшегося нецензурной бранью.

Было принято решение допросить эту соседку. Она оказалась солидной и рассудительной женщиной бальзаковского возраста, работавшей главным бухгалтером леспромхоза. Пояснила, что у них около дома имелся сарай – на двоих с Гадюшкиными. Там содержались рядом, разделенные перегородкой, две козы. Ее коза Дашка и соседская коза. Прибежав на непрерывный, как сирена, рев, Некина застала там выпившего и голого соседа, который «пользовал» ее козу, а та редела. Срамника она прогнала, и тот голый убежал в огород. На вопрос, чего он к ее Дашке лезет, он ответил: «Тебе козы жалко, что ли?»

Беготня пьяного Гадюшкина нагишом с оскорблением окружающих нехорошими и нецензурными словами была квалифицирована как бытовое хулиганство. Однако законодательством не была предусмотрена ответственность ни за скотоложство, ни за жестокое обращение с животными.

Тем временем следствие по изнасилованию несовершеннолетней подходило к завершению. Было получено заключение судебно-биологической экспертизы, установившей наличие на трусиках девочки спермы, которая могла принадлежать обвиняемому. Эксперты-криминалисты установили также наличие микрочастиц одежды потерпевшей на брюках обвиняемо-

го и, наоборот, микрочастиц его брюк на одежде девочки, что подтверждало их контакт. К окончанию следствия Гадюшкин отказался от своих признательных показаний, надуманно заявив, что написал явку с повинной из жалости к следователям. Не знаю, почему он решил, что следствие нуждается в его жалости. Впрочем, чего не сделаешь, чтобы избежать наказания, каждый защищается, как может.

Дело было направлено в Пермский областной суд, где рассматривалось под председательством опытного судьи Садовенко Василия Яковлевича, который до этого уже рассматривал некоторые расследованные мной дела. Когда была возможность, я посещал такие процессы, а после их окончания обращался к председательствующим с просьбой указать на имеющиеся недостатки следствия, если таковые, по их мнению, имели место. Особенно важно было услышать мнение судей областного суда, как наиболее опытных и квалифицированных специалистов. Высказанные в доброжелательной форме замечания помогали в дальнейшем избежать недоработок при расследовании последующих дел. В результате подобного общения выстраивались хорошие и деловые отношения, которые шли только на пользу общему делу в борьбе с преступностью.

На процессе Гадюшкина мне побывать не удалось из-за загруженности другими делами. Но спустя какое-то время после окончания процесса я встретился с председательствующим Садовенко. Тот рассказал мне, что замечаний по качеству ведения следствия у него не возникло, но процесс, в силу самого характера дела и позиции, занятой подсудимым, шел очень сложно и напряженно. Подсудимый вел себя агрессивно, всё подряд отрицал, менял показания, пытался воздействовать психически на девочку, которая продолжала его бояться и плакала. Садовенко был вынужден удалить подсудимого из зала, и только после этого стал возможен допрос ребенка. Атмосфера в целом была угнетающая.

Разрядило обстановку рассмотрение эпизода с козой Дашкой. Гадюшкин, в своей манере, данный эпизод отрицал. Но когда показания давала хозяйка животного, которая подробно рассказала о произошедшем, он имел неосторожность задать ей вопрос:

– Объясните, почему я насиловал вашу козу, когда моя собственная рядом стояла?

Женщина на минуту задумалась, а потом заодно и громко ответила:

– Так понятно же почему, значит, моя коза красивше вашей.

На лицах присутствующих в зале впервые за время заседания появились улыбки.

По итогу подсудимый был приговорен судом к десяти годам лишения свободы. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

Наши авторы

Вафин Равиль Джагфарович

Родился 1 июля 1959 г. в селе Дубьязы Высокогорского района Татарской АССР.

В 1981 г. окончил юридический факультет Казанского государственного университета имени В.И. Ульянова-Ленина. Военнообязанный, имеет воинское звание лейтенант.

В 1980-1986 гг. – стажер прокуратуры Ленинского района г. Мурманска, стажер, старший следователь, следователь по особо важным делам прокуратуры г. Мурманска.

В 1986-1987 гг. – следователь по особо важным делам прокуратуры Мурманской области.

В 1987-1989 гг. – старший следователь следственной части Главного следственного управления Прокуратуры Союза ССР.

В 1989-1992 гг. – следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР.

В 1992 г. освобожден от занимаемой должности в связи с ликвидацией Прокуратуры Союза ССР.

Младший советник юстиции.

Председатель РОО «Союз ветеранов следствия».

Награжден медалями Союза ветеранов следствия «Медаль Кравцева» и «Медаль Почета», медалями Следственного комитета Российской Федерации «Ветеран следственных органов», «За заслуги», «75 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «10 лет Следственному комитету Российской Федерации», «350 лет со дня рождения Петра I» и «За чистоту помыслов и благородство дел».

Киселёв Александр Андреевич

Родился 12 декабря 1957 г. в Киясовском районе Удмуртской АССР.

В 1986 г. окончил вечернее отделение юридического факультета Пермского государственного университета им. Горького.

В 1982-1992 гг. работал в органах прокуратуры г. Перми и Пермской области, начав со стажера и закончив следователем по особо важным делам.

2009-2016 гг. – следователь-криминалист следственного управления СК РФ по Пермскому краю.

2016-2018 гг. – помощник судьи кассационной инстанции по уголовным делам Пермского краевого суда.

2018-2019 гг. – главный специалист ОКС Управления Судебного департамента.

С декабря 2020 г. – юрисконсульт в Пермском радиотехническом колледже им. А.С. Попова.

Ветеран следствия.

Колпаков Олег Иванович

Родился 24 февраля 1956 г. в Москве.

В 1973 г., окончив среднюю школу, поступил на работу во Всесоюзный НИИ по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР в качестве лаборанта.

В 1974-1976 гг. проходил срочную службу в рядах Советской Армии, затем вернулся в НИИ на должность старшего специалиста.

В 1982 г. переведен на работу в прокуратуру войсковой части 9373 в качестве стажера помощника прокурора.

В ноябре 1982 г. назначен на должность старшего следователя.

С 1986-го по 1989 г. – следователь по особо важным делам.

В 1989 г. переведен в прокуратуру войсковой части 9393 на должность старшего помощника прокурора, а затем заместителя прокурора.

В период работы следователем расследовал уголовные дела на территории Узбекистана, Армении, Азербайджана. На территории Украины проводил следственные действия в Донецке, Константиновке, Макеевке, Горловке, Северодонецке, Лисичанске, Днепропетровске.

В 1988-1989 гг. в составе следственной бригады расследовал последствия массовых беспорядков в г. Кировобаде АзССР.

В 1992 г. исполнял обязанности начальника штаба следственной бригады по расследованию последствий Чернобыльской аварии.

Является членом Союза писателей России, автор детективных романов под общим названием «Следствие из тупика».

В 2016 г. стал лауреатом национальной литературной премии «Щит и Меч Отечества».

Состоит в «Союзе ветеранов следствия» СК РФ, выступает с лекциями перед кадетами Кадетского корпуса им. Александра Невского и перед курсантами Московской академии СК РФ им. А.Я. Сухарева.

В настоящее время работает адвокатом.

Кондратов Анатолий Иванович

Родился 16 июня 1949 г. в городе Красный Луч Ворошиловградской области УССР (ныне Луганская Народная Республика).

Окончил Саратовский юридический институт.

В 1977-1984 гг. работал старшим следователем и следователем по особо важным делам прокуратуры г. Красный Луч Ворошиловградской области.

В апреле 1982 г. – участник Всесоюзной конференции лучших следователей органов прокуратуры в г. Москве.

В 1984-1992 гг. – старший следователь следственной части, следователь по особо важным делам, старший следователь по особо важным делам Управления по расследованию дел особой важности Прокуратуры Союза ССР.

В 1992-1993 гг. – заместитель начальника отдела оперативного реагирования Следственного управления Генеральной прокуратуры РФ.

В 1993-1996 гг. проходил службу в органах внутренних дел в должностях заместителя начальника отдела и начальника отдела специальных операций Главного управления по борьбе с организованной преступностью МВД РФ.

Государственный советник юстиции 3 класса, полковник милиции в отставке.

В 2012-2021 гг. – заместитель председателя Совета региональной общественной организации «Союз ветеранов следствия».

Почетный сотрудник Следственного комитета РФ, член Президиума Национальной Ассоциации организаций ветеранов следственных органов, ответственный секретарь Совета ветеранов следствия при Следственном комитете РФ.

Награжден медалями СК РФ «За верность служебному долгу», «За заслуги», «За содействие», «За чистоту помыслов и благородство дел», медалями МВД РФ «За заслуги в борьбе с организованной преступностью и терроризмом», «200 лет МВД России».

Костарев Валерий Евграфович

Родился в 1949 г. в г. Петропавловске Северо-Казахстанской области.

После службы в Советской Армии в 1974 г. окончил Свердловский юридический институт.

В 1974-1984 гг. работал в прокуратуре Северо-Казахстанской области в должностях старшего следователя прокуратуры области и прокурора-криминалиста.

В 1984-1991 гг. – в Прокуратуре Союза ССР в должностях старшего следователя следственной части, следователя, старшего следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре Союза ССР.

В 1992-2007 гг. – в должности следователя, старшего следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре Российской Федерации, заместителем начальника управления по расследованию особо важных дел – начальника первого отдела по расследованию бандитизма и умышленных убийств.

В 2007-2009 гг. – в должности заместителя руководителя управления ГСУ Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации – руководителя первого отдела.

Государственный советник юстиции 3 класса.

Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации, Почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации.

Награжден более 30 медалями и почетными знаками, один из первых лауреатов премии «Фемида».

Рева Василий Александрович

Родился 14 января 1948 г. в Перми.
В 1973 г. окончил юридический факультет Пермского государственного университета.

В 1969-1974 гг. – следователь прокуратур Оханского, Ильинского районов Пермской области, прокуратуры Дзержинского района г. Перми.

В 1975-1976 гг. работал в составе следственной группы прокуратуры СССР в Узбекской ССР.

В 1976-1985 гг. – старший следователь, прокурор-криминалист, начальник следственной части прокуратуры Пермской области.

В 1985-1987 гг. – старший следователь по особо важным делам при прокуроре РСФСР.

В 1987-1989 гг. – старший следователь прокуратуры города Одинцово Московской области.

В 1989 г. – руководитель следственной группы прокуратуры Союза ССР в Армянской ССР.

В 1990 г. – старший следователь прокуратуры Московской области.

В 1991 г. – следователь по особо важным делам прокуратуры Союза ССР.

В 1992-1995 гг. – начальник отдела Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Старший советник юстиции. Почетный работник прокуратуры Российской Федерации. Награжден ведомственными медалями Прокуратуры Российской Федерации и Следственного комитета Российской Федерации. Член Союза писателей России. Лауреат национальной премии «Имперская культура».

Савченко Андрей Петрович

Родился 5 ноября 1954 г. в Алтайском крае.

В 1975 г. по завершении срочной армейской службы поступил на юридический факультет Алтайского государственного университета, который успешно окончил.

С августа 1980 г. работал стажером, помощником прокурора Заринского района, следователем прокуратуры Родинского района, затем в аппарате прокуратуры Алтайского края – старшим следователем, следователем по особо важным делам, заместителем начальника отдела по расследованию особо важных дел.

В 1985 г. под руководством следователя по особо важным делам прокуратуры РСФСР А.Д. Филина участвовал в расследовании уголовного дела о взяточничестве на московском предприятии «Совтрансавто».

В 1988-1989 гг. под руководством старшего следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры СССР С.М. Громова участвовал в расследовании уголовного дела о взяточничестве и хищениях партийно-хозяйственного руководства Таджикской ССР.

В 1996 г. вышел на пенсию по выслуге лет.

Советник юстиции.

Тамаев Руслан Сугаипович

Родился в 1951 г.

В 1976 г. окончил Свердловский юридический институт, 33 года работал в органах прокуратуры, из которых 15 лет (с 1994 по 2009 гг.) работал в центральном аппарате Генеральной прокуратуры РФ старшим следователем по особо важным делам, заместителем начальника Управления по расследованию особо важных дел, советником

Генерального прокурора РФ и заместителем директора научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры РФ по науке.

Государственный советник юстиции 2 класса (генерал-лейтенант юстиции), Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник прокуратуры Российской Федерации, Почетный сотрудник следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук.

После выхода на пенсию работал советником Контрольного управления Администрации Президента РФ.

Туктаров Равиль Рафаэлевич

Родился в 1958 г. в Казани.

Окончил в 1981 г. юридический факультет Казанского государственного университета имени В.И. Ульянова-Ленина.

Работал стажером, следователем прокуратуры Бауманского района Казани.

В 1984 г. назначен на должность старшего следователя прокуратуры Татарской АССР.

В 1983-1986 гг. работал в составе следственной группы Прокуратуры СССР в Узбекской ССР по уголовным делам о коррупции и взяточничестве в Бухарской области.

Советник юстиции в отставке.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>А.И. Бастрыкин</i>	
Вступительное слово	5
<i>А.И. Кондратов</i>	
«Белое золото»	7
Предисловие. Историческое наследие.....	7
1. «Белое золото»	13
2. Следствие. Начало пути	24
3. Следствие. Основной этап	29
4. Следствие. Завершающий этап	45
5. Судебные приговоры	68
6. Размышления после судебных приговоров.....	73
Эпилог	75
<i>Р.С. Тамаев</i>	
Борьба с казнокрадством	79
<i>В.Е. Костарев</i>	
Охота на «Смоленского маньяка».....	109
Крах синдиката убийц.....	152
Первоначальное расследование.....	152
В дело вступает Генеральная прокуратура России	157
Владимир Лабоцкий	160
Игорь Барыбин (Шкабара)	163
Становление банды.....	165
Передел сфер влияния	170
Московский период банды.....	179
Убийство Владимира Лабоцкого.....	182
Гнездики	187
Убийство Сергея Гнездики	189
Убийство Кондрашова и Кривицкого	191

Расследование	193
Бандитское нападение на ФОК.....	198
Эпилог	202
Небывалое – бывает.....	203

<i>Р.Р. Туктаров</i>	
Тяжелая неделя	214
Сорвался	222
Разговоры со смертником.....	229

<i>А.П. Савченко</i>	
Случай в Малом Бащелаке	261

<i>О.И. Колпаков</i>	
Однажды в Закавказье.....	289

<i>Р.Д. Вафин</i>	
Цепь непредвиденных случайностей.....	313

<i>А.А. Киселёв</i>	
В городе Кизеле.....	335
«Башня смерти»	344

<i>В.А. Рева</i>	
Красивая коза.....	349

Наши авторы	357
-------------------	-----

Литературно-художественное издание

**Следственный комитет Российской Федерации
Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева**

Союз ветеранов следствия

СЛЕДСТВИЕ СКВОЗЬ ГОДЫ...

(воспоминания ветеранов следствия)

Выпуск 6

Книга выпускается в авторской редакции

Выпускающий редактор: Тимченко П.С.
Корректор: Пистер Я.Я.

В книге использованы фотоматериалы из личных архивов авторов и из открытых источников в сети Интернет, в т.ч. из Государственного архива Пермского края.

Также в коллаже обложки использован снимок © “СССР. Москва. 5 сентября 1988 г. Часть томов обвинительного заключения уголовного дела в отношении бывших ответственных сотрудников МВД о взяточничестве в особо крупных размерах и в использовании служебного положения в корыстных целях”. Авторы Малышев Николай, Песов Эдуард/Фотохроника ТАСС и снимок Алёны Михеевой “Идет коза рогатая”.

Подписано в печать: 01.12.2025
Формат 60х90/16. Гарнитура «PT Serif»
Бумага офсетная. Печ. л. 23
Тираж 1400 экз.
Издательский Дом «Славянка»